Письмо в редакцию.

От редакции журнала „Под Знаменем Марксизма“.

В связи с примечанием редакции „Большевика“ к статье тов. К. Розенталя „Об одной умной теории и неумном критике“ в № 17—18 за 1925 г. (по поводу статьи тов. В. Борилина в „Под Знаменем Марксизма“, № 5—6 за текущий год), редакция журнала „Под Знаменем Марксизма“ считает необходимым отметить, что она не согласна с некоторыми положениями тов. Борилина и, в частности, с его положениями о государственно-капиталистических трестах.

Статья нашла себе место в общем отделе, конечно, не потому, что она заключает эти неверные положения, а потому, что основная часть ее посвящена критике Гильфердинга, Шиппеля и других врагов революционного марксизма.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24

№ 23—24

30 ДЕКАБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ДЕКАБРЯ 23—24

ПОЛИТИКО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНIЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 50206. Тираж 40000 экз.
Типография изд-за «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. наб., д. 23а.

К XIV С'езду РКП (б).

На исходе 1925 года собрался XIV с'езд РКП (б). Верховному органу нашей партии, ленинскому авангарду победоносного пролетариата СССР, предстоит разрешить целый ряд ответственнейших жгучих вопросов. С'езд отметит все наши достижения, с'езд внимательно и хладнокровно учтет все трудности и преграды, встающие на нашем историческом пути, с'езд твердой рукой набросает стоящие перед нами перспективы, с'езд определит основные линии нашей политики на ближайший год, с'езд вручит всей нашей партии, всем нашим организациям ясные ленинские директивы дальнейшей работы, борьбы и строительства. Следуя этим директивам, партия поведет за собой к новым достижениям и новым победам все ширящиеся, все крепнущие массы рабочего класса. Возглавляя рабочий класс, хранящий прочный союз с основной массой нашего крестьянства, мы будем строить социализм в нашей стране.

Оглядывая пройденный между XIII и XIV с'ездами путь, мы уверенно, не надевая розовых очков, трезво взвешивая все факты, можем сказать, что пройденная нами полоса была полосой энергичного роста. Рост этот четко обозначился во всех областях общественной жизни нашего Союза. Мы укрепили власть наших Советов в городе и деревне. Мы повысили мощь нашего Союза на международно-политической арене, неизмеримо выросли симпатии к нам со стороны колониальных и полуколониальных народов. «Мировые» капиталистические державы все больше и больше вынуждены считаться с не по дням, а по часам крепнущим пролетарским государством. Мы подтянули к почти довоенному уровню нашу государственную социалистическую промышленность. Мы вернули в города, в мастерские к станкам, к молоту и горну ушедшие в деревню массы рабочих, мы вновь собрали на фабриках и заводах огромную армию промышленных рабочих. Не дремали производительные силы и в деревне, сельское хозяйство все время шло вверх, оно быстро оправлялось от ран, нанесенных ему империалистической и гражданской войной.

Под'ем нашей экономики города и деревни, нашей культурной жизни вовсе не шел «стихийно», вопреки нашей воле, по-

мимо нас, как силятся это утверждать наши враги. Мы с честью **руководили** процессом роста, мы со всей силой направляли его в желаемое нам русло, мы обуздывали враждебную нам стихию, мы с ней боролись, ее преодолевали. Серьезные успехи в этом отношении были достигнуты потому, что вся наша партия шла все время вперед железными сомкнутыми рядами под руководством ленинского ЦК. Центральный Комитет нашей партии вел неуклонно всю нашу партию под знаменем ленинизма, давая решительный большевистский отпор всяким сомнениям и колебаниям, царившим в ее рядах. Блестяще провел он вторую, литературную дискуссию с троцкизмом. Центральный Комитет неизменно указывал партии на опасности, на трудности, на противоречия. Он учил нашу партию смело глядеть в лицо опасностям, учил преодолевать их, а не дрожать перед ними, перед трудностями. Он учил миллионную массу ленинцев выдержке, гибкости, большевистской дисциплине.

Болезни роста у нас существуют. На них ставят свою нынешнюю ставку те, кто ненавидит рабочую республику, на них строит свои расчеты международная буржуазия, о них каркает белогвардейское воронье. Но ленинская партия не есть партия слабонервных. Вся она в целом и ее Центральный Комитет останутся чуждыми всякому комхныканью.

Опасности существуют. Наш путь долог и тернист. Кое-кто готов дрогнуть. Кое-кто готов забить тревогу. Кое-кого может захватить уныние, настроения ликвидаторства. А такие настроения в переживаемой обстановке роста имеют под собой об'ективную подпочву.

Нетрудно понять, как раждаются такие настроения паники и пессимизма. Логика этих настроений, примерно, такова.

Рост городской индустрии бесспорно происходит. Наша промышленность идет в гору. Но какова социальная природа этой госпромышленности? Разве нет в ней черт наемного труда и эксплоатации? Разве можно безоговорочно принять ее «последовательно-социалистический» характер? Разве нельзя ее в целом или те или иные ее элементы или стороны подвести под рубрику капитализма или «госкапитализма». Разве не очевидно, как еще отстает от роста потребностей уровень заработной платы? Разве несмотря на рост не воспроизводятся отношения неравенства? Разве не колет глаз «промышленная резервная армия», так туго рассасывающаяся, несмотря на рост? Весь пучек этих и других вопросов кое у кого рождает испуг перед действительностью и «сомнения» в будущем, влечет за собой безверие в социалистические перспективы.

Развертываются производительные силы деревни. Но эти производительные силы не суть производительные силы вообще. Они неминуемо облекаются в определенную социально-классовую плоть и кровь. Хозяйственный рост стихийно расслаивает деревню, стихийно дифференцирует советское крестьянство, экономически крепит верхушку, расширяет круг бедняцко-маломощных хозяйств. Стихия роста не может не лить воду на мельницу аграрного капитализма. Враждебные нам социальные элементы оформляются и укрепляются в деревне и, беря курс на разрыв рабоче-крестьянского союза, ведут подкоп под здание пролетарской диктатуры. Таким образом, рассуждают маловеры, если «сомнительны», если не «крепки» социалистические перспективы нашего города, то совсем уж безнадежны социалистические перспективы деревни.

И над нашим экономическим ростом в целом разве не ставят роковой знак вопроса? Разве шагает вперед наше хозяйство всюду равномерно, разве легко спланировать, координировать все элементы нашей экономики так, чтобы было обеспечено плавное поступательное движение всегда и повсюду? Разве мы гарантированы от больших просчетов в плане? И разве эти плановые просчеты не идут на пользу соревнующим с нами «частникам», спекулянтам, кулакам капитализма? И чем полнокровнее будет становиться наша хозяйственная жизнь, тем труднее будет налаживать плановое руководство хозяйством огромной страны, тем опаснее будут просчеты, тем больше будет выигрывать частно-хозяйственная, собственническая, буржуазная стихия.

И если наша экономика в целом, если все хозяйство СССР шествует под счастливой звездой роста, то вправе ли мы самообольщаться? Мы растем, мы движемся, но как? Не на «дрожжах» ли нэпа? Не по рельсам ли новой экономической политики? А разве новая экономическая политика не «отступление»? Мы растем, все время отступая, сдавая одну за другой наши социалистические позиции кулаку и частному капиталу. Наш рост оставляет за собой гигантскую черную тень. Производительные силы стихийно растут, но не за нас, а против нас. И чем быстрее будут расти производительные силы, тем больше грозных туч будет сгущаться на нашем горизонте, тем труднее для нас будет «маневрировать», «отступать», вести классовую борьбу.

И сможет ли последовательно развиваться логика ликвидаторского безверия—«продержаться» до лучших времен, до тех времен, когда можно будет не по-нэповски, а по настоящему строить социализм в нашей стране? В одной стране, да притом еще отсталой, строить социализм невозможно, действительное социалистическое строительство начнется на другой день после мировой социалистической революции.

Где ахиллесова пята **таких** настроений и **таких** прогнозов?

Отдельные, скептически настроенные товарищи (таковые, к сожалению, существуют: Сафаров, Саркис и др.) забывают о двух

вещах, о двух взаимных между собой моментах. Они забывают о том, чему учил партию Ленин, об исторической миссии нашей госпромышленности и о крупнейшей роли нашей с.-х. кооперации. Рост социалистической госпромышленности в городе и рост социалистической кооперации в деревне—таковы два решающих шага для нас: на ту и на другую ставят наша партия и наш пролетариат свою ставку. Социалистическая промышленность будет расти и все больше вести в сторону социализма все хозяйство в целом, включая и хозяйство деревни. А кооперация—как это гениально предуказал Ленин—должна стать могучим рычагом коренной трансформации, социалистического преобразования всего хозяйственного уклада советской деревни. По кооперативному руслу наша партия и пролетариат поведут за собой деревню не шаткими аргументами административного принуждения, но властными аргументами экономического интереса. Социалистический пароход (городская индустрия), стоящий у нас под парами, потащит за собой деревенскую баржу по кооперативному фарватеру в далекое плавание. Лишь бы рулевой (наша партия) был бы на-чеку, лишь бы он знал все «рифы и тайные мели».

Ясно теперь, почему накануне с'езда и на самом с'езде подняты большие принципиальные теоретические и политические вопросы. Ясно, почему наша партия зубами отстаивает и будет отстаивать социалистическое (безусловно, без «но», безоговорочно) существо нашей промышленности. Ясно, почему она отстаивает и будет отстаивать учение Ленина о кооперации. Ведь речь идет об основном, о главном, о возможности победы социализма в нашей стране. Здесь нельзя затушевывать перспектив, здесь нетерпима какая бы то ни было неопределенность, здесь нужна полная отчетливость, полная ясность занятых партией позиций.

XIV с'езд партии примет определенные решения. Всякие попытки—от кого бы они ни исходили—исказить, нарушить или ревизовать эти решения партия будет рассматривать, как ревизию ленинизма, и с такими попытками беспощадно бороться.

Горячий привет лучшим большевикам Союза Советских Социалистических Республик, собравшимся на очередной партийный с'езд! Пусть крепнут ленинские ряды! Пусть будет нерушимым железное единство нашей партии! Пусть будет твердой большевистская рука!

Привет Ленинскому Центральному Комитету партии!

Испытанному стражу завоеваний революции, активным строителям социализма, ученикам Ленина—XIV с'езду партии наш пламенный привет!

Э. Гольденберг.

О строительстве социализма в „одной стране“.

Трудности роста никогда не давали себя чувствовать с такою силой, как сейчас. Противоречия, заложенные в нашей экономике, растут и на первых порах не могут не расти вместе с ростом нашего хозяйства. Хороший урожай привел к некоторому усилению крестьянского расслоения и к дальнейшему оперению и укреплению кулака. В то же время наша промышленность оказалась не в состоянии справиться с колоссально возросшими потребностями крестьянского рынка, а это привело к товарному голоду. Товарный голод в свою очередь не мог не вызвать общего ослабления наших позиций на рынке, создал возможность усиления спекуляции, обнажил ряд участков, куда устремился частный капитал и т. д. Еще более значительные последствия имело то, что крайне скупое предложение промышленных товаров вызвало соответственную реакцию со стороны крестьянства. Как известно, товарный голод является одной из главных причин того, что крестьянство повезло продавать хлеб в количествах гораздо меньших, чем мы предполагали и могли предполагать, исходя из размеров урожая. Отсюда рост хлебных цен, сокращение хлебозаготовок, резкое ухудшение экспортных, а, значит, и импортных возможностей, так как при отсутствии значительных заграничных кредитов, об'ем импорта самым непосредственным образом связан с об'емом экспорта. Между тем, от размеров ввоза заграничного оборудования и сырья, в значительной мере, зависит и темп развертывания нашей промышленности, обновление и расширение ее основного капитала и т. д., и т. д. Просчет в области хлебозаготовок рикошетом ударил по всему хозяйственному фронту и создал необходимость в пересмотре хозяйственного плана в целом.

Вообще говоря, этот просчет меньше всего является «ударом грома в ясном небе». Было бы чистейшей маниловщиной предполагать, что социализм будет охватывать и организовывать хозяйство нашей страны без отдельных просчетов, без частичных, порой значительных, поражений. Но эти поражения и эти просчеты, помимо того значения, которое они имеют непосредственно в хозяйственной сфере, служат питательной почвой для скептицизма в отношении социалистического характера нашего строительства в целом.

Социалистические и плановые элементы нашей экономики потерпели частичную неудачу в рыночной борьбе с мелкобуржуазной стихией. Перед лицом этого факта, вообще говоря, воз-

вещах, о двух взаимных между собой моментах. Они забывают о том, чему учил партию Ленин, об исторической миссии нашей госпромышленности и о крупнейшей роли нашей с.-х. кооперации. Рост социалистической госпромышленности в городе и рост социалистической кооперации в деревне—таковы два решающих шага для нас: на ту и на другую ставят наша партия и наш пролетариат свою ставку. Социалистическая промышленность будет расти и все больше вести в сторону социализма все хозяйство в целом, включая и хозяйство деревни. А кооперация—как это гениально предуказал Ленин—должна стать могучим рычагом коренной трансформации, социалистического преобразования всего хозяйственного уклада советской деревни. По кооперативному руслу наша партия и пролетариат поведут за собой деревню не шаткими аргументами административного принуждения, но властными аргументами экономического интереса. Социалистический пароход (городская индустрия), стоящий у нас под парами, потащит за собой деревенскую баржу по кооперативному фарватеру в далекое плавание. Лишь бы рулевой (наша партия) был бы на-чеку, лишь бы он знал все «рифы и тайные мели».

Ясно теперь, почему накануне с'езда и на самом с'езде подняты большие принципиальные теоретические и политические вопросы. Ясно, почему наша партия зубами отстаивает и будет отстаивать социалистическое (безусловно, без «но», безоговорочно) существо нашей промышленности. Ясно, почему она отстаивает и будет отстаивать учение Ленина о кооперации. Ведь речь идет об основном, о главном, о возможности победы социализма в нашей стране. Здесь нельзя затушевывать перспектив, здесь нетерпима какая бы то ни было неопределенность, здесь нужна полная отчетливость, полная ясность занятых партией позиций.

XIV с'езд партии примет определенные решения. Всякие попытки—от кого бы они ни исходили—исказить, нарушить или ревизовать эти решения партия будет рассматривать, как ревизию ленинизма, и с такими попытками беспощадно бороться.

Горячий привет лучшим большевикам Союза Советских Социалистических Республик, собравшимся на очередной партийный с'езд! Пусть крепнут ленинские ряды! Пусть будет нерушимым железное единство нашей партии! Пусть будет твердой большевистская рука!

Привет Ленинскому Центральному Комитету партии!

Испытанному стражу завоеваний революции, активным строителям социализма, ученикам Ленина XIV с'езду партии наш пламенный привет!

Э. Гольденберг.

О строительстве социализма в „одной стране“.

Трудности роста никогда не давали себя чувствовать с такою силой, как сейчас. Противоречия, заложенные в нашей экономике, растут и на первых порах не могут не расти вместе с ростом нашего хозяйства. Хороший урожай привел к некоторому усилению крестьянского расслоения и к дальнейшему оперению и укреплению кулака. В то же время наша промышленность оказалась не в состоянии справиться с колоссально возросшими потребностями крестьянского рынка, а это привело к товарному голоду. Товарный голод в свою очередь не мог не вызвать общего ослабления наших позиций на рынке, создал возможность усиления спекуляции, обнажил ряд участков, куда устремился частный капитал и т. д. Еще более значительные последствия имело то, что крайне скупое предложение промышленных товаров вызвало соответственную реакцию со стороны крестьянства. Как известно, товарный голод является одной из главных причин того, что крестьянство повезло продавать хлеб в количествах гораздо меньших, чем мы предполагали и могли предполагать, исходя из размеров урожая. Отсюда рост хлебных цен, сокращение хлебозаготовок, резкое ухудшение экспортных, а, значит, и импортных возможностей, так как при отсутствии значительных заграничных кредитов, об'ем импорта самым непосредственным образом связан с об'емом экспорта. Между тем, от размеров ввоза заграничного оборудования и сырья, в значительной мере, зависит и темп развертывания нашей промышленности, обновление и расширение ее основного капитала и т. д., и т. д. Просчет в области хлебозаготовок рикошетом ударил по всему хозяйственному фронту и создал необходимость в пересмотре хозяйственного плана в целом.

Вообще говоря, этот просчет меньше всего является «ударом грома в ясном небе». Было бы чистейшей маниловщиной предполагать, что социализм будет охватывать и организовывать хозяйство нашей страны без отдельных просчетов, без частичных, порой значительных, поражений. Но эти поражения и эти просчеты, помимо того значения, которое они имеют непосредственно в хозяйственной сфере, служат питательной почвой для скептицизма в отношении социалистического характера нашего строительства в целом.

Социалистические и плановые элементы нашей экономики потерпели частичную неудачу в рыночной борьбе с мелкобуржуазной стихией. Перед лицом этого факта, вообще говоря, воз-

можно два заключения: *либо* можно заключить о необходимости дальнейшего укрепления и развития социалистических элементов нашего хозяйства, сосредоточить на этом внимание партии и пролетариата, с еще большей энергией и решительностью поставить перед собой задачу социалистического переустройства крестьянского хозяйства, его включение в систему социалистического хозяйства; *либо* об'явить эту задачу неразрешимой и утопичной и отодвинуть до тех пор, пока пролетариат не победит в мировом или по крайней мере, всеевропейском масштабе. Принятие первого вывода означает, что мы ставим перед собой задачу социалистического преодоления того противоречия, которое существует между социалистическими и мелкобуржуазными элементами нашего хозяйства, уже теперь в пределах «одной страны». С его точки зрения именно в этом преодолении и заключается основное положительное содержание новой экономической политики, одна из основных задач текущего периода революции. Второй вывод есть по существу не что иное, как *отказ* от преодоления этого противоречия. Когда сторонников того взгляда, что строительство в одной стране возможно и не только возможно, но уже имеется налицо,—когда их упрекают в том, что они не видят противоречий, заложенных в нашей экономике, то это чистейшие пустяки, замазывание вопроса, увиливание от прямого ответа на него. Противоречия есть, но вопрос в том, какие практические выводы из этого факта сделать. Вопрос в том, считаем ли мы необходимым и возможным эти противоречия осилить, или возводим их в принцип; строим мы свою политику, исходя из того, что мы будем постепенно овладевать мелкобуржуазной стихией через посредство социалистического переустройства крестьянского хозяйства, или строим ее, исходя из того, что эта задача нам не по силам, из того, что в деревне мы целиком и полностью остаемся на почве буржуазных отношений и буржуазной экономики. Вопрос в том, можем ли мы строить социализм в стране с преобладающим крестьянским населением, или это преобладание крестьянского населения обрекает нас на то, чтобы топтаться на месте и при помощи политических маневров «продержаться» до наступления решающих боев на Западе.

Отрицание возможности строительства социализма в «одной стране» обосновывается с двух концов. С одной стороны, отрицается социалистический характер нашей национализированной крупной промышленности или, если не отрицается прямо, то обставляется таким количеством оговорок и оговорочек, которые в своей сумме, по существу, означают не что иное, как отрицание. С другой стороны, делается упор только в *буржуазный* характер развития нашей деревни. Наша промышленность об'является не социалистической, а госкапиталистической. Вполне очевидно, что если в деревне мы имеем только буржуазно-кулацкое развитие, а в городе государственный капитализм, если и самые наши командные высоты расцениваются, как элементы не социализма, а госкапитализма, то рождение социализма в таких условиях должно представляться чудом не меньшим, чем скажем непорочное зачатие.

Начнем с промышленности. Мнение Ленина на этот счет выражено с ясностью, не допускающей абсолютно никаких сомнений. В статье о кооперации, которая является его политическим

завещанием, он говорит о наших национализированных крупных фабриках и заводах, как о «предприятиях последовательно-социалистического типа» [1]). В целом ряде статей, написанных и произнесенных во время нэпа, начиная с брошюры «О продналоге», он перечисляет *пять* элементов нашего народного хозяйства. Пятым элементом у него является *социализм*.

Социалистическим элементом Ленин считал в первую очередь национализированную крупную промышленность. Это знает всякий, читавший Ленина.

Когда же теперь социалистичность наших фабрик и заводов пытаются, если не открыто оспорить, то, во всяком случае, опорочить указаниями на то, что в нашей промышленности низкая заработная плата, ссылками на премиальную систему, на аккордные работы и т. п.,—то это все равно, как если бы на том основании, что пролетарская диктатура у нас страдает бюрократическими извращениями, стали бы отрицать самую пролетарскую диктатуру. Элементарно и азбучно, что когда мы говорим о социализме и капитализме, то мы имеем в виду раньше всего определенные типы производственных отношений. Капитализм это такой тип производственных отношений, при котором буржуазия в принадлежащих ей фабриках и заводах эксплоатирует пролетариат. *Это* классовое отношение нами уничтожено. Наши фабрики и заводы в руках рабочего класса. Классового отношения эксплоатации в нашей национализированной промышленности нет. Поэтому, несмотря на хотя и растущую, но абсолютно еще низкую заработную плату, несмотря на премиальную систему и аккордные работы, наши фабрики—социалистические фабрики. Кто этого не понимает, тот вообще ничего не понимает ни в капитализме, ни в социализме.

Но, может быть, наша крупная промышленность, будучи социалистической по типу производственных отношений, страдает еще капиталистическими отрыжками? Ведь, несомненно, что и низкая заработная плата, и премиальная система, и многое другое—это отрыжки капитализма. Может быть, социалистический тип производственных отношений *плюс* капиталистические отрыжки это и есть государственный капитализм? Тем более, что в этой связи можно уже указывать не только на низкую зарплату и премиальную систему, но и на то обстоятельство, что наша промышленность, работающая на рынок, организована по принципу хозрасчета, оскверняет себя пользованием такой антисоциалистической вещью, как червонец, и т. д., и т. п.?

Такого рода рассуждение представляет собой пустую и нелепую игру словами. Ведь гвоздь вопроса в том и заключается, что социалистическая промышленность, *несмотря* на то, что страдает капиталистическими отрыжками и работает на вольный рынок, все же остается социалистической, между тем, как государственный капитализм *несмотря* на то, что он государственный, *несмотря* на то, что государство рабочее, не перестает быть капитализмом. В докладе на XI с'езде партии т. Ленин говорил, что «государственный капитализм это—тот *капитализм*, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить». Как известно, одним из видов государственного капитализма являются концессии. Концессионные предприя-

[1]) Том XVIII, ч. 2, стр. 133.

тия, связанные с нами, от нас зависят, ставятся нами в рамки. Тем не менее это капиталистические предприятия, так как иностранные капиталисты извлекают из них прибавочную ценность. По Ленину, следовательно, государственный капитализм это капитализм, нами ограничиваемый, нами контролируемый, но все же капитализм. И когда после такого определения госкапитализма пытаются пристегнуть к нему нашу крупную промышленность, то это все, что угодно, но не ленинизм.

Но, может быть, если нельзя назвать госкапитализмом нашу крупную промышленность, то все же это определение верно по отношению к нашей хозяйственной системе в целом? И на этот счет Ленин высказывался с совершенно исчерпывающей ясностью. В нашем народном хозяйстве он различал пять элементов: 1) патриархальное хозяйство, 2) мелкое товарное производство, 3) частный хозяйственный капитализм, 4) госкапитализм, 5) социализм. Государственный капитализм у него фигурирует, как один из пяти элементов нашей хозяйственной системы. Что «по Ленину» всю систему в целом нельзя называть госкапитализмом, так же очевидно, как и то, что часть меньше целого.

Выше мы видели, что под государственным капитализмом Ленин подразумевал регулируемый рабочим государством капитализм. Что означает с этой точки зрения определение нашей экономики, как госкапитализма? Одно из двух: либо наша крупная промышленность—транспорт и т. д., которые в динамическом рассмотрении являются стержнями народного хозяйства — рассматривается, как нечто, для него настолько несущественное, что при определении целого от них можно «абстрагироваться» потому, что ведь крупная промышленность не есть госкапитализм. Абсурдность такого определения очевидна. Либо по штату госкапитализма зачисляется и крупная промышленность. И тогда второе определение вполне стоит первого.

* * *

Таким образом, попытка обосновать невозможность строительства социализма в одной стране с «городского конца» оказывается мертворожденной. Крупная промышленность есть социалистическая промышленность, и ее рост есть рост социалистического, а не госкапиталистического элемента нашего хозяйства. Это реальный факт, который невозможно растворить в фразах, о том, что все наше хозяйство есть не что иное, как госкапитализм. Подойдем теперь к вопросу с «деревенского» конца. Если отбросить всякую полемическую шелуху, то вопрос сводится к следующему: является ли буржуазный путь развития крестьянского сельского хозяйства единственно возможным путем? На этот кардинальнейший вопрос пролетарской революции Ленин дал совершенно исчерпывающий ответ. Одно из основных положений ленинизма заключается в том, что там, где пролетариат победил, там, где в его руках находится государственная власть, промышленность, банки и т. д.—там буржуазное развитие не есть единственно возможное; там возможен — и с точки зрения революции необходим—кооперативно-социалистический путь. Не случайно и в высшей степени характерно, что в доказательство невозможности социалистического переустройства деревни «в одной стране» всегда ссылаются на цитаты из Ленина, в которых он доказывает невозможность другого развития деревни, кроме буржуазного, при господстве капитализма. Вот на эту «мелочь», на то, что в «Развитии капитализма» и в ряде других, до революции написанных, работ Ленин пишет о деревне, развивающейся под политическим и экономическим гнетом буржуазного города—на эту «мелочь» с мужеством, поистине достойным лучшей участи, закрывают глаза наши неумеренные поклонники госкапитализма.

В статье «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова) Ленин издевается над «рабской подражательностью прошлому». «Слов нет,—пишет он,—учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной, но пора уже отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы об'явить просто дураками».

Ленин, который, как никто другой, умел доказывать неизбежность капиталистической эволюции в деревне при капитализме, в то же время ясно видел и настойчиво подчеркивал возможность его кооперативно-социалистической эволюции при диктатуре пролетариата, при политическом и экономическом руководстве социалистического города. И не только голую возможность, но и реальный путь ее осуществления. Этим путем, этой «столбовой дорогой» социализма в деревне является кооперация. Статью Ленина о кооперации у нас знают все. «Рост кооперации,— говорит он в ней,—для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Кооперативный план Ленина принят нашей партией. Но осуществим ли этот план до мировой победы революции, не утопичен ли он в приложении к «одной стране»? Кулак в деревне есть, и этот кулак растет. Будет ли в состоянии бедняцко-середняцкая кооперация хозяйственно обогнать кулака, хозяйственно его побить?

Сможет ли кооперация экономически поднять, укрепить широчайшие слои мелких и мельчайших крестьян? Бесспорно, что для кооперации эта задача окажется разрешимой лишь при экономической поддержке рабочего государства, его промышленности, его банков и т. д. Но будет ли эта экономическая поддержка достаточной? Хватит ли средств, поскольку речь идет об «одной стране», да еще такой отсталой, как Россия?

В известном смысле в этом гвоздь вопроса, но гвоздь очень не новый. Здесь мы в сущности возвращаемся к тому спору, который велся в прошлом году между товарищами Бухариным и Преображенским относительно «основного закона» социалистического накопления. Тогдашняя полемика между т.т. Бухариным и Преображенским имела чрезвычайно крупное значение, потому что она теоретически «завершала» дискуссию 1923 года. В статьях т. Бухарина, написанных в связи с этой полемикой, дано экономическое обоснование того нового курса в деревне, который был провозглашен XIV партконференцией.

Как известно, существо спора между Бухариным и Преображенским сводилось к следующему: т. Преображенский утвер

ждал, что социалистическое накопление в городе и крестьянское накопление в деревне суть процессы антагонистические. Социалистическое поэтому возможно лишь за счет крестьянского хозяйства. И отсюда вывод, что «основной закон» социалистического накопления заключается в эксплоатации деревни, в перекачке средств—через налоги, высокие цены и т. п.—в город, в промышленность.

Опровергая эту точку зрения, т. Бухарин писал: «Тот, кто рассматривает проблему воспроизводства и соотношения между госпромышленностью и сельским хозяйством исключительно с точки зрения борьбы за высокие цены, то-есть за дележ данного национального дохода, тот—это заранее можно сказать—никогда не сможет решить проблемы, ибо он не может даже правильно ее поставить. Поскольку так ставят вопрос коммунисты, мы имеем налицо, в лучшем случае, пережитки военного коммунизма потребительски-распределительную точку зрения (дележ данного, уже произведенного и полная беззаботность насчет будущего процесса воспроизводства), либо в худшем случае своеобразный трэд-юнионизм, цеховщину, которая блюдет узкие и непосредственные интересы рабочего класса и предает интересы общие, т. е. коммунизм.

Приглядимся к этой точке зрения. В чем же ее основная ошибка? В том, что она не видит целого, она не видит всего народного хозяйства, и поэтому не понимает взаимозависимости и взаимной обусловленности его частей. Другими словами, она не видит динамики хозяйства и наблюдает лишь за его статикой. Если бы задача исчерпывалась однократным дележом между крестьянами и рабочими раз навсегда данного прибавочного продукта, то «истинно-рабочая» политика состояла бы в том, чтобы получить максимальную долю из этого дохода. Но тогда не было бы ни вопроса о воспроизводстве, ни вопроса о движении к коммунизму, ни вопроса о блоке рабочих и крестьян»[1]).

Жизнь подтвердила правильность точки зрения т. Бухарина целиком и полностью. Мы вышли из кризиса 1923 года через снижение цен; на базе снижающихся цен, снижаемого налога, на базе твердой валюты, принесшей ликвидацию эмиссионного налога на деревню, мы достигли исключительно быстрого темпа развертывания промышленности. Это говорит о том, что социалистическое накопление в городе и накопление в деревне в известном смысле суть процессы, взаимно друг друга питающие.

Во избежание недоразумений мы спешим тут же оговориться, что мы не имеем здесь в виду кулацкое накопление, которое в конечном счете неизбежно становится в конфликт с социалистическим накоплением и со всякими вообще социалистическими формами хозяйства. Задача, именно, в том и заключается, чтобы этого «конечного счета» избежать, чтобы создать возможность кооперативного накопления для бедняцкого и середняцкого крестьянства, направить развитие производительных сил в кооперативно-социалистическое русло. Возможно ли это «в одной стране»? Хватит ли на это нашей экономической силы, хватит ли у нас на это средств?

[1]) Н. Бухарин, «Некоторые вопросы эконом. политики». М. 1925 г., стр 6.

Само собой разумеется, что если сознательно или бессознательно стоять на точке зрения т. Преображенского и рассматривать социалистическое накопление в промышленности и кооперативное накопление в деревне, как процессы антагонистические, если считать, что материальная поддержка кооперации может быть оказана лишь за счет урезывания рессурсов нашей промышленности, то, принимая во внимание, общую ограниченность этих рессурсов, принимая во внимание, что обновление основного капитала промышленности означает растущий с ее стороны спрос на капитал, отсутствие крупных иностранных займов, и т. д., и т. п.,—принимая все это во внимание, пессимизм по отношению к возможностям кооперативно-социалистического развития сельского хозяйства «в одной стране» можно было бы признать более или менее обоснованным. Но это лишь в том случае, если рассматривать положение только статически, если представлять себе, что дана раз навсегда определенная сумма, которую мы должны поделить между промышленностью и крестьянской кооперацией, при чем, чем больше дадим первой, тем меньше останется второй, и наоборот. Но ведь на самом-то деле, в динамике, картина получается совершенно обратная. Промышленное накопление и кооперативное накопление суть взаимно сообщающиеся, взаимно друг друга питающие процессы, хотя, конечно, промышленность является ведущим началом. И если нет, и не может быть пессимизма относительно роста нашей промышленности, то нет и не может быть пессимизма и относительно роста поддержки с ее стороны бедняцко-середняцкой кооперации. Если есть возможность развития социалистической промышленности «в одной стране», значит есть и «в одной стране» возможность социалистического переустройства сельского хозяйства. Реализация этой возможности в стране с преобладающим крестьянским населением может показаться утопией лишь людям, считающим, что учебник по Каутскому предусмотрел все возможные формы развития мировой истории и мнение о которых тов. Ленина мы выше привели. Действительно, утопична обратная точка зрения. Утопия думать, что, оставаясь в деревне на почве только буржуазных отношений, защищая середняка и бедняка только как мелких товаро-производителей, не перестраивая их хозяйства на кооперативно-социалистический лад, не включая их в систему социалистического хозяйства, мы сможем укреплять политический союз пролетариата и крестьянства. Если так смотреть на дело, то, конечно, мы не строим социализм, потому что однобокое строительство социализма, строительство его только в городе вещь явно невозможная; потому что, говоря словами т. Ленина, наша задача в том, чтобы «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно вся масса будет двигаться вместе с нами». Если считать эту задачу не разрешимой «в одной стране», тогда мы, конечно, не социализм строим, а топчемся на месте в ожидании решающих боев на Западе. Но такая точка зрения ничего общего с ленинизмом не имеет.

В. Богданов.

К характеристике современного меньшевизма.

I.

«Нео-нэп» и нео-иллюзии.

В момент перехода к «старому» нэпу меньшевики торжественно благовестили о своей победе, о приятии коммунистической партией таких методов экономической политики, которые уже давно выдвигались именно ими—меньшевиками. Некий Югов в статье «За что проголосовала жизнь» [1]), хвастается, что еще в начале 1919 года ЦК Р.С.-Д.Р.П. выработал программу, сводящуюся к требованиям свободы товарооборота и развязывания частно-предпринимательской инициативы, и что большевики в 1921 году осуществили как раз эту самую меньшевистскую программу». «Это было первое отступление на наши позиции»,—победоносно изрекает тоном глубочайшей мудрости Югов.

«Но отступление еще не было достаточным. В интересах действительного сохранения за государством хотя основных позиций общественного хозяйства призывали мы к самоограничению. Мы убеждали сделать выводы из провозглашенного нэпа — поощрить здоровую частную инициативу, денационализировать значительную часть предприятий, создать правовые условия для частной предприимчивости... Прошло четыре года нэпа... и... неумолимая история произвела к 1925 году новую проверку нашего спора. Вновь осудила коммунистов. Лучшее доказательство—новое отступление в области экономики.

Уже не раз, всегда неискренно, всегда несвоевременно, коммунисты отступали на позиции, нами отстаиваемые. Это бывало и в крупном и в малом. Идейные банкроты, они повторяют наши зады и в тактике по отношению к русскому крестьянину, и в вопросах продналога, свободы торговли, пределов национализации, кооперации и т. д., и т. д.»—и в заключение буквально мессианистский пафос: «Как ни мучительна борьба, которую ведет наша партия, но за будущее нашего спора социал-демократия спокойна. История проголосует за нас. Диктаторы упорствуют, хотя приходит последний 12-й час.

Они упорствуют. Не будет ли поздно?»

Итак, вся наша экономическая политика есть не что иное, как ряд последовательных отступлений. Как тут не ликовать,

[1]) «Социалистический Вестник» № 10. 1925 год.

не звонить на весь мир о скором пришествии царства господня! Меньшевистские сердца переполняются трепетной радостью, ведь еще одно мгновение, еще ничтожное движение секундной стрелки истории и наступит, наконец, долгожданное торжество свободы, демократии и прочих приятных вещей.

Недаром же, по сведениям «Соц. Вестника», «Каменев и Дзержинский разрабатывают декрет о массовой денационализации промышленности».

Разберемся, однако, во всей приведенной аргументации. В 1921 году наша партия действительно провела частично те мероприятия, о которых кое-что говорили и наши политические противники. Совершенно правильно! Но что же отсюда следует? Ровно ничего!

Великовозрастному меньшевистскому младенцу, вероятно, абсолютно ничего не известно о существовании на свете некой диалектики, которая «по Гегелю» говорит, что истина конкретна, т.-е. что отдельные мероприятия, губительные в одних условиях, становятся вполне разумными в других. Свобода торговли в начале 1919 года была бы чистейшим самоубийством, ибо она означала создание базы внутренней контр-революции. Отказ от продразверстки в разгар гражданской войны привел бы одновременно к полному подрыву снабжения армии, он обрекал бы пролетарское население крупных промышленных центров на форменное вымирание, и меньшевики в этот момент, проповедуя свободу торговли, могли повредить делу революции больше, чем открытые враги: белогвардейские генералы и польские паны. Они тем самым полностью заслужили клеймо пособников контр-революции, агентов мирового империализма.

Правда, Советское правительство с «опозданием» на два года признало все-таки столь любезную меньшевикам свободу торговли, но в этих двух годах, все значение громадной пропасти, отделяющей гениальную дальновидность Ильича от косноязычного пророчества меньшевистских кликуш. То, что было невозможным два года назад, оказалось вполне возможным и целесообразным с окончанием гражданской войны.

Вместе с тем, мы вышли победителями из этой гражданской войны, несмотря на все предсказания меньшевиков, именно благодаря системе военного коммунизма, опираясь на продразверстку, жестоко подавляя спекулянтов и мешечников. И это новое доказательство нашей правоты, правильности нашей экономической политики.

Все сказанное понятно у нас в Советской России любому комсомольцу и оказывается недоступным пониманию людей, хвастающих знанием «Капитала» и щеголяющих своей марксистской ученостью. Социальная слепота мешает им это увидеть и понять.

Пойдем теперь дальше. Меньшевики заявляют, что мы только и делаем, что отступаем и сдаем частному капиталу одну позицию за другой.

Но отступающая и только отступающая армия неизбежно должна разложиться, утерять свою боеспособность, уступить поле сражения войскам противника, то-бишь, иным социально-классовым группировкам.

На самом же деле, ничего похожего мы не видели. Ведь, сами меньшевики принуждены признать наличие за последние

3—4 года интенсивного обще-хозяйственного и промышленного под'ема, и этот под'ем, как бы ни изворачивались теперь меньшевистские борзописцы, имел место вопреки их кликушеским предсказаниям. В 1921 году меньшевики говорили, что нэп будет благодетелен только для частно-капиталистического хозяйства; для госпромышленности же, управляемой бюрократическим аппаратом, он принесет окончательный крах, если большевики не сделают дальнейших уступок, если они не денационализируют большую часть фабрик и заводов. История пошла по совершенно иному пути. В условиях новой экономической политики больше всего выиграли в действительности не частно-капиталистические элементы в нашей экономике, а как раз государственное хозяйство.

Кто же оказался правым, господа меньшевики, и кто очутился не в особенно удобной (впрочем для резонерской болтовни весьма удобной) и почтенной позе—задом к истории? Имейте смелость откровенно и прямо ответить на этот вопрос! Аналогичная обстановка складывается и в настоящее время. Посмотрим, в чем подлинная сущность «новейшей» экономической политики, свидетельствует ли она о паническом отступлении пролетарской диктатуры?

Конечно, нет!

Содержание современной политики по отношению к крестьянству, развитие нэпа в деревне, определяется всей совокупностью факторов, действующих в период пролетарской революции вообще. Основоположники марксизма и все марксистские теоретики неоднократно указывали на то, что пролетариат вовсе не собирается экспроприировать крестьянство и перевести развитие всего сельского хозяйства в целом сразу в социалистическое русло. И если так, если крестьянство, как слой мелкобуржуазных производителей, сохраняется долгое время после победы пролетарской революции, то отсюда логически вытекает необходимость предоставления ему возможности нормально вести свое хозяйство, расширять и увеличивать производство на тех основаниях, которые отвечают социальной природе крестьянства, т.-е. на началах товарного (в потенции капиталистического) хозяйства. Все это настолько ясно, что не должно возбуждать никаких сомнений. Политика медленного экономического внедрения социализма в сельскую экономику—неизбежная перспектива развития пролетарской революции не только в России, но и в других пролетарских государствах Западной Европы, и никакого принципиального отказа от идейной непогрешимости коммунизма в данном случае не заключается.

Вполне понятно, что в России вопрос о тенденциях развития сельского хозяйства приобретает сугубо важное значение в связи с удельным весом крестьянского производства во всей экономике страны. Но различие здесь не в самом характере пролетарской политики в деревне: она и в передовых экономически развитых странах и в отсталой России сводится к одному и тому же, к экономическому, а не административному вовлечению деревни в рамки обобществленного хозяйства. Суть вопроса—в количественном соотношении государственного и частного хозяйства, в способности первого направлять и использовать в своих целях развитие второго, и здесь российский пролетариат оказывается **конечно, в несколько отличных условиях от пролетариата европейского. Значительная слабость и неналаженность крупного промышленного производства в тот момент, когда оно вышло из гражданской войны и хозяйственной разрухи первых лет революции, выдвигали на первый план опасность поглощения частно-капиталистической стихией командных высот пролетарской диктатуры.** Именно эта опасность, опасность усиления и укрепления капитализма на базе сельского хозяйства, при наличии разрушенной и бездействующей промышленности заставила нас поставить рогатки и препоны свободному процветанию частной инициативы в деревне. Но подобные рогатки должны были быть сняты, как только государственное организованное хозяйство окрепло настолько, чтобы не бояться открытого соревнования капиталистических и социалистических начал в масштабе всей экономики страны. Вот почему мы твердо и уверенно заявляем и можем повторить еще много раз, не обращая внимание на иронические насмешки меньшевистских писак, что дальнейшее развязывание товарооборота, «новейшая» экономическая политика—признак нашей силы, а не нашей слабости.

Больше того—это не только признак, но и новый источник нашей силы, нашего быстрейшего продвижения к социализму.

Вся эпоха нэпа чрезвычайно убедительно демонстрирует нам своеобразный характер «экономической диктатуры» пролетарского государства, которое не только борется с частным капиталом, но и использует его в своих целях, в целях усиления антикапиталистических начал в нашей экономике.

Возьмем для примера первые $1^1/_2$—2 года нэпа. Принужденная перейти к работе на рынок, наша промышленность в этот период была лишена совершенно своей собственной товаропроводящей сети. Выходящий из производства товар сразу исчезал из сферы государственного хозяйства, довести его до непосредственного потребителя, до деревни, ни наша кооперация, ни госрозница не была в состоянии. И необходимо признать, что в этот момент частный капитал сыграл огромную роль и не только отрицательную: он налаживал товаропроводящую сеть, он восстанавливал порванные связи между городом и деревней и создавал тем самым необходимые предпосылки для дальнейшего развертывания промышленного производства. Кроме того, развитие нашей собственной торговой сети значительно облегчилось именно благодаря тому, что мы шли уже по проложенному ранее пути. Наконец, деятельность частного капитала приносила пользу государству и тем, что увеличивала существенно его доходы. Срезая излишки прибылей, снимая в форме налогов, сборов и прочего, сливки с доходов торгового капитала, мы обращали эти средства на новое усиление экономической мощи государственного хозяйства, на дальнейшее финансирование промышленности, транспорта и т. д.

Итак, не только бороться с капиталом, не только вытеснять капиталистические элементы, но и использовать их в социалистическом строительстве—в этой тактике ключ к разрешению того мнимого противоречия, которое усматривают в нашей политике меньшевики: «зачем мол вы допускаете частное капиталистическое хозяйство, если ставите себе задачу положить его в дальнейшем на обе лопатки». Убогость мысли меньшевистских провидцев не дает им возможности понять диалектический

характер развития пролетарской революции, но тем хуже для них самих и для тех, кто определяет их политическую линию. Кого история хочет наказать, у того она, как известно, отнимает разум.

Основываясь на длительном опыте социалистического строительства и на уроках, преподанных нам историей, мы и теперь можем оставаться спокойными за дальнейшие пути развития революции. Мы имеем все основания полагать, что, опираясь на 62% обобществленного хозяйства, мы направим эволюцию деревни в конечном итоге по тому пути, который угоден нам, а не капиталу и его меньшевистским подголоскам.

«Пробил двенадцатый час большевистской диктатуры!»

Старые песни, господа! Мы их слышим уже больше восьми лет и смеем вас уверить, что вы все равно не дождетесь наступления желанного для вас утра капиталистической реставрации [1]).

II.

Еспромышленность и парниковое разведение цветов.

Русские меньшевики очень смущены бесцеремонным и откровенно-клеветническим выступлением своего дорогого учителя, у ног которого они все сидели (елейное выражение О. Бауэра), Каутского, выпустившего новую книгу, направленную против СССР. Каутский, как известно, старается доказать европейским рабочим, что в Советской России продолжается непрерывный экономический кризис, растет нищета, все более и более обездоливается рабочий класс—словом, повторяет (за исключением, может быть, пресловутой «национализации женщин», за которую приходилось краснеть в свое время тем же меньшевистским информаторам) старые песни о грядущей гибели России, одичании ее народных масс и прочие старческие глупости.

Меньшевики понимают, что старыми методами надувать рабочих теперь уже невозможно. Можно врать, но не следует завираться—иначе европейский пролетариат, хорошо видящий хозяйственный под'ем СССР и непрерывное улучшение положения нашего рабочего класса, перестанет окончательно доверять меньшевистским россказням. И вот на страницах «Соц. Вестника» выступает Дан с критическими возражениями против книжки Каутского. Вслед за ним меньшевистский «спец» по вопросам экономики, Далин, также спешит поправить некоторые благоглупости «теоретика международной социал-демократии». Далин пишет:

[1]) Весьма любопытно противопоставить победным кликам меньшевиков трезвую оценку нашей экономики буржуазной прессой Западной Европы. Комментируя новый курс по отношению к крестьянству, солидная немецкая газета «Industri und Handelszeitung» от 26/IV 25 г. пишет: «Мы убеждены, что не следует рассчитывать в ближайшее время на основную перемену их принципиального направления (т.-е. направления нашей экономической политики. *В. Б.*). Все отрасли русской общественной жизни слишком срослись с коммунистическим мировоззрением и пониманием жизни для того, ч т о б ы м о ж н о б ы л о о ц е н и в а т ь м е л к и е о т к л о н е н и я к о м м у н и с т и ч е с к о й м а г н и т н о й и г л ы, к а к д л и т е л ь н ы й р а з р ы в с о с н о в н ы м и т е н д е н ц и я м и и п р и н ц и п а м и».

«С тех пор, как Каутский обмолвился в своей последней брошюре н е у д а ч н о й ф р а з о й (только ли одной фразой? *В. Б.*) о развивающемся экономическом кризисе в России, в лагере советской печати царит необычайное ликование...

«Но еще потешней, чем эти официальные восторги, еще комичней, что вся заграничная правая русская печать... никак не может переварить и никак не может освоиться с тем фактом, что в России действительно происходит экономическое оживление, что народу живется сейчас значительно лучше, чем три—четыре года назад, и период развала, распада, разложения и катастроф, пришел к концу. Нет более строгих «экономических материалистов». И поэтому смятение и растерянность не знают конца» [1]).

Однако, по мнению Далина, подобное уныние не должно иметь места. Он утешает растерявшуюся и деморализованную эмиграцию тем, что «устойчивость политического режима зависит вовсе не целиком от степени экономического выздоравливания» и что «к а к н и о п а с н ы с е й ч а с д л я б о л ь ш е в и з м а э к о н о м и ч е с к и е к а т а с т р о ф ы, с а м ы й т я ж е л ы й к р и з и с г о т о в и т е м у н е х о з я й с т в е н н ы й р а с п а д, а х о з я й с т в е н н о е о з д о р о в л е н и е».

Откуда же придет этот кризис большевизма? По гениальной прозорливости Далина он вытекает из самого характера нашего хозяйственного под'ема. «Есть одно принципиальное различие,—пишет он,—между тем, как происходит возрождение хозяйства после войны во всей Западной Европе, с одной стороны, и в России—с другой... В Западной Европе промышленность возрождалась и восстанавливалась своими собственными силами, из своих собственных средств. Совершенно иначе обстоит дело в России.

Несмотря на то, что по данным Советской статистики, промышленность у нас совсем близко подходит к довоенному уровню, она была и остается дефицитной... нынешняя система государственного «коммунистического» хозяйства представляет картину грандиозной убыточности, которая выразится в сотнях миллионов золотых рублей в год. «Бурный рост» индустрии—за счет посторонних средств. В этом основное различие между возрождением хозяйства на Западе и у нас».

Каковы источники этих посторонних средств? Их Далин насчитывает целых 9. Здесь и дотации из местного бюджета и недоимки по неуплаченным налогам и т. д., и т. п. В общем, в целых 6 пунктах, для пущей важности под разными рубриками, фигурирует один и тот же источник, а именно государственная казна. Кроме того, Далин указывает на уровень цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, являющийся якобы новым средством взимания с населения подати на содержание государственного хозяйства.

Однако, у него все же не хватает смелости утверждать, что одним из источников нашего промышленного под'ема является эксплоатация рабочего класса.

Но скромно умалчивая об эксплоатации русского рабочего, Далин также лицемерно обходит молчанием и то обстоятельство,

[1]) «Социалистический Вестник» № 17/18, 1925 г., статья Далина «Под'ем, урожай и политический кризис».

что Европейская промышленность поднималась, главным образом, за счет нещадной эксплоатации своего пролетариата.

Возьмем для примера, Германию, страну, пострадавшую гораздо меньше, чем Россия. Согласно отчета АДГБ (всеобщего об'единения свободных профсоюзов Германии) в одном только 1924 году имели место 33.855 конфликтов с 18,4 миллионами участников—это, значит, что каждый германский рабочий бастовал в течение года в среднем полтора раза. Такой невиданный размах статечного движения сам по себе, независимо от «лживой информации» коммунистической печати, красноречиво свидетельствует о сильнейшем нажиме капитала на рабочий класс.

Сокрушаясь за будущее России, которая неизбежно, по их мнению, в самом непродолжительном времени придет к торжеству капитализма, они не стесняются открыто выступать бардами и песнопевцами капитализма Европейского. Что же на самом деле подразумевает Далин под восстановлением европейской промышленности своими средствами. Если он молчит об эксплоатации пролетариата, если он отрицает значение американских кредитов, то остается только один источник накопления—предпринимательская прибыль. Таким образом, европейские капиталисты (какие они благородные и самоотверженные!) отказываются, по Далину, от удовлетворения своих «скромных» потребностей в целях скорейшего восстановления промышленности и налаживания производства. Ну, как после всего этого не назвать меньшевиков лакеями буржуазии?

Вернемся, однако, к Советской государственной промышленности. Действительно ли она настолько дефицитна, как это изображает Далин, действительно ли на поддержание ее государству приходится тратить много сотен миллионов рублей ежегодно? Все это, конечно, чистейшие выдумки, лишенные всякого основания!

Прежде всего наша промышленность, вопреки уверениям меньшевистских «экономистов», уже давно вышла из стадии проедания основного капитала. Приведем в доказательство этого следующие факты:

Амортизационные отчисления до войны по подсчетам Струмилина составляли ежегодно в среднем 178 м. рублей. Для настоящего времени они равняются в 1923/4 году 130 м. р., для 24/5 г. около 160 м. р. и для 1925/6 г. по предварительным расчетам 190 м. р. Одновременно промышленная прибыль за те же годы составляет 99 милл., 220 милл. и 350 милл. рубл. против довоенных 435 милл. рублей (в среднем за 1910—13 г.) [1]).

Итак и в первом и во втором случае мы имели цифры, приближающиеся или даже превышающие цифры 1913 года. Правда, необходимо учесть разницу в курсе рубля, но не следует в то же время забывать, что нагрузка наших предприятий в 1924/5 году и особенно в 1923/4 г.г. значительно отставала от довоенной, следовательно, приведенные данные об амортизационных отчислениях и прибылях должны оцениваться относительно еще выше, чем данные о тех же прибылях и амортизационных отчислениях до войны.

---

[1]) Цифры 1913 года учитывают к тому же несколько более широкий круг предприятий, чем современные данные. К сожалению, более точных и сравнимых данных мы не имеем.

Правда, развертывание производства; пускание в ход новых фабрик и заводов, требующих предварительного капитального ремонта, поглощает весь излишек доходов промышленности и вызывает необходимость в дополнительных ассигнованиях из госбюджета и банковского кредита, но Далин, пользуясь определенно шуллерским приемом, пытается смешать в данном случае два совершенно различных вопроса: рентабельность действующих предприятий и способность промышленности своими средствами расширять дальше производство.

Мы уже видели, что изображение Далиным процесса восстановления европейской промышленности является даже с точки зрения меньшевистской этики, совершенно неприличной апологией капитализма, и, как бы Далин ни распинался во славу европейской буржуазии, мы можем констатировать, что даже незначительно разрушенная германская промышленность смогла залечить раны, нанесенные войной и рурской оккупацией только благодаря щедрости дяди Сама. Но в таком случае, еще меньше можно требовать от советской промышленности восстановления одними только собственными силами, без помощи государства. Нельзя забывать, что мы получили в наследство от царизма все отрицательные черты его экономической системы, в частности крайнюю финансовую слабость промышленности. Не приводя сейчас полностью проделанных нами подсчетов, укажем лишь на то, что из всей ежегодной эмиссии промышленных ценных бумаг (550—600 м. р.), едва ли больше одной трети приходилось на собственное накопление в промышленности (150—200 м. р.) наибольшую же часть новых капитальных фондов промышленность черпала извне: с одной стороны,—из некапиталистических сфер экономики (накопления помещичьего класса, торговли, крестьянства, отчасти рабочих и служащих), и, с другой стороны, из-за границы в форме иностранных займов, выпуска акций на заграничные биржи и т. д. Достаточно напомнить хотя бы одно то, что оба последних промышленных под'ема в России (конца 90-х годов и 1908—13 г.г.) были вызваны притоком средств с внешнего рынка. В первом случае имел место непосредственный прилив иностранных капиталов, сохраняющих полностью свой «национальный суверенитет», во-втором, те же иностранные капиталы получались нашим народным хозяйством косвенно, как своего рода эквивалент, за возрастающий хлебный экспорт, который благодаря высоким мировым ценам на хлеб был чрезвычайно рентабелен и обогащал страну новыми ценностями.

Итак, экономическая мудрость господина Далина оказывается той же самой фикцией по отношению к нашей промышленности, как и по отношению к промышленности западно-европейских стран. Место, сколько-нибудь добросовестной оценки в писаниях высокомудрого меньшевистского Эдипа, занимает самое беззастенчивое воспевание мощного гения капитализма, во-первых, и самая злостная клевета на революционный пролетариат, впервые в истории берущейся за дело радикальной перестройки современного экономического строя, — во-вторых.

* * *

Помимо фактической вздорности всех обобщений Далина, эти обобщения сами по себе не выдерживают никакой критики и со стороны своей внутренней логичности. Далин за-

дается вопросом: капиталистической или социалистической является советская промышленность? И отвечает:

«Если говорить точно, нельзя отнести нынешнее государственное хозяйство в России ни к той, ни к другой категории. Это парниковое разведение цветов, это оранжерейное хозяйство, это, если хотите,—лабораторный опыт, или же, наконец, предмет роскоши. Это стоит дорого, но в какую категорию хозяйств прикажете записать громадные парки английских лордов, оранжереи и сады американских миллиардеров, драгоценные постройки индусских князей?»

Рассуждение Далина, как мы видели, блещут своей красочностью и образностью, что же касается убедительности, то таковая также блещет своим отсутствием. «Советская промышленность есть предмет роскоши... парниковое разведение цветов». Но позвольте, откуда же берутся средства для содержания такой громадной оранжереи, ведь и английским лордам и индусским князьям удовлетворение их прихоти входит в копейку. Сколько же должно стоить содержание целой отрасли народного хозяйства, плохо или хорошо, но обслуживающей 150-миллионное население страны? (Напомним, что у нас на долю обобществленного, то-бишь, «оранжерейного», хозяйства приходится 62% всех капитальных рессурсов). Далин указывает на госбюджет. Но, ведь, госбюджет сам базируется на национальных доходах, следовательно, излишнее роскошество возможно только за счет национальной экономики в целом. Далин так и рассуждает. Он выдвигает нашу политику цен и нашу налоговую политику, как средства перераспределения, в пользу государственного хозяйства всего народно-хозяйственного накопления. Однако, чрезмерное расточительство приводит, как известно, по отношению к отдельному предприятию к полнейшему банкротству; по отношению к целому народному хозяйству оно должно выразиться в его захирении, в упадке и разрушении производственных сил и т. д. Мы же, наоборот, наблюдаем интенсивный рост и оздоровление всей экономики страны. То самое сельское хозяйство, на которое, по Далину, падает в наибольшей степени тяжелое бремя финансирования «коммунистических экспериментов», должно было бы пострадать особенно сильно; в действительности же, оно переживает невиданный под'ем и оказывается в состоянии пред'явить такой спрос на средства производства, что наличных запасов вместе с импортом не хватает на покрытие даже половины имеющихся заявок. Речь при этом, идет, конечно, не об абсолютной потребности крестьянства, а о вполне реальном платежеспособном спросе.

Что касается частного капитала, то и здесь государство не может иметь значительных доходов, ибо в экономике страны частный капитал играет весьма небольшую, и чем дальше, тем все меньшую, роль. Кроме того, по мнению Далина и присных его, капитал чувствует себя в условиях Советской диктатуры очень хорошо.

Если мы поставим далее вопрос в тенденции, в его развитии, то тогда обнаружатся уже совершенно непонятные, с меньшевистской точки зрения, явления, форменные чудеса. Источники для роскошного образа жизни в виде присвоения частно-хозяйственных доходов за последние годы относительно сокращаются: снижаются цены на промтовары, растут хлебные цены («ножницы» составляли на 1/X—23 г. 3,10, на 1/X—24 г.—1,46, и на 1/X—25 г.—уже только 1,25), уменьшается с.-х. налог (с 340 милл. руб. в 24 г. до 240 милл. р. в 25 г.). Казалось бы, при наличии всех этих факторов госпромышленность неизбежно должна была бы чахнуть, превращаться в совершенно безжизненное образование; она же, напротив, из года в год растет все быстрей и быстрей. Темп восстановительного процесса не только не угасает, но, наоборот, непрерывно ускоряется.

Нет, господин Далин, несмотря на свой солидный стаж политического надувательства, несмотря на долголетнюю школу партийной казуистики, вы, как видно, не научились все-таки сводить концы с концами в своей аргументации! И если факты реальной действительности, наличие мощного под'ема в промышленности, растущей необычным даже для восстановительного процесса темпом (осенью 1921 года промышленное производство достигало примерно 18—20% довоенного уровня, октябрь 1925 года дает уже 90% довоенной выработки—з а ч е т ы р е г о д а у в е л и ч е н и е в 4½ р а з а!) заставляют нас признать возрождение нашего народного хозяйства, оживление всей экономической жизни, то, как вы ни вертитесь, на какие софистические рассуждения ни пускайтесь, чтобы очернить пролетарскую диктатуру—эта диктатура показала, что она является мощным орудием хозяйственного под'ема, притом под'ема на совершенно иных социально-экономических принципах, на совершенно иной классовой базе.

Этот факт свидетельствует о наличии громадных залежей творческой энергии, коренящихся в рабочем классе даже такой отсталой страны, как Россия, и он признак не грядущей гибели советской системы, а дальнейшего, все большего ее укрепления и усиления.

III.

Куда мы растем?

Итак, советское хозяйство неуклонно поднимается, при чем обобществленная его часть растет и укрепляется быстрей, чем неорганизованная, мелкособственническая. С признанием этого несомненного факта падает первое утверждение меньшевиков о росте и под'еме капитализма за счет увядания и упадка социалистических форм. Вторым существенным моментом, является здоровый рост государственной промышленности, который свидетельствует о жизненности и плодотворности плановых методов ведения хозяйства. Вместе с этим обнаруживается вздорность обвинений нашей промышленности в том, что она процветает исключительно за счет государственной казны.

При наличии этих фактов меньшевикам остается единственный выход: им остается только об'явить, что само обобществленное хозяйство наше, есть хозяйство капиталистическое. Отсюда разговоры о нашем отказе от ленинского определения советской системы, как системы госкапитализма, отсюда дальнейшие прогнозы насчет грядущего перерождения и т. д.

Прежде всего, необходимо отметить, что меньшевики совершенно напрасно пытаются использовать в своих целях не кого иного, как... Ленина. В нашей печати уже неоднократно доказывалось, что Ильич под государственным капитализмом понимал вовсе не наши промышленные предприятия, а концессии, аренду, и пр. Что же касается сути вопроса, то здесь, в первую очередь, следует указать на вопиющую разноголосицу в самом стане меньшевистских мосек. С одной стороны, госпромышленность об'является не капиталистической и не социалистической, а... оранжерейной; с другой стороны, когда этот продукт оранжерейного творчества обнаруживает глубокие экономические корни и показывает свою способность к бурному росту, тогда оказывается, что причина этого роста кроется в капиталистическом характере самого советского хозяйства.

Будьте, однако, последовательны, господа меньшевики! Нельзя же, в самом деле, ругать бюрократизм, нежизненность, негодность советского хозяйственного аппарата, требовать призвания варягов, массовой денационализации, отказа от коммунистических экспериментов и т. д., как единственного средства вдохнуть «живую жизнь» в наше крупное ф.-з. производство, а затем с гордым видом заявлять, что именно этот негодный советский аппарат, есть воплощение капиталистических форм хозяйства. Если последнее правильно, то зачем же нужна денационализация, зачем же нужно сдавать частному капиталу командные высоты, зачем отказываться от проводимой в настоящее время экономической политики, ведь, чисто капиталистическое хозяйство, по разумению меньшевиков, уже теперь идентично с нашим государственным хозяйством.

Меньшевики скажут (они это и говорят, чтобы избежать явного, всякому младенцу видного, противоречия), что советская экономика—капиталистическая в тенденции, что она в дальнейшем сможет развиваться только в той мере, в какой «комдиктатура» будет пядь за пядью отступать от своих первоначальных принципов.

«Национализированная промышленность все больше и больше превращается в типичное казенное капиталистическое предприятие, с которым пролетарий связан только, как «рабочие руки», как получатель заработной платы» («Соц. Вестник», № 10. Передовая) и в другом месте: «Для таких отсталых стран, как Россия, нет сейчас других путей для быстрого развития производительных сил и восстановления мощи рабочего класса (??), как пути капиталистические». («Соц. Вестник», № 14. Статья Дана «Пролетариат и демократия в России»).

Но в таком случае возникает новое противоречие. Если советское хозяйство до сих пор не было капиталистическим по своей сущности, если оно не управлялось разумно капиталистическим методом, то почему же оно оказалось все-таки вполне жизнеспособным? Словом, мы возвращаемся к уже разобранной нами меньшевистской аргументации.

Из всего подобного нагромождения непримиримых противоречий, меньшевики могут выбраться только одним путем, а именно признанием того, что наша госпромышленность уже сейчас является чисто капиталистической и что весь предыдущий период хозяйственного под'ема носил целиком капиталистический характер. Этого

меньшевики, конечно, не могут признать, ибо их функции об'ективной агентуры капитала не позволяют им примириться с разумностью нашего современного хозяйственного строя (а он, несомненно, должен быть по меньшевистской логике вполне разумным, если покоится на частно-капиталистических основаниях) и они платонически утешают себя тем, что Советы сами проводят идеально-капиталистическую политику. Однако, теоретический и практический интерес, связанный с данной проблемой, настолько велик и в наших собственных рядах, что мы все же считаем необходимым остановиться на нем несколько подробней.

Большой материал для решения настоящего вопроса, опубликованный к XIV партс'езду, уже заключает в себе важнейшие аргументы за признание последовательно-социалистической сущности нашей госпромышленности. Наиболее существенным из всех приведенных соображений, нам кажется то, что капитализм, хотя бы с приставкой «гос», неизбежно предполагает наличие классовых отношений, наличие класса капиталистов, как определенного суб'екта хозяйства. Действительно, что это за капитализм, когда нет капиталистов, когда и эксплоататором и эксплоатируемым является один и тот же класс, когда руководящая всей экономической политикой партия—партия коммунистов—насчитывает в своем составе почти 60% рабочих, из которых $^2/_3$ и сейчас работают у станка.

Вместе с тем наш «капитализм» включает в себя почти все элементы чисто-социалистического хозяйства. Здесь мы имеем и обобществление средств производства в руках государства и планомерное руководство промышленностью (наши планы за последние годы все более и более приближаются к реальным цифрам выработки), транспортом, кредитом; наконец, хозяином государственных предприятий является сам пролетариат. Это последнее обстоятельство радикально отличает нашу экономическую систему от идеально-мыслимого, но никогда не существовавшего в полном об'еме, госкапитализма в рамках политического господства буржуазии.

Для полного завершения социализма нам не хватит только одного—это планового распределения продуктов производства, уничтожения рынка и товарного хозяйства, но всякому, марксистски-грамотному человеку должно быть понятно, что для этого необходим долгий переходный период постепенного обобществления мелко-собственнического крестьянского хозяйства, вовлечение его целиком в русло социалистической экономики. Тем более странно было бы слышать от меньшевиков упреки с этой стороны, ибо их собственный идеологический вождь — Каутский, договорился не так давно до того, что и при развернутом социализме неизбежно сохранение денег и свободного товарообмена..., гарантирующего, якобы, потребителю максимальное удовлетворение его личных потребностей.

Однако, и эта товарно-денежная стихия, служащая оболочкой нашего обобществленного хозяйства, постепенно обуздывается, подчиняется организованному плановому воздействию государства. Прежде всего, она почти совершенно вытесняется из внутреннего оборота между государственными промышленными предприятиями; цены на важнейшие средства производства: уголь, нефть, металл и пр. устанавливаются не рынком, а нашими высшими хозяйственными органами. Наконец, самое существенное и прин-

ципиально решающее обстоятельство: цена рабочей силы, т.-е. уровень заработной платы определяется в современных условиях не свободной игрой спроса и предложения, а совершенно иным способом: зарплата у нас до последнего времени росла одновременно с увеличением безработицы—факт ни в коей мере не согласующийся с капиталистическими якобы методами нашего хозяйства. Таким образом, внутри-производственные отношения между «предпринимателем» и рабочим не имеют у нас ничего общего с производственными отношениями капитализма.

Добавим к сказанному, что и взаимоотношения между госпромышленностью и неорганизованной частью нашей экономики уже теперь в значительной степени определяется сознательной политикой наших плановых учреждений (политика цен на предметы широкого потребления, регулирование внутренней торговли, хлебозаготовительные планы и т. д.). Совокупность всех перечисленных моментов дает нам полные основания сделать вывод о социалистическом, а не капиталистическом характере нашего обобществленного хозяйства.

Конечно, для осуществления социализма в развернутом виде необходимо не только обобществить всю экономику страны, нужно еще радикально переработать на базе коллективистических отношений и социальную психологию широких масс. Маркс по этому поводу писал: «Как для массового порождения коммунистического сознания, так и для самого дела (строительства социализма. *В. Б.*), необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции; следовательно, революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что *свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество*»[1]). На этот же процесс указывал и Ленин, когда говорил о необходимости выработки новой сознательной, пролетарской трудовой дисциплины, которая заменит собой дисциплину кнута и голода.

Таким образом, для успешного завершения социалистического строительства нужны решительные сдвиги в области явлений и факторов идеологического порядка, необходимо обрастание социалистической в основном экономики социалистической же надстройкой, вытекающей из коллективно-товарищеской психологии рабочего класса.

Как же у нас обстоит дело на этот счет? Молекулярность, постепенность и неприметность всех такого рода идеологических процессов способствует тому, что они не бросаются нам в глаза. Поэтому, весьма любопытно привести на этот счет мнение такого беспристрастного наблюдателя со стороны, как видный английский экономист Кейнс. Кейнс, как известно, откровенный сторонник капиталистического способа производства, у него хватает смелости, в противоположность социал-соглашателям, прямо заявить, что революция застанет его на стороне того класса, к которому он принадлежит, т.-е. на стороне буржуазии. В то же время Кейнс оказывается настолько смелым,

---

[1]) «*Архив К. Маркса и Ф. Энгельса*», книга I, стр. 226—7. Курсив наш. *В. Б.*

чтобы открыто принимать и соглашаться с теми новыми социальными явлениями, какие он видел в стране, управляемой пролетариатом в Советской России.

В своей статье, помещенной в английском журнале «Нейшен энд Атенеум», Кейнс пишет:

«В настоящее время при советской системе нет прямого запрещения покупать и продавать с прибылью. Политика власти состоит не в запрещении этих профессий, а в том, чтобы сделать их непрочными и позорными. Частный торговец является своего рода изгоем, без привилегий или защиты, как средневековый еврей. Частная торговля является выходом для тех, кого влечет туда всемогущий инстинкт, но отнюдь не естественным или приятным занятием для нормального человека.

Последствием всех этих социальных перемен будет, я думаю, подлинное изменение отношения к деньгам, при чем оно будет еще явственней, когда подрастет новое поколение, не видавшее ничего другого». (Курсив наш. *В. Б.*).

Голос Кейнса далеко не одинок. Вот выдержка из статьи немецкого экономиста Эккардта, в которой автор, печалясь о судьбах германской торговли с СССР, пишет:

«Все революционное русское право должно подвергнуться радикальной перестройке прежде, чем иностранцы смогут себя хорошо и уверенно чувствовать в России. Но на подобную перемену невозможно рассчитывать потому, что *Советский Союз покоится именно на основах этого особенного, своеобразного и внутренне мощного пролетарского сознания*» (курсив наш. *В. Б.*). (Bergwerkszeitung от 10/III 1925 года).

В приведенных выдержках заключается наиболее ценное для нас признание (признание сознательных противников социализма!) громадной работы, проделанной нашей революцией по основательной переработке человеческого материала, по созданию новой социальной психологии широких народных масс. И этот факт с неоспоримой убедительностью свидетельствует о том, что мы растем именно к социализму, что мы уже на много продвинулись вперед по пути строительства нового общества. В свете подобных признаний, как убоги, как отвратительны, косноязычные рассуждения «рабоче-любивых» меньшевиков! В противоположность ученым буржуа Западной Европы, у них не хватает гражданского мужества, политической смелости, не хватает, наконец, простой честности, чтобы согласиться с тем, насколько глубоки корни пролетарской диктатуры в Советской России, насколько сильны в ней новые ростки нового социалистического общества, и это понятно, ибо с признанием всего сказанного нужно итти дальше, нужно откровенно сознаться в своем историческом банкротстве, на что меньшевики, конечно, не способны.

А. Айхенвальд.

Теория недооценки середняка.

(*Госкапитализм и кооперация*).

Корни вопроса о роли середняка и о партийной политике в деревне уходят в более общий вопрос: является ли государственный капитализм основным элементом нашего хозяйственного уклада; будет ли всякая несоциалистическая клеточка нашего хозяйственного тела на своем пути к социализму обязательно проходить через этап государственного капитализма; обязательно ли весь основной деревенский фон советской экономики должен в условиях нашего воздействия иметь тенденцию к госкапитализму и только через него—к социализму.

Попытаемся выяснить сущность этого вопроса и его связь с подходом к социалистической переделке середняка.

Возможны два основных варианта обоснования того, что основным стержнем «нэповской России» являются государственно-капиталистические отношения. Первый, более наивный, очевидно, неленинский, состоит в прямолинейном признании всей нашей крупной промышленности государственно-капиталистической. При этом из пяти ленинских укладов: 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство, 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян, из тех, кто продает хлеб), 3) частно-хозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм»—таинственно пропадает высший, пятый, социалистический уклад: его поглощает (не пугайтесь: только в фантазии некоторых плохих экономистов) пасть государственного капитализма. Оказывается, что все технически развитые, крупные культурные предприятия являются государственно - капиталистическими, и что, следовательно, попросту фактически, уже сейчас руководство всей пятиэтажной пирамидой находится в руках госкапитализма: к нему стремятся все отсталые формы, он окрашивает в свой цвет все хозяйство и задает тон основным экономическим процессам.

Этот «наивный» вариант госкапиталистических философов достаточно разоблачен в предс'ездовских статьях и речах. Поэтому прямо обратимся к второму, на наш взгляд, более «серьезному» варианту. В основном этот вариант сводится к следующему.

Не в том дело, что в нашем хозяйстве господствуют предприятия госкапиталистического типа; не в том дело, что госпромышленность является государственно-капиталистической промышленностью. В этом пункте можно и уступить под энергичной теоретико-политической атакой и великодушно согласиться с Лениным, признав, что государственный сектор нашего хозяйства (промышленность, транспорт, банки) состоит из «предприятий последовательно-социалистического типа». Однако, если взять наше хозяйство в целом, то каково же самое главное

соотношение различных экономических форм внутри него? Мы имеем «двуначалие»:

1) Из преобладающего мелкого товарного земледелия, кустарничества, ремесла с неудержимой силой растет капитализм. Этот неизбежно вновь растущий капитализм смыкается со своей верхушкой—уже существующим слоем частных капиталистов. Такова всеобщая тенденция развития всякой не-социалистической клеточки. Таково первое, капиталистическое начало нашего хозяйства.

2) Этому неизбежному капиталистическому развитию противостоит социалистическое государство со всей тяжелой артиллерией своих «командных высот». Эти социалистические элементы ограничивают (вернее, борются за ограничение) стихийно растущий капитализм; они стремятся подчинить его целям социалистического накопления; они стремятся поставить его в известные рамки, направить по социалистическому руслу, сделать своим агентом в деле подтягивания к социализму отсталых хозяйственных форм. Таково второе основное начало в нашей экономике—начало государственное, социалистическое. Соотношение этих двух начал дает самую существенную черту как всего состояния нашего хозяйства, так в особенности всего его развития. А поскольку именно такое соотношение (т.-е. направление растущего капитализма в государственное русло) Ленин и называл государственным капитализмом, постольку весь наш нэповский строй и может быть охарактеризован, как строй государственного капитализма. Поэтому в основном все наше продвижение к социализму есть нечто иное, как развертывание государственного капитализма. Центральной задачей является умело «оседлать» капиталистического коня, надеть на него государственную узду и на нем в'ехать во врата социализма. При этом кооперация окажется не маловажным средством ограничения капиталистического развития, его государственного регулирования или,—извиняюсь за неуклюжесть выражения,—его огосударствления.

Но, конечно, с этой точки зрения она есть один из способов огосударствления, или один из видов государственного капитализма—и больше ничего. Государственный капитализм покрывает собой всякий способ продвижения к социализму, и кооперация включается в него. Таковы основные положения второго варианта.

Попробуем разобраться, в чем состоит их антиленинская суть. А так как сторонники разбираемых взглядов обставляют их более или менее детально подобранными и более или менее неудачно понятыми и истолкованными цитатами из Ленина, попробуем установить то место в деле социального строительства, которое отводил Ленин подчинению государством капиталистических ростков нашего хозяйства.

О капиталистическом развитии мелкого хозяйства Ленин в «Продналоге» пишет следующее: «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом; как

средство, путь, прием, способ повышения производительных сил». И в другом месте: «Весь вопрос—как теоретический, так и практический,—состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (*до известной степени и на известный срок*) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм». (Подчеркнуто всюду нами. *А. А.*).

Мысль совершенно ясна: в наших условиях мелкое производство и обмен будут выделять капиталистические элементы. «В известной мере», «до известной степени» и «на известный срок» это неизбежно. *Постольку, поскольку* это выделение *неизбежно* будет происходить, наша задача по отношению к нему состоит не в запрещении всякого развития частного капитализма, но в том, чтобы направить капиталистическую воду на социалистическую мельницу—в первую голову использовать этот рост капитализма для под'ема производительных сил, а затем превратить этот распыленный, анархичный, мелкий частный капитализм в *нами* укрупняемый и *нами* организуемый (через торговлю, кооперацию, кредит и т. д.) культурный, государственный капитализм. Следовательно, по отношению ко всем капиталистическим элементам нашего хозяйства (поскольку они в известной степени неизбежно будут выделяться) генеральной линией социалистической переделки является государственное регулирование, т.-е. превращение в государственный капитализм.

Сфера государственного капитализма, как дорога к социализму, охватывает область капиталистических элементов и капиталистических процессов нашего хозяйства. Тут, в переходе от «мелко-буржуазного *капитализма*», от частного российско-азиатского капитализма к социализму, дорогой является государственный капитализм; ибо «тут и к государственному крупному капитализму и к социализму ведет *одна и та же дорога*, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию». (Ленин, там же).

Является ли, следовательно, по Ленину, государственный капитализм путем к социализму? Конечно, да. Но есть ли это *весь* путь к социализму? Есть ли это одна единственная, *всеобщая* дорога?

Если бы у нас все не-социалистические элементы были капиталистическими, то тогда и государственный капитализм был бы всеобщим путем к социализму. Но только экономические слепцы (вольные и невольные) или экономические дети до-пионерского возраста не знают и не видят того, что ясно и твердо установил Ленин: того, что центральной хозяйственной фигурой нашего земледелия является середняк. Конечно, сейчас все перед ним расшаркиваются, все де-юре признают его центральную роль, но не все понимают как нужно и можно подвести основную середняцкую массу крестьянства к социализму.

Середняк основной вид «простого товарного хозяйства» в экономике Сов. Союза. Он—вторая ступенька ленинской схемы. К нему приближаются (или будут приближаться) основные массы патриархально-натуральной части нашего сельского хозяйства (т.-е. первой «ступеньки»). Так как же? Является ли госкапитализм непременной и обязательной промежуточной станцией на

основном пути середняка к социализму? И вот на этот решающий вопрос нужно дать категорически отрицательный ответ.

Откуда следует, что для подтягивания середняка на социалистическую, пятую ступеньку ему обязательно нужно добросовестно и педантично пройти сначала через частно-капиталистический уклад, потом через государственный капитализм и, наконец, только в качестве госкапиталистического «элемента» получить высочайшее разрешение приобщиться к социалистическому лику? Откуда следует, что *неизбежно* весь середняцкий слой *в целом* должен в советских условиях «разложиться», быть «размытым», разделиться на кулаков и бедняков? Другими словами, откуда следует, что *вся* деревня в нэповских условиях обязательно *должна* развиваться только на капиталистический лад и потом через госкапитализм подходить к социализму?

Мы не знаем, откуда это следует, разве что из некритического перенесения законов развития деревни при капитализме в условия советского строя; разве что из упущения результатов 8-летней победоносной революции.

Мы знаем во всяком случае, что *нигде* Ленин не говорил о неизбежности развития *всей* деревни *в целом* по капиталистическому руслу; мы знаем, что из Ленина *этого* не следует: что из Ленина следует прямо противоположное: возможность направить основное развитие хозяйства середняка *по принципиально другой некапиталистической (и поэтому не госкапиталистической), кооперативной дороге.*

«Кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве *нэпа* есть все, что нам нужно, потому, что теперь *мы нашли ту степень соединения частного интереса*, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, *степень подчинения его общим интересам*, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого государства со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., разве это не все что нужно, для того, чтобы из *кооперации*, одной только кооперации... разве это не все необходимое для *построения полного социалистического общества?*»

В этих буквально двух фразах, внешне неотточенных и не закругленных, дана вся сущность дела. Кооперация потому имеет колоссальное значение, что она добивается, чтобы частный, торговый интерес крестьянина «питал» не капитализм, а социализм. Она строит социализм на основе личного, частного интереса; она направляет этот частный, торговый, собственнический интерес в социалистическое, а не капиталистическое русло. Поэтому для перехода к социализму нам нужно «*только*» поголовное кооперирование крестьянства; поэтому «кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом». Поэтому возможно и необходимо *противопоставить* капиталистическому развитию деревни (неизбежному, как мы видели только «в известной мере») другую линию, другой путь развития. Госкапиталистическая дорога к социализму деревни равносильна признанию необходимости капиталистической перестройки

нашей деревни (в том числе «размыванию» середняка) и только последующего направления деревенского капитализма по социалистическому руслу. Все развитие деревни сводится тут к одной, основной, капиталистической эволюции. Мы эту эволюцию только ограничиваем и поворачиваем на социалистические рельсы—(главным образом через кооперацию, служащую здесь видом государственного капитализма).

Кооперативная дорога деревни к социализму равносильна обходу неизбежности капиталистического развития для всей деревни, предупреждению этого развития; тут кооперация является непосредственным соединением социалистической (5-й) и товарно-крестьянской (2-й) ступенек; тут она является формой непосредственно-социалистического развития середняцкого хозяйства. Тут налицо два противоположных пути развития деревни: кулацко-капиталистический и кооперативный. Поскольку неизбежно будет происходить первое развитие, поскольку в деревне будет создаваться капитализм, постольку на сцену должен выступать государственный капитализм, как подход к социализму; и поскольку кооперация будет средством организации, ограничения и использования кулаков (напр., частично кредитная кооперация), постольку она будет являться одной из форм государственного капитализма. Но поскольку кооперация будет предвосхищать капиталистическое развитие и отводить частно-собственнические стремления крестьянина в социалистическое русло, поскольку она будет суживать размеры капиталистического развития в деревне, более того, поскольку она будет экономически уничтожать капитализм—постольку она будет «совершенно совпадать с социализмом». Как видно, наш путь к социалистической переделке отсталых хозяйственных элементов является комбинированным путем: от кулака к социализму дорога может лежать через госкапитализм (и тут кооперация может быть частью госкапитализма); от середняка к социализму дорога лежит через кооперацию, как социалистическое об'единение мелких товаропроизводителей. От городского капиталиста (нэпмана) дорога к социализму—через государственный капитализм; от трудового кустаря-середняка дорога к социализму—через кооперацию и т. д.

Весь Ленинский путь к социализму нельзя загнать и включить в рамки государственного капитализма. В наш период основным подходом к социалистической переделке деревни является строительство социалистической кооперации.

Теперь мы можем подвести итог.

Центральной ошибкой второго варианта неумеренной философии госкапитализма является недооценка возможности социалистического развития; эта ошибка состоит в неправильном возведении неизбежного в известной мере роста капитализма во всеобщую тенденцию всей мелкотоварной экономики Сов. Союза; эта ошибка состоит в выпадении роли кооперации, как «столбовой дороги» продвижения середняка к социализму.

В связи с этой центральной ошибкой стоит об'явление нэпа сплошным отступлением.

Конечно, нэп в 1921 г. был отступлением: мы отдавали известную долю хозяйственной территории капиталистам. Мы отказывались от попытки непосредственного перехода к социализму. Но нэп, взятый в целом, взятый не как момент, а как эпоха, является не отступлением, а переходом пролетарской революции на высшую ступень, на ступень действительной социалистической перестройки нашего хозяйства. И как раз кооперация в основном является таким способом строительства социализма, который обходит промежуточные капиталистические ступени. Поэтому кооперация есть наступательное движение социалистического уклада.

Таким образом, переоценка госкапитализма является теоретическим корнем недооценки середняка и кооперативного подхода к социализму. Таким образом, оба варианта госкапиталистической философии являются в одинаковой мере вариантами непонимания ленинизма, непонимания ленинского пути движения к социализму. Партия вырвет эти теоретические корни недооценки середняка; партия отвергает эту неленинскую теорию.

Черный.

Регулирование, рост и социальный состав партии.

Все партии, в том числе и коммунистические партии капиталистических стран, ставят своей важнейшей задачей вербовку возможно большего числа членов в свои ряды, увеличение своего состава, дающее возможность расширить связи с массами, увеличить влияние среди них. И, пожалуй, наша партия является единственной партией в Коммунистическом Интернационале, своеобразное положение которой заставляет ее вести особую, отличную от других компартий, политику вербовки, роста и регулирования состава партии. Наша партия уже является руководящей в стране партией, пользующейся безграничной поддержкой масс и ходом событий получившей монополию влияния на массы, руководства ими. В этих условиях партия располагает почти неограниченными возможностями роста. И эти возможности она могла бы реализовать в любое время. Но задача партии состоит в том, чтобы количественный рост ее шел в соответствии с возможностями сохранения и улучшения ее качества, как авангарда рабочего класса, как действительного вождя рабочих и крестьянских масс. Этими мотивами определяются и условия вступления в партию тех или иных более или менее близких к партии социальных элементов и особые методы регулирования процессов роста и социального состава партии.

Решительные изменения наша партия пережила в начале 1924 года, когда в течение нескольких месяцев она включила в свой состав до 200.000 пролетариев, серьезно изменивших соотношение социальных групп внутри партии. Усвоенный со времени ленинских дней курс на рост партии продолжался и после XIII с'езда. И XIV Всесоюзная партийная конференция, подтвердившая этот рост к апрелю 1925 года, дала ряд указаний. Она указала «что необходимо пополнить деревенские партийные организации за счет лучших, революционно-устойчивых и политически подготовленных тружеников деревни и батраков, бедняков и наиболее близкой к партии части середняков», и, в качестве обобщающей директивы по вопросу о политике регулирования роста партии, выдвинула следующее требование: «В вопросе о дальнейшем росте партии необходимо руководствоваться задачей охранения партии, как действительного коммунистического авангарда пролетариата, и потому в настоящих условиях обращать больше внимание на улучшение качественного состава партии, пред'являя соответствующие требования ко всем вновь вступающим членам партии».

Приближается XIV с'езд. Партии нужно подвести итоги своей работы в этой области, нужно знать какие явления и процессы произошли в ее составе за период с XIII с'езда. Что мы имеем в этой области?

Дать точные цифровые итоги к настоящему времени невозможно, т. к. партийная статистика их пока не имеет.

Но более или менее приблизительно общую цифру состава партии к ноябрю месяцу 1925 г. дать можно. К июлю 1924 г. партия насчитывала в своих рядах 647.261 члена и кандидата партии. За год, т.-е. к июлю 1925 г., учитывая пополнение и убыль, партия выросла на 264.530 чел. (на 40,9%) и насчитывала в своих рядах 911.791 чел., из них до 55% членов партии. Процент женщин с 10 (в июле 1924 г.) возрос к июлю 1925 г. до 11,8, в результате принятия в партию за год 44.062 женщин.

Если учесть темп роста партии за период с июля по сентябрь 1925 г. (44.854) и прибавить количество коммунистов, находящихся в Красной армии и флоте и на заграничной работе, то на ноябрь 1925 г. получится цифра, доходящая, примерно, до 1.050.000 чел. Таким образом, не впадая ни в какие преувеличения, можно смело утверждать, что наша партия по своей численности уже перевалила за миллион членов и кандидатов.

Но анализируя явления, связанные с ростом партии, нельзя ограничиться одними данными общего численного увеличения состава партии. Необходимо рассмотреть изменения в отдельных социальных группах внутри партии, проявившуюся тягу в партию, соотношение в партии ее членского и кандидатского состава. И вот здесь мы оказываемся связанными несовершенствами и неполнотой данных нашей партийной статистики. Поэтому при разборе отдельных моментов вопроса мы принуждены пользоваться данными только на 1 июля и в некоторых случаях на 1 сентября 1925 г.

Прежде всего остановимся на вопросе о тяге в партию, в известной мере характеризующей отношение к партии различных слоев трудящихся, и о том, в какой мере эта тяга нашла себе удовлетворение, т.-е. как шел прием в партию.

За первую половину 1925 г. по 73,4% (т.-е. приблизительно 3/4) всего количества ячеек нашей партии было подано 342.420 заявлений о приеме в партию, из них:

от рабочих около	50%
» служащих	25 »
» крестьян	22 »
» батраков	3 »

Эти цифры говорят о том, что тяга со стороны рабочих в партию продолжает держаться на относительно высоком уровне, несмотря на то, что активная масса рабочих уже раньше широкой волной вошла в партию. Это значит, что отставшие в политическом развитии рабочие энергично подтягиваются к нашей партии. Весьма велик процент служащих, стремящихся в партию. В противоположность этим двум цифрам, касающимся, главным образом, городского населения, цифры, характеризующие тягу в партию крестьян и батраков, являются формальными и безусловно не отражают действительной их тяги. Дей-

ствительная тяга крестьян и батраков в партию бесспорно гораздо сильнее, об этом свидетельствует целый ряд других данных, но она сплошь и рядом не может получить формального выражения в подаче заявлений с рекомендациями.

Если принять, что тяга в партию была также и в остальной четверти непредставивших сведений ячеек, то получится, что за первую половину текущего года в партию подано около 430.000 заявлений, а принято 188.888 чел., что составляет приблизительно $^2/_5$ общего числа подавших. Большая половина подавших, таким образом, не получила удовлетворения. Это указывает на достаточно большую осторожность партийных организаций, проявленную ими к делу приема в партию.

Эту мысль подтверждает и тот факт, что среди принятых очевидное преобладание рабочих. Это видно из данных о процентном соотношении социальных групп:

рабочих	62,4%
крестьян и батраков	22,5 »
служащих и прочих	15,1 »

Последние две цифры обнаруживают недостаточно строгий и недостаточно критический отбор из служащих и слишком жесткий подход при приеме крестьян и батраков, проявленные партийными организациями.

Заканчивая сравнение тяги в партию с приемом в определенный указанный отрезок времени, переходим к характеристике всего состава принятых в партию с XIII с'езда. С июля 1924 г. по сентябрь 1925 г. в партию принято 354.132 кандидата, распределяющихся по социальному положению следующим образом:

рабочих	61,4%
крестьян и батраков	24,3 »
служащих и прочих	14,3 »

Если сравнить это с данными о принятых за год с 1 июня 1924 г. по 1 июля 1925 г. (к этому времени среди принятых, рабочие составляли 63,1%, крестьяне—22,4%, служащие — 14,5%), то мы увидим, что естественно возросший прием крестьян в партию шел за счет неестественного сокращения процента рабочих и сохранения на одном уровне процента служащих. За два месяца (июль, август) определился перелом в сторону большего приема крестьян: за оба месяца среди принятых они составляли 40%, в то время, как за предыдущие месяцы процент крестьян среди принимаемых колебался между 17 и 28. Это желательное и правильное возрастание приема крестьян сопровождается нежелательными и неправильными явлениями: сокращением процента рабочих и сохранением на одном уровне процента служащих при все усиливающемся росте процента последних по месяцам:

март	12,6%
май—июнь	18,4 »
июль	18,3 »
август	19,0 »

Выделив из состава вступивших в партию тех рабочих, которые заняты физическим трудом, и крестьян, которые работают в своем хозяйстве, получим: первых—54,6%, вторых—13,8%. Эти цифры в свете последних директив партии обнаруживают недостаточность работы партийных организаций по отбору в партию рабочих от станка и крестьян от плуга. Ибо принятие этих рабочих в общем составе рабочих, занятых физическим трудом, и рабочих от станка во всей партии произвело изменение за первую половину 1925 г. очень небольшое. Об этом говорит следующая таблица:

ДАТЫ	Работников физическ. труда.	В том числе работников от станка.
На 1 января 1925 г.	40,8	37,2
» 1 июля 1925 г.	42,0	37,5

Несколько лучше обстоит дело с возрастанием процента крестьян от плуга в партии. В составе деревенских ячеек они составляют по данным статистики:

на 1 января 1925 г.	38,4%
» 1 июля 1925 »	54,0 »

Бесспорно увеличение значительно, но все же оно для данной категории коммунистов, имея в виду, что в деревне находится только около 22% всего состава партии, что партия обратила особенное внимание на связь с бедняцко-середняцкой массой крестьянства, когда партия дает директивы о приеме в деревне этого преимущественного слоя деревни, должно быть признано и является еще недостаточным.

Таким образом, общие выводы получаются следующие:

1) Рост партии сопровождается, хотя и незначительным, но принципиально недопустимым снижением процента рабочих в партии. В группе рабочих рабочие от станка составляют маловозросшую величину. Следовательно, хотя количество рабочих в партии возросло и социальный состав ее улучшился, все же партийные организации недостаточно твердо помнят и исполняют директиву XIII с'езда и XIV конференции партии о том, чтобы «в нашей партии было не меньше 50% рабочих, непосредственно занятых в производстве».

2) Политика партийных организаций, в отношении приема служащих почти не изменилась, или изменилась после XIII с'езда и XIV конференции ничтожно мало, несмотря на твердые и категорические директивы последних о тщательной проверке по существу вступающих в партию служащих.

* * *

Анализируя отдельные стороны роста партии, мы касались, в частности, вопроса о приеме крестьян и рассматривали вопрос под углом социального положения их независимо от того, где эти крестьяне вступали в партию в городе или в деревне. А этот момент имеет существенное значение. Ибо вопрос о дере-

венских организациях, о росте партии в деревне есть важнейший не только организационный, но и политический вопрос, преобретающий в настоящий период особую остроту. К детальному рассмотрению его мы и переходим.

Поворот политики партии в деревне создал в известной части сельских ячеек кризис, нашедший свое выражение в разнообразных формах: потеря общей ориентировки, отказ от руководства, пассивное сопротивление на деле политике партии. Все это не могло не сказаться на составе партийных организаций в деревне.

Политика «закрытых дверей», которая велась до последних указаний и директив ЦК, привела на протяжении двух лет к абсолютному сокращению (на 1924 г.) и относительному понижению (на 1925 г.) численности деревенских коммунистов, что наглядно вытекает из следующей таблицы [1]):

ДАТЫ.	Число членов РКП в дерев. ячейках.			Число кандидатов в дерев. ячейках.			Всего коммунист. в дерев. ячейках.		
	Абсолютное.	В % к числен. на 1923 г., принятой за 100.	В % к общему числу чл. РКП по СССР.	Абсолютное.	В % к числен. на 1923 г., принятой за 100	В % к общему числу кандидат. по СССР.	Абсолютное.	В % к числен. на 1923 г., принятой за 100	В % к общему числу коммун. по СССР.
К началу 1923 г.	105.304	100,0	31,0	44.359	100,0	51,0	149.663	100,0	35,1
1 января 1924 »	96.552	91,7	29,4	40.444	91,2	34,4	136.996	91,5	30,7
1 » 1925 »	92.160	87,5	23,0	62.571	141,1	18,4	154.731	103,4	20,9

Это же полностью относится к сети деревенских ячеек, которая непрерывно с 1923 г. по начало 1925 г. сокращалась как внутри себя, так и по отношению к общему числу ячеек партии. Вот таблица [2]):

ДАТЫ.	Абсолютное число.	В % к численности на 1923 г., принятой за 100.	% отношен. к общему числу ячеек по СССР.
К началу 1923 г. . . .	14.852	100,0	58,7
На 1 января 1924 г. . .	14.630	98,5	56,9
» 1 » 1925 » . .	13.879	93,4	51,6

Уже из этих данных можно сделать вывод, что до 1925 г. в политике регулирования роста деревенских ячеек перелома не наступило. Какие же итоги в смысле состава партии в деревне мы имеем к последнему времени?

[1]) «Партия в цифровом освещении». 1925 г., стр. 27.
[2]) Там же, стр. 26.

Изменения за полтора года рисует следующая таблица:

ДАТЫ.	Членов.	Кандидат.	Всего коммунистов
На 1 января 1924 г.	96.552	40.444	136.996
» 1 июля 1925 »	108.057	94.448	202.505
Увеличение за полтора года . . .	11.505 12%	54.004 133,5%	65.509 47,8%

Таким образом, партийные организации в деревне за полтора года на 1 июля 1925 г. выросли на 65.509 чел., т.-е. на 47,8%. А вся партия за этот период увеличилась на 51,7%. Эти цифры говорят о том, что рост партии в деревне за весь этот период все-таки несколько отставал от общего роста партии. Но если взять подобные данные только за первое полугодие текущего года, то увидим, что произошло увеличение числа коммунистов в деревне на 47.774, т.-е. на 30,9% (членов на 17%, кандидатов на 50,7%) по отношению к составу на 1 января 1925 года в то время, как общий рост партии за этот период выразился в 23%. Если взять последние имеющиеся данные на 1 сентября 1925 г. (а к этому времени партия в деревне насчитывала 224.411 коммунистов), то увидим, что увеличение по отношению к началу 1925 г. выражается в цифре 69.480 чел., т.-е. на 44,9%. Процент роста повышается, таким образом, за два месяца с 30,9 до 44,9. Следовательно, в этот промежуток уже наметился перелом в деле регулирования приема в партию. Отсюда и распределение коммунистов между городом и деревней претерпело изменения. Соотношение, совершенно естественно, всегда было в пользу города. Но если к началу 1923 года деревенские коммунисты составляли 35,1% всей партии, а к началу 1924 года—30,7%, то после ленинского призыва и приема в течение всего 1924 года, преимущественно рабочих, процент их понизился к январю 1925 г. до 20,9%. Это было предельной цифрой падения. Прием за первую половину текущего года повысил процент деревенских коммунистов в партии до 22,2% на июль 1925 г. и до 24,1% на 1 сентября 1925 г. Не подлежит сомнению, что к настоящему моменту (на ноябрь) он еще более поднялся и будет еще некоторое время подниматься, благодаря усилившемуся за последние месяцы темпу приема в партию крестьян.

С другой стороны, чрезвычайно интересным является вопрос о количестве крестьян по социальному положению в партии и распределению их между деревней и городом. Пользуясь статистическими данными, добытыми путем исчислений, и, возможно, не гарантирующими полной достоверности, но дающими некоторую ориентировку, мы получим такую картину: на 1 июля 1925 года крестьян в партии было 202.505 чел., т.-е. 22,2% всего состава партии; из них крестьян в деревне—139.525 чел.—15,2% всей партии или 68,9% состава всех деревенских коммунистов, и крестьян в городе—62.980 чел.—7% всей партии

или 31,1% всех крестьян-коммунистов. Эти цифры и сами по себе представляют большой интерес, но они еще показывают, что большая часть крестьян-коммунистов находится в деревне и что эта часть, если сравнить с данными к началу января текущего года, имеет тенденцию к росту.

Чрезвычайно важным, в некотором отношении решающим, является вопрос о том, куда, за счет каких слоев растет партия в деревне.

Ответ на этот вопрос и представление о том, каков состав принятых в партию за первую половину 1925 г. (ибо на это время падает главная часть принятых 47.774) и как он повлиял на соотношение социальных групп в деревенских партийных организациях, дают следующие цифры, характеризующие изменения с 1 января по 1 июля 1925 года:

Всего коммунистов в деревенских ячейках.

К 1/I—25 г.	154.731
» 1/VII—25 г.	202.505
Рост за 6 мес.	+47.774
в %%	30,9

В том числе состояло:

		Членов.	Кандид.	Всего.
Батраков.	К 1/I—25 г.	1.290	2.415	3.705
	» 1/VII—25 г.	3.134	6.989	10.123
	Рост за 6 м.	+1.844	+4.574	+6.418
	в %%	142,9	189,4	173,2
Крестьян «от сохи».	К 1/I—25 г.	30.913	28.529	59.442
	» 1/VII 25 г.	41.258	43.301	84.559
	Рост за 6 м.	+10.345	+14.772	+25.117
	в %%	33,5	51,8	42,3
Служ. гос., общ., амд. учреж. и пр.	К 1/I—25 г.	59.957	31.584	91.584
	» 1/VII—25 г.	63.665	44.158	107.823
	Рост за 6 м.	+ 3.708	+12.531	+16.239
	в %%	6,2	39,6	17,7

Следующая таблица дает точное представление о составе принятых за полугодие 1925 года в деревне:

Крестьян, занятых в своем хозяйстве	25.117—52,6%
Батраков	6.418—13,4 »
Служащих и прочих (раб. сов., парт., проф., кооп. и пр.)	16.239—34,0 »

Отсюда видно, что преобладающей группой в деревенских организациях были и остаются служащие, несмотря на то, что

за первое полугодие 1925 г. их дальнейший рост в процентном отношении значительно отставал от роста в партии батраков и крестьян от сохи. Это преобладание служащих и обусловливало недавнюю неудовлетворительную оценку партией состава сельских организаций. Процент принимаемых в партию крестьян, занятых в своем хозяйстве, во всей партии за два месяца с 1 июля по 1 сентября поднялся с 12,5% до 13,8%. Но, разумеется, это еще далеко недостаточное количество земледельцев-крестьян в партии.

Сравнение данных партийной статистики, характеризующих распределение деревенских коммунистов по занятиям на 1 января и 1 июля 1925 г., представляет следующую картину:

На 1 января 1925 г. в деревне было всего 154.731 коммунист, из них:

	Членов.	Канд.	Всего коммун.
Крестьян от сохи	33,5%	45,6%	38,1%
Работников сов., кооп. и др. органов	65,2 »	50,6 »	59,6 »
Батраков и с.-х. рабочих	1,3 »	3,8 »	2,3 »

На 1 июля 1925 г. было 202.505 коммунистов, из них:

	Членов.	Канд.	Всего коммун.
Крестьян от сохи	50,8%	57,3%	54%
Из них:			
а) исключ. занятых в своем хоз.	38,1 »	45,8 »	41,8 »
б) совмещ. веден. своего с. х. с плат. общ. работой	12,7 »	11,7 »	12,2 »
Работ. сов., кооп. и др. органов	38,6 »	24,9 »	32,3 »
Кустарей и ремесленников	0,9 »	1,2 »	1,0 »
Прочих	6,8 »	9,0 »	7,8 »

Бесспорно, что и эти, уже значительно дифференцированные цифры не отражают точно действительной картины. Так, процент крестьян, занятых исключительно в своем хозяйстве, на деле несколько ниже указанных 41,8%. Соответственно процент служащих и общественных работников деревни на деле выше 45%. Поэтому, хотя мы и не располагаем данными к ноябрю месяцу можно утверждать, что изменения и передвижки в составе деревенских организаций проходят несколько замедленным темпом. Конечно, и требовать от партийных организаций радикальной передвижки в такой относительно короткий срок, как один год, нельзя.

Лицо партийных организаций в деревне может и изменяется в указанном партией направлении с определенной закономерностью. Будет правильно, если этот процесс в течение ближайших месяцев будет развиваться усвоенным в настоящий момент темпом.

Но темп приема в партию хоть и находится в связи, но еще не отражает точно тяги в партию в деревне и, с другой стороны, недостаточно ясно характеризует методы регулирования приема.

В течение первого полугодия 1925 г. поданные в деревенские ячейки заявления о приеме в партию распределяются таким образом:

От фаб.-зав. рабочих	От проч. рабочих	От батраков.	От крестьян от сохи.	От раб. сов. парт., кооп. и др. орган.
4,4%	4,8%	8,6%	62,7%	19,5%

Среди принятых же, как указано выше, крестьяне составляют 52%, служащие—34,6%, батраки—13,4%.

Эти цифры, хотя они и не отражают действительной тяги в партию в деревне, ибо желающих вступить в партию неизмеримо больше чем тех, кто фактически подал заявления, т.-е. смог добыть рекомендации, выполнить трудные в условиях деревни формальности; эти цифры все же говорят о том, что в то время, как к крестьянам применяется довольно жесткий подход, и значительная часть их получает отказ, служащие принимаются н е д о с т а т о ч н о к р и т и ч е с к и. Составляя среди подавших заявления пятую часть, они среди принятых составляют более чем треть.

Неправильность такой «политики» партийных организаций особенно режет глаза фактами, имеющими массовый характер, когда, как в Новгородской губернии, прием служащих в течение 8 мес. идет почти на одном уровне с крестьянами (по социальному положению первых—25,5%, вторых—28,7%; а по занятиям крестьян 18%, служащих 31,2%), а перевод служащих на много обгоняет перевод крестьян (по занятиям: первых переведено в члены 161 человек, вторых—20 чел.), или, как в Астраханской губ., за 7 мес. переведено в члены партии 27 крестьян и 228 служащих, или, как в крестьянской Гомельской губ. за 8 мес. переведено из 1.518 чел. 16 крестьян, или, как в Акмолинской губ. из 810 чел., принятых за 6 мес., крестьян—46 чел., а служащих—479 чел. В иных организациях, особенно крестьянских районов, неправильно соотношение между коммунистами в городе и в деревне. Так, напр., в Донском округе из 12.217 коммунистов в деревне находятся только 12% (9,6% членов и 15,4% кандидатов)[1] в то время, как по всей партии—в два раза больше. Можно бы привести огромное число фактов подобного рода.

При подобной легкости подхода к служащим трудно понять такой сугубо жесткий подход к крестьянам и батракам, какой в частности наблюдался, например, на Украине и в Сибири.

---

[1]) «Отчет Донского окружного комитета РКП». I/X 1924—I/X 1925 г., изд. 1925 г. Приложение, табл. 3.

Вот таблица по Украине[1]):

	Всего.	Батраков.	Крестьян от сохи.	Служащ. и проч.
Подано заявлений	38.608	1.659	7.742	7.021
В %%	100	4,3	20,1	18,2
Принято в кандидаты	13.755	65	578	2.465
В %%	100	0,5	4,2	17,1
Переведено в члены	9.062	9	180	2.512
В %%	100	0,1	1,9	25,0

Вот данные по Сибири[2]) за 4 мес. 1925 года:

	Всего.	Батраков.	Кр-н, раб. в своем. хозяйстве.	Прочих категор.
Подано заявлений о приеме	13.330	768	4.420	3.378
В %%	100	5,8	33,1	25,3
Принято в кандид. РКП	4.056	58	740	1.489
В %%	100	1,4	18,2	36,8
Переведено из кандидатов в члены	3.897	6	421	1.060
В %%	100	0,2	10,8	27,2

Судя по этим данным, даже не знакомясь более подробно с составом подавших заявления, можно признать, что отсеивание такого огромного процента крестьян, как на Украине, и батраков, как на Украине и в Сибири, является «регулированием», граничащим с недостаточным усвоением указаний партии.

Как обстоит дело с вовлечением женщин в партию в деревне? Рост женской части партии за период с января 1924 г. по 1 сентября 1925 г. выразился в 108,6%, давши повышение процента женщин в партии с 8,6 до 12,4. Этот сильный рост всей партии за счет женщин—в деревне был несколько слабее. На 1 января 1925 г. в деревне было 6.311 коммунисток, а через полгода 11.787, т.-е. рост на 86,8%. Но все же улучшение в этой области бесспорное, хотя, конечно, еще далеко не достаточное.

Что касается перевода в члены из кандидатов, то перечисленные отдельные факты находят свое подтверждение целиком и в общих данных по всей партии: в то время, как за полугодие

---

[1]) «Известия ЦК КП (б) Украины», 1925 г. № 9, стр. 10.
[2]) «Известия Сибирского Краев. Комитета РКП». 1925 г., № 4—5, стр. 58.

1925 г. переведено в партию 99.864, что составляет увеличение членов на 24,9%, в деревне перевод захватил 15.897 кандидатов, т.-е. дал увеличение на 17,2%. Среди переведенных в деревне крестьяне «от сохи» составляют ¼, а батраки, примерно, $1/_{30}$. На отдельных фактах мы видели, в какой мере это касается собственно крестьян. Явно, что перевод в деревне слишком слаб, особенно в отношении крестьян, и это имеет место при наличии таких фактов, когда в деревне имеются кандидаты с 1917 г., десятки кандидатов—с 1918 г., и уже тысячи—с 1920 г. Нужно больше внимания партийных организаций к этому вопросу и больше твердости при регулировании перевода различных социальных групп, в особенности из категории служащих.

* * *

Характеризуя рост партии в деревне и состав принятых в партию по отдельным признакам, мы попутно давали некоторую организационную оценку происходящих в деревенских организациях процессов роста. Но, разумеется, такая оценка явно недостаточна и несколько поверхностна. Серьезная характеристика этих процессов, роли в них партийных организаций и действительная организационная оценка идущих в партию пополнений в деревне предполагает большую детализацию и конкретизацию и требует глубокого изучения и полного выявления партийными организациями не только «статистического лица» партии в деревне, но и ее политического, социального, бытового нутра.

Каков характер потенциальных опасностей, связанных с ростом партии за счет крестьянства? Эти опасности могут возникнуть по двум основным линиям: во-первых, по линии взаимоотношений деревенских коммунистов с городскими, т.-е. в направлении отражения имеющихся об'ективных противоречий между городом и деревней; во-вторых, по линии размежевания деревенских коммунистов по классовому признаку, т.-е. в направлении отражения процессов классовой дифференциации деревни. Серьезность этих опасностей не подлежит оспариванию. А об'ективная возможность их подтверждается проявлением в некоторых партийных организациях ряда неоформленных симптомов, обозначающих период брожения, бессознательного первоначального оформления.

Означает ли констатирование этих основных опасностей, указание на них, что нужно застопорить работу по вовлечению в партию близких нам слоев крестьянства? Ни в какой степени. Такой вывод был бы абсурдом, ибо он противоречил бы задачам партии, основанным на современном состоянии деревни и перспективах ее развития и вытекающим из необходимости улучшения руководства нашей партии в деревне и усиления связей ее с основной массой крестьянства. Не может партия считать обеспеченным свое руководство в деревне, если в среднем на одного коммуниста там приходится несколько сот, а в некоторых районах и тысяч беспартийных, а одна деревенская ячейка в среднем приходится на 20—25 селений (на 1 сентября 1925 г. ячеек в деревне стало 15.549).

Было бы крайне полезно для дела регулирования роста партии, если бы партийные организации время от времени специально всесторонне изучали тот или иной слой трудящихся,

из которого партия черпает пополнение в свои ряды, чтобы быть в состоянии дать возможно точную, об'ективную общую характеристику его с политической, социально-классовой, бытовой, экономической, культурной и пр. сторон. Между тем, одна и та же социальная группировка, положим, батрак центральной России, существенно отличается от северо-кавказского батрака, и оба они отличаются от национального батрака, как по роли в общественной жизни, так и по своим особенностям.

Не менее важно изучение самого состава принятых. Здесь мы стоим перед трудно преодолимым сейчас препятствием, т. к. глубокого изучения принятых в партию партийные организации еще не провели. Необходимость же и обязательность такого изучения, очевидна. И некоторые организации, осознав это, ставят перед собою эту задачу. Так, Кубанский окружком[1] говорит о необходимости «поставить во всех организациях более полный и тщательный учет имеющейся тяги в партию в станице и ознакомление с составом вновь принимаемых крестьян и казаков (от сохи)».

Некоторые организации, подведя предварительные итоги приема, дают составу принятых малоудовлетворительную оценку: «В организации все больше вливается сырой, еще недостаточно партийно-обработанный элемент»[2]—говорит Крымский ОК. «Рост, конечно, удовлетворительный, как будто бы 66 чел. это все же хорошо для 17 ячеек, но если посмотрим на состав—состав неудовлетворительный»—говорил секретарь одного из райкомов Кубани. Свердловский окружком провел более серьезную и глубокую работу по обследованию кандидатского состава крестьян, вступивших в 1925 г.. и в постановлении, подводящем итоги этой работе, говорит[3]):

„1) Констатировать, что подавляющее большинство кандидатского состава крестьян занимается сельским хозяйством.

2) Констатировать, что кандидатский состав вступивших в 1925 г. принадлежит в большей своей части бедняцкому элементу. Приблизительно ⅓ принадлежит к середнякам, а остальная, незначительная часть, падает на более экономически крепких крестьян.

3) Констатировать техническую отсталость в применении культурных приемов в обработке земли в хозяйствах кандидатов, что ставит их на один уровень с отсталым крестьянством.

4) Отметить, что абсолютное большинство, помимо занятия сельским хозяйством, имеет внеземледельский заработок.

5) Отметить, что кандидатский состав крестьян со стороны технической грамотности почти целиком грамотен. Одновременно с этим констатировать слабость общего их развития.

6) Наряду со слабостью общего их развития отметить: проявляющийся большой интерес к чтению газет и книг.

7) В части общего политического развития, констатировать несомненную их отсталость, в особенности по усвоению задач партии в деревне и решений XIV конференции.

8) Наряду с этим отметить также, что кандидатский состав крестьян чрезвычайно слабо втянут в общественную работу на местах.

9) В части отношения к парт. обязанностям и дисциплине констатировать слабость партдисциплины и формальное отношение к выполнению партобязанностей в ряде случаев со стороны кандидатов.

10) Отметить, что довольно крупная часть кандидатского состава не пользуется авторитетом среди крестьян".

---

1) „Материалы 2-го совещания"... стр. 43.

2) „Отчет Крымского Обл. Комитета РКП (б) к XI Обл. парт. конференции", стр. 23.

3) „Протокол Бюро Свердлов. Окружкома РКП (б)" от 10/IX 1925 г., № 38, § 3. Цитируем, сохраняя стиль (Ч.).

Это уже более серьезные итоги, дающие ряд конкретных уроков. Наряду с чертами, хорошо характеризующими новых коммунистов (п. 2, 6 и частью 5), бьет в сознание убийственная оценка: не пользуется авторитетом среди населения, не понимает задач и политики партии в деревне, формально относится к парт. обязанностям. Это, либо сводит на-нет проделанную по вовлечению в партию работу, либо, что вернее, предполагает громадное напряжение всей организации по перевоспитанию этих кандидатов, приобщению их к партии, ее идеологии и задачам. Вообще же, касаясь имущественной стороны состава идущих в партию крестьян, можно сказать, что процент середняков, пришедших в Свердловскую организацию, является почти типичным для парторганизаций, с тенденцией к понижению его в некоторых районах. Повсеместно организациями делаются выводы, что, хотя тяга в партию в общем велика, середняк «не торопится в партию». Вот перечень мотивов, затрудняющих доступ в партию крестьян в их изложении:

Крестьянин 30 лет говорит: «Крестьяне не вступают в партию потому, что некоторые боятся: вступишь в партию—партия и будет таскать то на партсобрание, то еще куда, а в хозяйстве некогда работать».

Крестьянин 60 лет говорит: «Мне кажется, что в партию вступают те, которые хотят получить место, как в комнезамы, получить бесплатно кое-что».

Крестьянин 45 лет заявляет: «Меня удивляет, что как ни посмотришь, все новые и новые коммунисты. Почему это так? Вот вступи, угонят куда-нибудь!»

Крестьянин 45 лет: «Я полагаю, что виною нужно положить ком'ячейку, что она работу вела все закрыто, и крестьянин не знал, что обсуждает ячейка».

Но кроме этих, есть еще и другие мотивы, приводимые крестьянами же:

Крестьянин 65 лет: «Крестьянин не вступает в партию, по-моему, потому, что если нужно быть коммунистом, то надо научиться изучить программу, устав и знать цели и задачи партии и быть твердым».

Крестьянин 40 лет откровенно говорит: «Крестьянин не знает, какой порядок и как вступить в партию, что нужно сделать для того, чтобы вступить в партию».

Интересна характеристика тяги в партию, данная одним секретарем парторганизации Винницкого округа: «К нам селянин настоящий боится итти, он чувствует себя в чужой среде, мы еще чиновники».

Все сказанное подчеркивает необходимость уделить этому вопросу еще большее внимание парторганизаций, чем до сих пор. Это не значит, понятно, что усиление внимания означает усиление механического нажима в сторону большего количественного эффекта по приему крестьян, хотя бы и от сохи. Напротив, необходимо постоянно иметь в виду опасности, связанные с ростом партии, и работу вести методами активного вовлечения в партию тех, кто нужен партии, а не только тех, кто сам идет в партию («самотек»), и индивидуального отбора лучших из лучших среди тех слоев деревни, к связи с которыми партия стремится. Только при этом условии состав деревенских организаций способен будет отвечать требованиям и потребностям нашей партии, особенно в такой ответственный момент, как переживаемый нами теперь.

* * *

Здоровый рост партии делает нашу партию все более массовой пролетарской партией, связанной с преобладающей массой населения—крестьянством.

Общий вывод из отмеченных результатов роста сводится к тому, что в некоторых, особенно бурно выросших организациях темп роста партии следовало бы чуть-чуть замедлить. Это отнюдь, конечно, не означает, что нужно закрывать прием в партию вообще. Это значит, что нужно серьезно изменить методы регулирования роста партии и работы по приему в партию в сторону предварительной подготовки желающих и ценных людей для партии и партийного воспитания наших новых соратников.

Остающаяся и на будущее время задача вовлечения крестьян в партию предполагает продолжение и, может быть, даже усиление работы по приему рабочих от станка, имеющее целью выполнение директивы XIII с'езда о 50% их в партии. В этой работе, между прочим, важно не упускать из виду необходимость расширения работы среди квалифицированных рабочих, еще недостаточно охваченных партией, а также постановки на очередь работы среди новых рабочих, пришедших недавно из деревни на фабрики и заводы. Основным углом зрения, под которым должна протекать эта работа, должно быть стремление вовлечь в ряды партии наиболее влиятельных на заводе и фабрике, выдержанных и стойких пролетариев.

Эти выводы в отношении приема в партию рабочих с очевидностью вытекают из всего анализа роста партии, произведенного нами на основе цифровых и иных данных, характеризующих конкретные процессы, переживаемые партией. В этих условиях заниматься выдумыванием новых задач, коренным образом отличающихся от задач, поставленных XIII с'ездом и XIV конференцией и вытекающих только из не плохих, но насквозь абстрактных схем и планов, пытаться совершенно изменить линию партии в этой области—занятие не только бесплодное, но и вредное. В самом деле. Мы имеем весьма красочное, в этом смысле, выступление некоторых ленинградских товарищей: Саркиса и Гладнева в «Ленинградской Правде».

Нельзя пройти мимо этих выступлений, являющихся, так сказать, «голосами с мест» и переносящих вопрос в плоскость дискуссии.

Остановимся на статье тов. Саркиса «Об организации большинства промышленного пролетариата в рядах РКП (б.)» [1]).

Доказывая теоретическую возможность в условиях диктатуры пролетариата организации большинства, а затем и всего рабочего класса внутри партии, автор выдвигает перед партией две задачи:

«Партия должна в дальнейшей своей работе по регулированию роста и социального состава организации стремиться к тому,

[1]) «Ленингр. Правда», № 277, от 3/XII—25 г

чтобы в ближайшие годы организовать 50—60% всех промышленных рабочих в рядах РКП (б.)».

И вторая:

«Наша партия должна ставить перед собой задачу вовлечения промышленных и сельских рабочих в партию с тем, чтобы в ближайшие годы довести процент рабочих в партии до 90% ее общего состава».

Потеоретизировав на протяжении нескольких больших газетных столбцов на тему о возможности организации большинства промышленного пролетариата в рядах партии, тов. Саркис едва прикоснулся к вопросу о том, насколько это необходимо и целесообразно в данный период, при чем эту необходимость он, повидимому, нашел в соображении о «роли партии при диктатуре пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением, с бурно растущим хозяйством, поднимающейся активностью и тягой масс к организации»[1]). Вопрос же о целесообразности этой меры его совершенно не интересует. А напрасно. Напрасно потому, что им же самим наивно процитированы слова Ленина, разом опрокидывающие все рассуждения и умозаключения и выводы т. Саркиса.

«Партия—сознательный, передовой слой класса, его авангард; сила этого авангарда раз в десять, в сто раз более велика, чем его численность».

Странно, почему т. Саркис не понял значения и назначения этих слов. Он стремится к численному расширению партии—авангарда класса. Между тем, сила, влияние, руководящая роль авангарда—это именно основное назначение авангарда—определяется, как известно, не столько его численностью, величиной по отношению к целому, сколько его организованностью, сплоченностью, подбором в нем не случайных рабочих, а именно передовых, «авангардных» элементов, стоящих на точке зрения интересов целого класса, на почве идеологии класса, партии.

Во всей статье тов. Саркиса отсутствует ленинское, большевистское понимание партии, как авангарда класса. И взамен этого нашего понимания, всеми предложениями и выводами преподносится такое толкование партии, которое об'ективно совпадает (как правильно сказано по этому вопросу в статье «Орабочивание нашей партии» в «Правде»)[2]) с «широкой рабочей партией, в духе меньшевика Аксельрода, или же реформистской партией макдональдовского типа». Нельзя же забывать неоднородность рабочего класса, особенно в нашей стране «с бурно-растущим хозяйством», переживающей процесс собирания рабочего класса, выкачивания из деревни новой крестьянской рабочей силы, приносящей на фабрику и завод отсталость, анархичность, неорганизованность нашей деревни. Этим новым рабочим еще долгонько надо будет проходить классовую школу (в профсоюзах и др. рабочих организациях). Опасения эти касаются не только новых рабочих, а и большей части тех, кто имеет некоторый рабочий стаж. Среди них есть также разнообразные прослойки, из которых каждая политически, организационно, культурно находится на различном расстоянии от партии.

[1]) «Ленингр. Правда», № 277.
[2]) «Правда» № 278, от 5 декабря 1925 г.

Какая особенная необходимость в том, чтобы «в переживаемый исторический период», почти все или все рабочие прослойки были в партии, какие за это добавочные аргументы, сверх того, что наша партия—рабочая партия и что необходимо и желательно, чтобы в ней было побольше рабочих? Почему этот вопрос становится актуальным? Что изменилось с тех пор, как XIV конференция выносила свои решения по организационно-партийным вопросам, из-за чего стоило бы (по требованию т. Саркиса) производить радикальный пересмотр ее постановлений в этой области? Или необходимо укрепить ослабевшее пролетарское руководство партии, или повысить понижающийся процент рабочих в партии? Может быть, обнаружились какие-нибудь угрозы сохранению руководства партии рабочим классом? Или появились какие-нибудь новые, особые опасности для руководящей роли пролетариата по отношению к крестьянству? Тов. Саркис не поделился своими соображениями на этот счет. Мы сами не знаем особенных изменений в обстановке, которые вынуждали бы к такой постановке вопроса.

Но если бы все эти «ужасы и страхи» на самом деле имели место, разве предложение т. Саркиса может быть взято в качестве рецепта, средства, метода борьбы?..

Тов. Саркис витает в эмпиреях, теоретизирует, играет абстрактными величинами («большинство», «почти все», «все»), не видя, не зная конкретного состава партии в данный момент, его качественного уровня, не зная или не желая знать, что даже среди уж вошедших в партию рабочих довольно много, очень невысоких качественно элементов, требующих еще огромной работы над их воспитанием, как членов партии! Тов. Саркис слишком переоценивает подготовленность партии к переработке и воспитанию новых, идущих в партию людей, в то время как партия еще не смогла как следует серьезно перевоспитать тех, кто уже вовлечен в партию, в том числе и рабочих. Работа в этом направлении идет гораздо медленнее и мало успешнее, чем хотелось бы не только тов. Саркису.

Непонятно, какая основная мысль, цель руководила, какая необходимость толкала тов. Саркиса, когда он выдвигал свои предложения. То ли идея укрепления рабочего ядра в партии? Но неужели он столь азбучно-неграмотен, неужели он не понимает, что такое «укрепление» об'ективно приведет к разжижению рабочего состава партии, к тому, что хребет партии будет сломан. Поистине, медвежья услуга!

То ли мысль о необходимости найти выход «поднимающейся активности» и «тяге масс к организации»? Но разве у нас мало рабочих общественных организаций, не говоря о профсоюзах, где бы рабочий находил выход, проявление своей активности? И с каких это пор партия стала местом, куда направляют поднимающуюся, как будто избыточную активность и дают удовлетворение тяге к организации? Мало убедительный довод. Поистине, усердие превыше разума...

Но на т. Саркиса не действует большинство этих, приведенных в «Правде», доводов. Он остается с идеей, до которой «своим умом дошел». В «письме в редакцию» «Правды»[1]) он настаивает:

[1]) «Правда» № 281 от 9 декабря 1925 г.

«Ведь каждому же ясно, что в этом третьем своем предложении я выставляю лозунг: до XV партс'езда в деле вовлечения рабочих в наши ряды взять курс на то, чтобы в социальном составе нашей партии было 90 проц. рабочих от станка, а 10 проц. прочих, т. е. я предлагаю сделать так, чтобы скажем (для примера) из 1.000.000 членов и кандидатов партии 900.000 были бы рабочие, а 100.000—прочие. Можно спорить с тем, можем ли мы из 2.500.000 рабочих СССР взять до XV партс'езда столько, чтобы проц. рабочих от станка в социальном составе партии составлял 90 проц. по отношению ко всему составу партии. С таким предложением, повторяю, спорить можно»...

Не спорить, а смеяться нужно над таким абстрактным, оторванным от жизни, от наличного состава партии, смехотворным предложением.

Что вытекает из предложения т. Саркиса? Сейчас у нас в партии уже миллион членов и кандидатов: рабочих до 60%, крестьян до 25%, остальные служащие. Тов. Саркис командует: выгнать из партии 250.000 крестьян и 170.000 «прочих»! «Укомплектовать» ее девятью сотнями тысяч промышленных пролетариев от «станка»! Ну, и оставить там сотню тысяч... остальных-прочих (бывших рабочих, крестьян, интеллигентов, кустарей, батраков)... Это буквально команда: ибо все это предлагалось проделать за один год, до XV с'езда.

Что это означает, если отнестись к этому серьезно? Это означает «революцию» в партии, это означает такую сумасшедшую встряску (очевидно, методами чисток и партийных недель?) партии, какой не знала история ни одной партии и которая угрожала бы неисчислимыми бедами для нашей партии и нашей революции.

Тов. Саркис играет в очень опасную игру. «Любитель оперировать процентами», как он правильно и метко назван «Правдой», не думает даже над тем, к какому политическому и организационному эффекту могло бы привести его жонглирование процентами.

И диву даешься, не поймешь, чего больше в этих предложениях и рассуждениях, во всей этой постановке вопроса: увлечения дешевым рабочелюбием, недомыслия или демагогии.

Ведь, никакого сомнения не может быть в том, что осуществить даже скромную задачу, даже «на ближайшие годы» вряд ли удастся, ибо мы находимся на линии восходящего развития промышленности, а, следовательно, непрерывного роста численности рабочего класса, за которым не может и не должен поспевать рост численности партии, ибо тогда партия должна была бы «глотать», втягивать рабочих в свои ряды такими порциями, которые привели бы только к качественному понижению рабочего состава, а, следовательно, и всей партии. Ибо хотя тов. Саркис в конце своей статьи и пролепетал нечто мало вразумительное о качестве, «двухстороннем» характере выдвинутой им задачи, но это сделано больше... для приличия, так как всякий понимает, что максимальный количественный рост партии не совместим с внимательным высоким качественным отбором в нее. И с другой стороны, из кого же собственно выбирать, когда половина, почти все или все рабочие должны итти в партию. Именно должны потому, что проекты тов. Саркиса не считаются с данными, характеризующими конкретную тягу рабочих в партию, степень и размеры их добровольного стремления войти в партию. При чем тут добровольное желание и стремление? Саркису море по колена!

Итак, даже та правильная, обще-партийная мысль о большем вовлечении в партию рабочих, которую привел в статье т. Саркис, благодаря абстрактно-формально-«логическому» развитию ее, приведена к абсурду. Ибо разве не нелепейшим абсурдом является тот бесспорный факт, что тов. Саркис в своей сугубой революционности совсем забыл о деревне, о необходимости укрепления связи партии с крестьянством, и, следовательно, вовлечения лучшей части крестьянства в партию. Вот уже подлинно недооценка крестьянства!

Заканчивая разбор этого выступления, мы считаем его отнюдь не случайной, личной ошибкой тов. Саркиса. Это выступление имеет социальные и иные корни в ленинградской организации. Это видно, как по выступлениям на XXII губ. партконференции, так и в ее резолюции по этому вопросу, если понимать ее так, как толкует т. Саркис, будто она предрешает вопрос о всей партии, а не только ленинградской организации. В резолюции сказано: «Нашим лозунгом должно быть, добиться того, чтобы в течение ближайшего года в организации было 80—90% ее состава—рабочие от станка». Однако, мы вопреки тов. Саркису полагаем, что такую директиву конференция принимала не для всей партии (ибо в резолюции по докладу ЦК сказано об этом совсем иное), а для своей организации.

Тем не менее, независимо от этого, мы считаем, что между этой ошибкой и бедняцкой ориентацией в крестьянском вопросе, проявившейся в ряде выступлений на ленинградской конференции, существует, несомненно, об'ективная связь.

Когда т. Угланов выступил в «Правде» (от 29 ноября 1925 г.) против подобных увлечений и подобных предложений, т. Гладнев ответил ему в «Ленинградской Правде» передовой статьей под названием: «Орабочение партии — залог внутрипартийной демократии», чрезвычайно упрощающей проблему, не сумевшей связать эти два вопроса и предусмотреть важнейшие стороны проблемы. В статье тов. Угланов обвиняется в нарочитой массобоязни. Массобоязнь—крылатое словечко, пущенное весьма кстати во время Ленинских дней. Но нужно же уметь употреблять это слово, а не механически повторять его, не бросаться им всуе, когда знаешь, что партия выросла до миллиона, выросла на 50%, когда заботы о партии должны итти уже по линии установления ее границ, оформления партийных организаций, предохранения партийных организаций от опасности растворения их в беспартийной среде. В этих условиях с полным основанием речь может итти не о массобоязни, а о подыгрывании кое-кого к массам. Поэтому нужно, отбросив жупелы, сказать: не массобоязнь это, а—легче на поворотах, товарищи!

Работа, в смысле изучения и подведения известных итогов росту партии и направлению роста, будет проведена и уже проводится, как мы видели, в связи с происходящими партийными конференциями. Необходимо, чтобы партийные организации изучали и учитывали свой опыт в свете общепартийных итогов.

Мы считаем крайне важным и полезным, если этим вопросом специально займутся и ячейки, как первые инстанции в деле приема в партию, от правильной политики и работы которых

зависит очень многое. Пусть ячейки под руководством парткомов, на фоне общих изменений, происшедших в партии, проверят свою работу, учтут ее итоги и связь этих итогов с губернскими, а также общепартийными итогами. В связи с этим, они должны будут и смогут лучше и конкретнее усвоить существо относящихся сюда уже данных партией директив, а также тех решений, которые будут приняты предстоящим XIV с'ездом партии. Это сильно поможет партии точнее и тверже выполнять директивы своих высших органов.

Несомненно, что этот вопрос будет занимать внимание XIV с'езда партии. С'езд не может пройти мимо того факта, что партия переросла такой серьезный рубеж, как миллион членов и кандидатов, и он должен будет дать ряд основных указаний о политике в этом вопросе, тем более, что вопрос приобретает еще добавочное, усугубленное значение в связи с тем, что вся, в том числе и эта, работа партийных организаций должна протекать в условиях развернутого осуществления внутрипартийной демократии. А это бесспорно открывает возможность новых опасностей. Не подлежит сомнению, что методы внутрипартийной демократии должны быть учтены и должны оказать влияние на характер работы по регулированию роста партии.

XIV с'езд даст руководящие указания по этим вопросам, учитывая конкретные итоги проделанной партией работы, нынешний хозяйственный и политический под'ем страны, а также факт некоторой консолидации рабочего класса.

Бесспорно, с'езд отвергнет ошибочные предложения вроде разобранных нами оторванных от действительности плодов оригинальничанья и бесплодного прожектерства, помноженных на демагогию.

Вл. Ч.

По поводу проекта нового устава партии.

Действующий ныне устав партии был принят Всероссийской Конференцией нашей партии в августе 1922 г. и утвержден Центральным Комитетом. Мысль о внесении в него дополнений и изменений—о некотором пересмотре его—явилась в результате целого ряда постановлений с'ездов партии, происходивших после 1922 года, вынесших по тем или иным моментам устава решения, не совпадающие с формой или существом положений устава и фактически отменивших те или иные пункты устава партии. С другой стороны, эта мысль явилась результатом изменений, происшедших в условиях и обстановке работы нашей партии и всей страны, которые привели в частности к перестраиванию структуры партии. Эти изменения не были, разумеется, нарушением устава. Они были мерами, санкционированными высшими органами партии и имеющими целью применение в данный отрезок времени тех или иных условий и форм, отвечающих изменяющейся обстановке. Это было возможно потому, что устав партии есть система организационных правил, условий, форм, определяющих работу и действия, права и обязанности, как отдельного члена и кандидата партии, так и организаций и органов партии. Тем более это было возможно, что еще X с'езд партии установил, что «форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают» [1].

Конечно, устав партии есть документ громадной важности, в нем фиксируются основные положения, определяющие организационную и социальную структуру партии. Изменения в него вносятся и должны вноситься соответствующими органами партии только в крайних случаях, так сказать, «под давлением жизни».

Каков характер этих, уже внесенных и намеченных изменений?

В какой мере и в каком направлении эти изменения и дополнения изменяют существо устава, те руководящие принципы, на основе которых он построен? Из прошлого нашей партии (II с'езд) мы знаем, что иная формулировка одного пункта изменяет весь дух устава, а, следовательно, и партии, оформлению которой служит устав, во всяком случае может спо-

[1] X С'езд РКП. Статистический отчет, стр. 33.

собствовать изменению социальной физиономии и сущности партии. Разумеется, этого не следует понимать в том смысле, будто от формулировки, как таковой, непосредственно зависит изменение характера партии и проч., и т. п. Такое толкование было бы идеалистическим толкованием, несовместимым с марксистским, большевистским пониманием социальных явлений, в частности партии. Сказанное следует понимать в том смысле, что за той или иной формулировкой могут стоять те или иные существующие или только потенциальные, политические и социальные тенденции, при чем принятие той или иной формулировки может означать победу тех или иных тенденций, а, следовательно, и сил, являющихся носителями этих тенденций. И далее: восторжествовавшая формулировка становится легальной, юридической оболочкой, под покровом и в рамках которой развиваются и оформляются выдвинувшие ее тенденции. Само собой понятно, что перенести сказанное на нашу партию, допустить, что та или иная формулировка, хотя бы и основных пунктов устава изменяет характер и сущность большевистской партии, имеющей славную историю и крепкие особенные традиции, значит явно преувеличивать значение и роль формулировок. Но отсюда не следует, что нужно преуменьшать их значение. Не надо забывать, что подобные эволюционные явления совершаются не в один-два года, они сказываются, дают себя знать в десятилетия, как бы незаметно претерпевая количественные изменения, вслед за которыми наступают и качественные превращения.

Все это не лишне вспомнить и сказать в связи с пересмотром устава нашей партии. Наши враги, потерпев неудачу на всех «фронтах» борьбы с нами, в качестве одной из надежд еще сохраняют надежду на «трансформацию», перерождение нашей партии, потерю большевизмом основных боевых его особенностей, что привело бы нас к политической демобилизации и к исторической капитуляции перед капитализмом. К категории подобного рода вожделений относится и недавнее повторное выступление проф. Устрялова.

Повторяем, уставные изменения, отражающие определенные тенденции, не ведут непосредственно к перерождению партии, но они могут сопровождать этот медленно и постепенно протекающий процесс и могут сигнализировать эту опасность. Есть ли такая опасность перед нашей партией?

Мы намеренно связывали вопрос о пересмотре устава с вопросом об указанных опасностях, ибо существуют не только надежды врагов на «термидорианство» (перерождение) нашей партии, но и обвинения партии в термидорианстве со стороны некоторых членов партии. Поэтому, мы считаем не бесполезным на минуту взглянуть на вопрос о пересмотре устава под углом этого обвинения и проверить, находит ли отражение это обвинение в тех изменениях, которые вносятся в устав. А ответ на этот вопрос является ответом и на вопрос о существе вносимых в устав изменений.

Рассмотрение поправок, разработанных Оргра спредом ЦК и принятых Политбюро ЦК, показывает, что поправки эти не только не изменяют, но даже не касаются существа устава и организационных принципов, на которых построена наша партия. Так, исторический первый пункт устава остается неприкосно-

венным; также неприкосновенными в принципиальной части остаются и пункты, характеризующие организационное строение партии. Ни в какой части не пересматриваются права и обязанности члена и кандидата партии, а также раздел «о партийной дисциплине». Функции определенных партийных органов остаются в основном не измененными.

Уже по одному этому можно судить о полной неосновательности охарактеризованных выше возможных опасений. Изменения и дополнения в уставе—в главном—идут по линии оформления тех изменений, которые фактически уже произведены решениями С'ездов, ЦК или являются результатом изменений, происшедших в стране (областное районирование и др.).

Поскольку выявилась необходимость обновления целого ряда пунктов устава, оказалось необходимым изменить и самый текст устава,—естественно, что эти изменения и дополнения, даже и предрешенные теми или иными органами партии (С'ездами, ЦК, Конференциями), необходимо не механически перенести в устав, а рассмотреть по существу, проверить, насколько целесообразными и отвечающими нынешней обстановке они являются, не следует ли и их подвергнуть критической оценке и изменениям. Это и привело к пересмотру устава почти во всех его частях.

Какие же части и каким, в основном, изменениям подвергаются? Прежде всего, изменения, и довольно существенные, касаются 1 раздела в той части, где устанавливается порядок и условия приема в члены партии. Сохраняя прежнее разделение на три категории всех желающих вступить в партию по основным социальным признакам, новый проект вносит серьезное изменение в пункт, определяющий условия приема в партию рабочих и крестьян, т.-е. первых 2-х категорий. Известно, что в старом уставе были одинаковые условия приема в партию как для первой, так и для второй категории, т.-е. как для рабочих, так и крестьян (рекомендация 3-х членов с 3-летним стажем). XII, а затем XIII С'езд и дальше XIV партийная конференция внесли в эти условия целый ряд изменений, которые соответствовали задачам и политике партии в области регулирования ее роста и социального состава. Последние $1\frac{1}{2}$ года в этом отношении характеризуются громадным ростом партии, в связи с общим хозяйственным восстановлением и консолидацией рабочего класса. И поэтому условия приема в партию по решению XIII С'езда применялись для этих двух категорий гораздо более облегченные, чем они определены в уставе. Совершенно бесспорно, что социальная близость к партии рабочих и крестьян далеко неодинакова, и естественно, что условия приема в партию обоих социальных групп должны быть также неодинаковы. Мало того, внутри рабочего класса существует целый ряд прослоек, каждая из которых находится в той или иной, но не одинаковой социальной близости к партии. Основными слоями внутри рабочего класса являются промышленные и непромышленные рабочие. Психология рабочего, занятого физическим трудом, но не на крупном промышленном предприятии (где условия коллективного, организованного труда воспитывают во всех участниках производства классовое сознание и классовую солидарность), а в мелких кустарных предприятиях

или учреждениях, совершенно естественно отличается от психологии промышленного рабочего. Этим признаком более, чем каким-либо другим, определяется отношение того или другого к нашей партии. Можно было бы найти и другие признаки, по которым происходят размежевания внутри рабочего класса на отдельные прослойки. Здесь имеется целый ряд ступеней, граней, едва заметных переходов, которые тем не менее серьезно отличают данную группу рабочих по классовой сознательности, уровню политической подготовки, степени культурности, навыкам организации и проч., и понятно, что они находятся на разном расстоянии от партии. Естественно, что разными должны быть и условия приема тех и других в партию; при чем лучшим, наиболее об'ективным признаком разграничения является именно этот: промышленный рабочий—непромышленный рабочий. Несмотря на наличие других признаков (напр., производственный стаж, давность ухода из деревни и пр.), в интересах установления правильных «справедливых» условий приема в партию разных групп рабочих, мы считаем совершенно достаточным и безусловно необходимым разграничение рабочих по условиям приема в партию на две группы, из которых для первой (промышленной) необходимо установить обязательным условием приема в партию представление двух рекомендаций членов партии с одногодичным партийным стажем, а для второй группы—представления двух рекомендаций членов партии с двухгодичным стажем. Установление таких условий предполагает и обеспечивает более легкий доступ в партию и энергичный рост ее за счет промышленных рабочих, прошедших известную школу классовой выучки и организованности. Но, с другой стороны, создание второй группы — для непромышленных рабочих обеспечивает возможность более легкого вступления последних в ряды партии, чем это было до сих пор, когда нередко этих рабочих относили к категориям служащих.

В связи с необходимостью улучшения наших партийных организаций в деревне условия вступления в партию крестьян также значительно облегчены: они представляют три рекомендации членов партии с двухгодичным партстажем. При чем, для вступления комсомольцев в партию в проекте устава рекомендация комсомольского комитета приравнивается к одной рекомендации члена партии.

Эти изменения, которые отражают политику и задачи партии в области регулирования ее роста и социального состава, отвечающие состоянию политической активности масс, имеют серьезное значение, тем более, что они получат силу постановлений С'езда партии, как твердое уставное положение.

Далее изменения касаются продолжительности кандидатского стажа для различных категорий, при чем здесь опять-таки вводится ряд облегчений в смысле сокращения кандидатского стажа. Кроме того, уточнен порядок исключения из партии, уточнены права и обязанности кандидатов в смысле участия их на партийных собраниях.

Некоторые изменения внесены в главу «Об организационном строении партии», и они об'ясняются исключительно изменениями, происшедшими в СССР в связи с оформлением Союзных Республик, и происшедшим в ряде районов областным районированием (Сев. Кавказ, Урал, Украина, Сибирь, Дальний Восток). Этим же об'ясняются изменения, выражающиеся в выделении новых глав: «Об областных (краевых) организациях» и «Об окружных организациях», ибо на месте прежних губерний, уездов и волостей теперь созданы области (края), округа, районы. Естественно, что структура партии, поскольку партия построена по территориальному признаку, изменяется в результате изменения административного деления. При этом характерно и важно, что проект ориентируется на приравнение в правах окружных организаций к губернским. Это обеспечивает больше прав, повышение ответственности и условия для углубления работы во вновь созданных округах, районах, и т. д.

Далее, некоторые изменения идут по линии расширения сроков, между которыми созываются партийные конференции,—губернские и областные, окружные и волостные. Если раньше в уставе срок созыва губернских и областных партийных конференций был определен «один раз в 6 месяцев», то теперь проект выдвигает предложение о созыве «не реже одного раза в год».

Тот же срок относится и к округам. Что же касается волостных организаций, то здесь конференции созываются по новому проекту не реже одного раза в 3 месяца, при чем волостной (районный) комитет избирается волостным (или районным) «партийным собранием или конференцией на 6 месяцев». Перечисленные формулировки являются более гибкими и оставляющими возможность более частого созыва конференций. Противоречит ли такое изменение сроков принципам внутрипартийной демократии? Выдерживает ли критику с деловой точки зрения? Бесспорно, что усложнившиеся условия работы и необходимость максимального углубления ее отвергают частые изменения состава руководящих органов, ибо теперь на 9 году Октябрьской революции скольженье по поверхности—а оно неизбежно при кратких сроках —никого удовлетворить не может и отпадает. Поэтому необходимо создать условия, дающие возможность углубленной и более продолжительной работы выборных органов. А для этого необходимо удлинить сроки. Принципы же демократии здесь ни в коей мере не затрагиваются, ибо центр тяжести демократии не в сроках, а в самом характере постановки выборности.

Важнейшим, почти совершенно новым разделом является раздел о контрольных комиссиях, в особенности о Центральной Контрольной Комиссии. Конечно, ничего особенно нового в этой главе нет, ибо решение об изменении структуры состава, расширении функций ЦКК и местных Контрольных Комиссий, было принято после 1922 года на XII С'езде партии, и естественно, что в старом уставе основные положения ЦКК и местных КК не были формулированы. Теперь их необходимо зафиксировать.

Также новой является глава «О парторганизации в Красной армии». В ней даны основные указания о структуре партийной организации в армии и флоте, взаимоотношениях их с партийными организациями и в известных пределах учтен 7—8-летний опыт работы партии в военной среде.

Затем некоторым изменениям подверглась глава «О фракциях во внепартийных организациях», при чем внесено уточнение в порядке отзыва или включения нового члена в состав фракции; эти меры должны проводиться «применительно к уста-

ву и положению о внепартийном органе, при котором работает фракция».

Кроме того, внесено исправление в прежний 65-й пункт устава, ставший ныне 97, который сводится к тому, что во фракции обсуждаются вопросы, «имеющие принципиальное значение, а также те вопросы, по которым необходимо согласованное выступление коммунистов». В этой главе проекта вводится новый существенный пункт, воспрещающий непосредственные сношения по фракционной линии, — когда фракции вышестоящего непартийного органа сносятся с фракциями нижестоящих органов, что наблюдается в последнее время, как в кооперативных, так и в профессиональных организациях. Всякий, сколько-нибудь организационно грамотный член партии понимает значение подобного пункта, устраняющего возможную опасность замены общепартийного руководства фракционным руководством и недопускающего нарушения правильных организационных взаимоотношений между низшими и высшими партийными органами, между партийными и внепартийными органами и правильных форм связи между ними. Устав разрастается и по количеству пунктов на 1/3. В прежнем уставе было 66 пунктов, в проекте — 99.

Вот, если не все, то основные изменения, намеченные проектом устава партии. Главная и большая часть этих изменений и дополнений была разработана Орграспредом ЦК еще к XIV партконференции. Теперь, будучи несколько переработаны и еще раз исправлены по существу, изменения и дополнения к уставу партии вносятся на рассмотрение XIV партийного с'езда.

Принятие устава с'ездом партии—высшим ее органом—имеет то особое значение, что до следующего с'езда партии никакой орган партии не в состоянии будет отменить или изменить тех или иных его пунктов. Это еще более подтверждает мысль о том, что в устав необходимо вносить только такие, действительно основные, действительно проверенные, не нуждающиеся в скором пересмотре положения, потребность в изменении которых может назревать только в длительные сроки.

Партия, обсудив ранее в отдельных организациях прежний проект и ознакомившись теперь с последней редакцией проекта, опубликованного в партийной печати, сможет с теми или иными коррективами принять устав, который будет отвечать потребностям и условиям работы данного исторического периода, и этим самым внесет больше ясности в понимание членами партии отдельных моментов партийной работы, а также основных принципов строения партии. Это поможет лучшему усвоению партийной массой особенностей нашей партии, отличающих ее от других политических, в том числе и рабочих социал-демократических, партий, и поможет укреплению в сознании партийной массы большевистских принципов строения партии и большевистского понимания роли и значения партии, гарантирующих партию в значительной степени от опасностей всякого рода трансформации, перерождения, «термидорианства».

Л. Вишеров.

К вопросу о введении всеобщего начального обучения.

(План введения всеобщего обучения в РСФСР и его значение).

Систему учебных учреждений, которую Советская Россия получила в наследство от старого режима оказалось очень трудно приспособить к нуждам рабоче-крестьянской страны. Отдельные категории и типы этих учебных учреждений не находились ни в какой связи с производством и корнями своими уходили вглубь схоластического средневековья.

Система народного образования, которая нам нужна должна явиться неот'емлемой частью нашего общего социалистического строительства. Мы должны иметь школу единую в целях, единую, классовую, пролетарскую школу, которая должна явиться идеологическим тараном господствующего класса, пролетариата, по отношению к иным классовым группировкам. Организовать такую школу—это трудная задача, разрешение которой в первую очередь связано с введением всеобщего начального обучения.

На другой день после октябрьского переворота тов. Ленин говорил о необходимости «сломить неграмотность в России». Владимир Ильич не связывал, конечно, необходимость «сломить неграмотность России» с понятием «ликвидация неграмотности». Слова Ленина о борьбе с неграмотностью надо понимать, как необходимость борьбы за осуществление всеобщей грамотности населения, а эта задача без введения всеобщего обязательного обучения безусловно невыполнима.

Понимание, что строительство новой жизни без привлечения к этому делу широких масс рабоче-крестьянского населения невозможно, заставило Ленина согласиться на образование комиссии по ликвидации неграмотности (ВЧК л. б.). Но именно сознание паллиативности этой меры заставило его в октябре 1921 г. произнести следующие, полные горести слова на Втором Всероссийском С'езде политпросветов: «...то обстоятельство,—говорил Ленин,—что пришлось создать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает,—что мы люди (как бы это выразиться помягче?), вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, там в школах ликвидируется безграмотность. Там есть школы сносные и в них учат. Чему? Учат грамотности—первым делом».

В первые моменты существования рабоче-крестьянской власти, когда у нас не было еще меры вещей в оценке тех трудностей, которые нам предстояло преодолеть, и когда эти трудности еще не были усугублены жестоким экономическим разорением страны в результате гражданской войны,—не было ничего удивительного в стремлениях и надеждах Наркомпроса ввести всеобщее обучение в кратчайший срок. Жестокая борьба с врагами рабочих и крестьян истощила все хозяйственные рессурсы страны, что лишило строительство массовой школы ее экономической базы. Только с началом экономического возрождения СССР мы получили реальную возможность поставить на практические рельсы работу по введению всеобщего обучения. То обстоятельство, что уже 24 августа 1923 года был опубликован декрет ВЦИК и СНК РСФСР о введении всеобщего обучения в десятилетний срок, проведение которого в жизнь связано с миллиардными затратами показывает, что партия и соввласть и в вопросе по искоренению темноты народной остается верной заветам Ильича.

Ленин сказал, что «массовая школа должна явиться проводником идейного организационного и воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения способного окончательно установить коммунизм». Если мы вдумаемся в эти слова нашего учителя, то мы поймем, какое поистине грандиозное значение имеет плановое развертывание школьной сети в общей цепи опорных пунктов, образующих командные высоты пролетарского могущества. Если все вышеприведенное более или менее достаточно для уяснения себе социально-политического значения введения всеобщего обучения, то понимание его экономической целесообразности требует специального анализа. Для этого нам надо будет выяснить, с какими трудностями связано это дело и уложить в систему те мероприятия, которые советская власть намеревается предпринять для преодоления этих трудностей.

В результате работ Комиссии Госплана, проверившей все расчеты Центр. Сетевой Ком., общая сумма расхода, необходимая для введения всеобщего обучения, определилась в следующем размере:

1)	на содержание комплектов	1.182.249,1 т. р.
2)	„ школ. строит. дело (на 10 лет) .	257.520,1 „ „ [1]
3)	„ подготовку преп. состава . . .	129.640,8 „ „
	Всего на десятилетие . .	1.569.410,0 тыс. р.

Таковы были первоначальные подсчеты стоимости задания на территории РСФСР без Автономных Республик.

Госплан предложил НКПросу разработать перспективный план финансирования этого начинания с распределением расходов между государственными и местными бюджетами [2].

9-го февраля сего года Комиссия по народному образованию Госплана заслушала доклад Наркопроса о перспективном десяти-

[1] Первоначальный план строительства был рассчитан на 20 лет.
[2] Предложение это было подтверждено СНК 29/VIII 1924 г.

летнем финансовом плане введения всеобщего начального обучения в РСФСР.

В виду того, что при обсуждении этого вопроса выяснилась необходимость дополнительно проработать и уточнить расчет отдельных расходных статей, связанных с введением всеобщего обучения, решено было для этой цели образовать специальную комиссию, которая проанализировала все расчеты, сделанные в 1924 г. и, учтя новые данные по бюджету 1924—1925 г., внесла в план целый ряд изменений и дополнений.

Перейдем к вопросу о плане.

Проблема введения начального образования в РСФСР может быть изучена достаточно ясно лишь с выявлением следующих основных ее элементов:

1) количества детского школьного населения (8 — 11 лет), подлежащего обслуживанию школами I ступени;

2) порядка развертывания школьной сети в пределах десятилетия;

3) материальных норм стоимости одного школьного комплекта (40 учеников с 1 учителем) и размера необходимых затрат в течение каждого года десятилетия;

4) кадра необходимых учителей;
5) размера школьного строительства и
6) финансового плана реформы.

Основываясь на этом мы перейдем к характеристике каждого из указанных элементов в отдельности.

Начнем с вопроса о количестве школьного детского населения.

На основе данных переписи 1920 г. и поправочного коэффициента на смертность установлено было, что детское население РСФСР (без автономных республик), составлявшее в 1924 г. 8.236 тыс. душ, будет постепенно падать и к 1928 г. достигнет всего лишь 5.752 тыс.

В виду того, что новых обоснованных данных о количестве детей школьного возраста не имеется, цифры, принятые в расчетах НКПроса, были оставлены без изменения со внесением поправок на территории автон. Республик. При подсчетах детских контингентов на второе пятилетие было принято предположение, что рост рождаемости и уменьшение детской смертности, в 1922, 1923 и последующих годах будет итти тем же темпом, как шло уменьшение рождаемости в период гражданской войны. Хотя это предположение и вызывает в настоящее время некоторые сомнения, но до получения общих результатов общей переписи 1926 года оно не может, и не должно, быть отброшено при расчетах. Могущая же оказаться вследствие этого ошибка будет в сторону некоторого уменьшения количества детей, т.-е. в сторону возможности снижения запроектированных по плану ассигнований (см. таблицу № 1).

По вопросу о школьных комплектах была подтверждена правильность исчисления минимальной стоимости школьного комплекта в 800 рублей. Но для 1924—25 года в расчеты была внесена средняя фактическая стоимость его (комплекта) в 520 рублей. Было признано, что ежегодное увеличение ассигнования на 40 рубл. с доведением его до цифры (800 рублей) к 1931—1932 году обеспечит нормальный рост улучшения в постановке

школьного дела, так как параллельно с ростом ассигнований необходимо учесть рост покупательной способности рубля.

Самое скромное оборудование одной вновь открываемой школы на 40 учеников по существующим ценам должно стоить 300 руб.

В связи с тем, что все расчеты по плану имеют исходной точкой фактический отпуск средств по бюджетам 1924—25 г., расходы по подготовке педагогического персонала, принятые по плану, разработанному в прошлом году, были заново пересмотрены. Этот пересмотр дает цифру стоимости развертывания сети техникумов:

в РСФСР	127.359.052 р.
» Авт. Респ.	20.839.566 »
педкурс. в РСФСР	18.650.320 »
в Авт. Респ.	3.371.079 »
общая цифра расхода на 10 лет для всей территории РСФСР, включая автономные республики	170.220.017 »

Уточнить расчеты по школьному строительству до получения с мест планов развертывания сети школ и планов постройки школ по губерниям составляет задачу почти неразрешимую. Возможно уточнение цифр, принятых в прошлом году, а главное учет имеющейся кубатуры школьных зданий, распределение строительства по районам РСФСР дает возможность несколько ближе подойти к определению расходов на эту цель. Нормальным было признано 5 кв. арш. на ученика; в настоящее время имеется на каждого ученика 3 кв. арш. Строительство рассчитано, во-первых, на пополнение дефицита и, во-вторых, на размещение новых комплектов по плану. Стоимость школьных зданий, исходя из существующих цен, определена Стройсекцией Госплана в 85 р. за куб. саж. В дальнейшем было признано возможным презумировать ежегодное понижение цен на строительство с тем, что к 1930—31 году стоимость куба будет доведена до 60 руб., т.-е. до довоенной нормы. Общая цифра по строительству выразится в сумме—299.918.589 руб.

Проверив, таким образом, все слагаемые финансового плана, мы приходим к погодным цифрам расходов по проведению всеобщего обучения, указанным в табл. № 1 (см. табл. № 1).

Определив потребность в средствах, Комиссия поставила себе задачей выявить те рессурсы, как по местным бюджетам, так и по госбюджету, которые могут быть мобилизованы на эту цель.

В основу перспективного финансового плана по осуществлению всеобщего обучения на основании анализа 1924—25 года были положены следующие предпосылки:

1) Расходы на дело народного образования как по государственному, так и по местному бюджету, в течение 1925—34 г.г. будут возрастать ежегодно соответственно общему нарастанию бюджета, при чем это ежегодное нарастание принимается в 10% в среднем.

2) 80% ежегодного прироста ассигнований на народное образование по местному бюджету должно расходоваться на начальное образование.

3) Для первого пятилетия стабилизуется 14%-й прирост от 1924—1925 года на дело начального образования по госбюджету;

Таблица № 1.

Расчет расходов по введению всеобщего обучения по РСФСР, со включением автономных областей и республик.

(Без Московской и Ленинградской губ.)

Годы.	Число детей школьн. возраста от 8—11 лет по данным Ц.С.У.	% обучаемости.	Содержание комплектов. Число комплектов (в тысяч.).	Стоимость одного комплекта (в руб.).	Стоимость всех компл. (в милл. руб.)	Оборудован. нов. комплект. Число новых компл. (в тысяч.)	Стоимость одного ком. (в руб.)	Стоимость всех компл. (мил. руб.)	В миллионах рублей. Общая сумма расход. на содерж. и оборудование комплектов.	На подготовку пед. персонала.	На школьное строительство.	Общая сумма необходимых расходов на начальн. обучение.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1924—25	9.251.186	50	115,5	520	60,1	—	—	—	60,1	5,2	—	65,3
1925—26	8.247.179	57	117,6	560	65,8	2,0	300	0,6	66,4	11,2	9,5	87,1
1926—27	7.759.207	62	120,3	600	72,2	2,7		0,8	73,0	13,3	18,1	104,4
1927—28	6.930.954	72	124,8	640	79,8	4,5	—	1,4	81,2	11,0	22,2	117,4
1928—29	6.508.493	82	133,4	680	90,7	8,6	—	2,6	93,3	16,1	25,7	135,1
1929—30	6.508.793	89	144,8	720	104,3	11,4	—	3,4	107,7	18,9	28,0	154,6
1930—31	6.930.964	95	164,6	760	125,1	19,8	—	5,9	131,0	20,9	33,4	185,3
1931—32	7.759.207	98	190,1	800	152,1	25,5		7,7	159,8	23,1	45,5	228,4
1932—33	8.251.186	99	204,2	—	163,4	14,1	—	4,2	167,6	26,1	52,1	245,8
1933—34	9.251.186	100	231,3	—	185,0	27,1	—	8,1	193,1	21,4	59,4	273,9
	—	—	1.546,6	—	1.098,5	115,7	—	34,7	1.133,2	170,2	293,9	1.597,3

в последующие годы второго пятилетия на эту цель обращаются 60% от прироста госбюджета по Наркомпросу.

Построенный на указанных основаниях перспективный десятилетний финансовый план введения всеобщего обучения представляется в следующем виде (см. табл. № 2).

Расходы на народное образование по местному бюджету равняются 2.027,9 милл. рубл., из которых на начальное образование приходится 1.104,0 милл. рубл. По государственному же бюджету итоги этих расходов за 10 лет определяются в 1.465,6 милл. рубл., в том числе на начальное обучение 313 милл. рубл.

Общая сумма расходов на начальное обучение достигает за 10 лет:

по местному бюджету	1.104,0 милл. р.
„ государственному бюджету	313,0 милл. р.
Всего	1.417,0 милл. р.

Этот план не ставит большого и спорного вопроса о возможности в ближайшие годы произвести передвижку средств внутри сметы Наркомпроса в сторону начальной школы. В данном случае, было учтено то тяжелое положение, в котором сейчас надохятся ВУЗ'ы, и средняя школа, которые также требуют увеличения ассигнований.

Разница между потребными расходами и финансовыми рессурсами, составляя, примерно, 12% общей суммы (расход в 1.597 милл. руб. и рессурсы в 1.417 милл. р.) в ориентировочном плане, подсчитанном на десять лет, не может иметь решающего значения. Вариант рессурсов, презумирующий 10% роста бюджета для первого пятилетия, несомненно, является весьма умеренным. Рессурсы же бюджетов второго пятилетия, поскольку расходная часть подсчетов этого периода является весьма грубо ориентировочной,—не могут быть признаны недостаточными.

Детальный учет всех расходных статей перспективного плана, с одной стороны, и осторожный подсчет бюджетных рессурсов ближайших лет, с другой — приводят к убеждению, что план Наркомпроса о введении всеобщего школьного обучения в десятилетний срок с точки зрения финансовых возможностей страны не вызывает сомнений.

Принятый Совнаркомом и утвержденный Президиумом ВЦИК законопроект о введении всеобщего обучения признает необходимым выполнить эту задачу в более короткий, чем 10 лет, срок. Есть все основания полагать, что к 1930—31 г. мы с этим делом справимся.

План введения всеобщего обучения был утвержден Совнаркомом РСФСР, и в десятилетний срок нам надлежит провести его в жизнь. Мы выяснили, что проведение школьной реформы связано с преодолением целого ряда трудностей и что она требует громадных финансовых затрат. О соц.-политическом значении введения всеобщего обучения мы говорили выше. Но и в этом вопросе, как и во всех других, экономика сохраняет примат над политикой. В какой же мере и как скоро окупятся вызываемые реформой затраты соответствующим под'емом продуктивности труда и национального дохода республики? Какова увязка плана развития школьной сети с общими перспективами нашего народного хозяйства и растущими потребностями страны в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы? Одним словом, каково в основе экономическое значение этой реформы?

Таблица № 2.

Перспективный десятилетний финансовый план по введению всеобщего обучения по РСФСР.

Со включением автономных республик и областей (без Московской и Ленинградской губерний). [1])

ГОДЫ.	Расходы на народное образование по местному бюджету (без госсубвенции).			Расходы по народному образованию по государственному бюджету.			Общая сумма расходов на народное образование по государственному и местному бюджетам.		
	Всего расходов на народное образование в миллион. руб.	В том числе на народное образование включая первые 4 группы 7 и 9-летних школ.		Всего расходов на народное образование, включая субвенц. фонд.	В том числе субвенция на начальное обучение.		Всего расходов (в мил. руб.).	В том числе на начальное обучение.	
		Сумма (в мил. руб.)	% к сумме расходов на наробразование.		Сумма (в м. р.)	% к сумме расход. на начальное образован.		Сумма (в мил. руб.)	% к общей сумме расходов на народное образован.
1924—25	127,3	50,0	39,3	92,0	13,0	14,1	219,3	63,0	28,7
1925—26	140,0	60,2	43,0	101,2	14,3	14,1	241,2	74,5	30,9
1926—27	154,0	71,4	45,4	111,3	15,7	14,1	265,3	87,1	32,7
1927—28	169,4	83,7	49,4	122,4	17,3	14,1	291,8	101,0	34,6
1928—29	185,3	97,2	52,2	134,6	19,0	14,1	320,9	116,2	36,2
1929—30	204,9	112,1	54,7	148,1	27,1	18,3	263,0	139,2	39,1
1930—31	225,4	128,5	57,0	162,9	36,0	22,1	388,3	164,5	42,3
1931—32	247,9	146,5	59,1	179,2	45,0	25,0	427,1	192,3	45,0
1932—33	272,7	166,3	61,0	197,1	56,5	28,7	469,8	222,8	47,4
1933—34	300,0	188,1	62,7	216,8	68,3	31,5	516,8	256,4	49,6
	2.027,9	1.104,0	54,4	1.465,6	313,0	21,1	3.493,5	1.417,0	38,7

[1]) Комиссия Госплана нашла, что с точки зрения финансовых и технических возможностей вопрос о всеобщем обучении в отношении Ленинградской и Московской губ. должен быть рассмотрен особо.

Вся сумма результатов производительности народного труда в конечном счете зависит от исполнителя-человека, от качества рабочего, который и является главной пружиной всякого производства. Вопрос об интенсивности, о производительности труда давно уже выдвинут наукой на первый план. Уже Джон Стюарт Милль констатировал тот любопытный факт, что крепостной, в то время, русский труд, в сущности, был очень дорог сравнительно, например, с английским. «Два миддильсекских косца,—говорит он в своей «Политической экономии»,—накашивают в один день столько же травы, сколько получается от труда лишь шестерых русских крепостных, почему, несмотря на дороговизну жизненных припасов в Англии и дешевизну в России, косьба сена английскому хозяину обходится гораздо дешевле, чем русскому». Тот факт, что производительность труда американского рабочего гораздо выше производительности труда рабочего английского, является одной из главных причин все растущего могущества хозяйства Соединенных Штатов.

Спрашивается: в чем же заключается столь важное свойство производительности труда, и от чего оно зависит? Первое условие, от которого зависит производительность труда рабочего, — это физическая сила последнего. Второе условие заключается в искусстве рабочего, которое, в свою очередь, зависит от его умственного развития, определяемого при всех прочих равных условиях, главным образом, степенью его образования. Всякая физическая работа, хотя бы самая простейшая, как пилка и колка дров требует большего или меньшего умственного труда и соображения, чтобы проделываться успешно. И если был прав в свое время проф. Маршалл, указав, что «Современные изобретения в сфере механизмов имеют тенденцию постепенно устранять нужду в специальной ловкости рук рабочего, выдвигая на первый план его общую рассудительность и сообразительность», то сейчас для того, чтобы воспользоваться всеми плодами технического гения для реконструкции всего нашего хозяйства на социалистической основе необходимо, чтобы прогрессу техники соответствовал прогресс знаний. Чтобы выяснить в связи с этим, какое значение для квалификации рабочего имеет начальная школа, мы позволим себе привести следующие строки из работы тов. С. Г. Струмилина «о хозяйственном значении народного образования».

«Четырехлетняя начальная школа,—пишет т. Струмилин,— за каждый год обучения в ней повышает в среднем ставку рабочего на 33 руб. в год, а пожизненный его заработок за 37 л.. примерно, на 1.220 рублей. Конечно, необходимо учесть, что средний возраст поступления детей в начальную школу около 9 лет, кончают они эту школу, стало-быть, лет 13, а поступают на работу по закону только по достижении 16 лет. Это означает, что хозяйственный эффект начальной школы начинает сказываться на работе лишь через три—четыре года после ее окончания. Но и с учетом всех этих обстоятельств затраты и хозяйственный эффект, связанные с намеченной реформой, представляются в следующем виде (см. табл. № 3).

Если принять за счет реформы,—говорит далее т. Струмилин,—и все расходы по содержанию уже существующей сети школ, то все же весь этот расход окупился бы повышением доходности трудящихся масс республики уже в течение одного поко-

Таблица № 3.

Эффективность всеобщего обучения по 10-летнему плану.

(По РСФСР без Туркестана и автономных республик) [1]).

Год реформы.	Числодетей от 8 до 12 л. в милл. душ.	Затраты, связанные с реформой в милл. руб.	Хозяйствен. эффект этих затрат в милл. руб.	
			Общий за 37 лет [2]).	За данный год.
1	8,24	104,8	4.940	—
2	7,33	121,5	5.165	—
3	6,64	129,3	5.540	—
4	6,14	140,4	5.980	—
5	5,75	152,8	6.520	45,6
6	5,75	155,5	6.760	125,4
7	6,13	168,5	7.250	236,6
8	6,63	186,6	7.980	385,2
9	7,33	215,7	8.960	544,8
10	8,23	248,1	10.170	714,4
		1.622,2	69.265	2.053,0

ления с превышением расхода в 43 раза, а весь национальный доход, считая чистую продукцию труда этих масс, возрос бы на сумму еще раза в два более значительную. Капитальные расходы, связанные с реформой покрылись бы при этом полностью еще до ее завершения, а затем в течение следующих трех десятилетий мы уже без всяких затрат продолжали бы получать на круг свыше 2 миллиардов в год добавочного дохода, что составило бы на затраченный капитал не менее 125 процентов годовых!

Такова рентабельность всеобщего обучения».

Мы нарочно привели столь длинную выдержку из работы тов. С. Г. Струмилина, ибо его мнение в этом вопросе, как одного из крупнейших экономистов нашего союза является наиболее убедительным.

Важность народного образования для дела хозяйственного строительства республики Советов, для строительства социализма должно определить отношение каждого партийца, каждого профессионалиста, каждого преданного рабоче-крестьянскому делу человека ко всякому усилию, направленному на искоренение темноты народной. Каждый солдат 3-го фронта, каждый просвещенец, каждый сельский учитель может быть уверен, что его труд послужит одним из тех многих миллионов кирпичей, из коих, в более или менее близком будущем, будет воздвигнуто величественное здание нового мира. Чтобы выполнить завет нашего учителя и из России нэповской сделать Россию социалистическую, нам надо из России темной сделать Россию просвещенную, ибо через школьные двери лежит путь к социализму.

---

[1]) Расхождение указанных в этой таблице расходов с теми цифрами, которые были указаны в вышеприведенном плане, об'ясняется тем обстоятельством, что здесь расчеты произведены для РСФСР без автономных республик, отчего показательность этой таблички ни в какой мере не теряет своего значения.

[2]) Это, примерно, весь рабочий век пролетария.

И. Д. Марков.

Положение в Польше.

Под шум и барабанный бой Локарнских соглашений медленно, но верно разлагается детище Версаля, буржуазная Польша. Почти покинутая своим «покровителем» Францией, раздираемая внутренними неурядицами, современная капиталистическая Польша зашла в тупик, из которого трудно найти выход. Как в калейдоскопе сменяются министерства, от махровых реакционеров до пепеэсовцев. Но ни солдатский сапог Пилсудского, ни демократический фрак Войцеховского не могут вывести Польшу на путь «нормального» капиталистического развития. Всякие попытки сгладить противоречия, существующие и в экономике и в политике, терпят неудачу. Пресловутая финансовая «стабилизация» оказалась весьма недолговечной.

Злотый опять катастрофически падает. До ноября он держался на уровне 6,00 злотых за доллар, 13 ноября — 6,50 злотых, а на 2 декабря — 12 злотых. Хроническое падение злотого об'ясняется рядом причин. С каждым месяцем тает валютный фонд польского банка. Обеспечение золотом, иностранной валютой и девизами составляло (в тыс. злотых):

На 1 апреля 1925 г. . . .	376.013
» 1 июля » . . .	240.014
» 10 августа » . . .	193.600

(К этому надо прибавить, что в марте запасы банка были увеличены на 53 млн. злотых, благодаря займу С. Ш. С. А.). Не желая и дальше уменьшать процент покрытия билетов польского банка, польское правительство стало усиленно выпускать билоны и разменные знаки. Разменных знаков в настоящий момент выпущено больше, чем 100% государственных банковых билетов. За первую половину 1925 г. количество непокрытых мелких денежных знаков увеличилось с 123,6 до 207,6 млн. злотых.

Убыль обеспечения надо прежде всего отнести за счет пассивности торгового баланса. Излишек ввоза приходилось покрывать иностранной валютой. Польское правительство стало перед необходимостью, во что бы то ни стало, прекратить утечку твердой валюты за границу. Выдача иностранной валюты польским купцам, импортерам была прекращена. В результате, последние расплачивались злотым, и за границей скопилось большое количество польской валюты, начавшей катастрофически падать. Пришлось, чтобы хоть немного удержать падение злотого, усиленно скупать его за границей. Одновременно, повышается спрос на иностранную валюту внутри страны. Если спрос на инвалюту на Варшавской бирже в 1924 г. принять за 100, то в январе 1925 г. он составлял 123, а в июне — 245.

Дальнейшими причинами падения злотого является таможенная война с Германией и др. Финансовое положение Польши отягчается еще огромными так называемыми административными расходами, составляющими до 92,36% всего государственного расхода (из них на содержание армии идет 35%, на полицию—10,28%, в то время, как министерство труда и соц. обеспечения поглощает 1% всех расходов, земельные реформы 2,73% и т. д.).

Наконец, по последнему отчету верхней палаты государственного контроля, переданному сейму, растраты всех министерств составляют почти четверть польского государственного бюджета (министерство железных дорог растратило за год 200 млн. злотых, военное министерство—50 млн. и т. д.).

В результате валютной катастрофы положение польских банков невероятно тяжелое. На каждый банк приходится в среднем около 66 тыс. руб. капитала. Если к этому прибавить, что 5/6 всех вкладов являются бессрочными вкладами и могут быть в любой момент затребованы обратно, а банки еще в июле имели наготове наличными не больше 7½% суммы вкладов, то их положение не нуждается в дальнейших комментариях. Крахи крупнейших банков стали обычным явлением. Обанкротились Виленский поземельный банк, Варшавский соединенный торгово-промышленный банк, Польский коммерческий (в Познани), банк христианских купцов и промышленников в Лодзи, ряд галицийских банков и мн. др. Остальные банки находятся накануне краха.

От окончательной финансовой катастрофы Польшу могли спасти только крупные иностранные займы.

По отчету польского министерства финансов, польский долг на 1 января 1925 г. составляет:

Внутренний долг	127.739.062 злотых.
Внешний »	1.599.301.516 »
Всего . . .	1.727.040.578 злотых.

В цифру внутреннего долга не входят авансы польского банка, достигающие 20.770.969 злотых. Ни экономическое, ни политическое положение Польши не создавали достаточных гарантий для предоставления ей крупных займов. Напрасно польский сейм принял предложенный Соед. Штатами способ расплаты за свой долг, напрасно рассматривал Польский сейм различные законопроекты о льготах иностранному капиталу, все это чрезвычайно мало способствовало поднятию доверия к Польше, поднятию ее кредитоспособности.

Не очень помогла и распродажа страны, об'явленная правительством Грабского: оно вело переговоры о займах под обеспечение табачной монополии, спиртной монополии, соглашалось вести переговоры о сдаче иностранному капиталу железных дорог и о продаже иностранцам государственного эмиссионного банка. Не помогли и поездки в Америку, в Лондон, в Вену

представителей польских банков. Даже знаменитый заем, предоставленный Польше американским банком Диллона, на деле далеко не оправдал возлагаемых на него надежд. Вместо обещанных 50 млн. долларов, Польша получила всего 22 млн. долларов, выдав обязательств на... 28 млн. дол. Диллон получил 6 млн. долларов комиссионных, не считая огромных процентов. Выплату остальной суммы Диллон ставит в зависимость от дополнительных гарантий, точнее, в зависимость от предоставления ему спичечной монополии.

При таких условиях поездка Скшинского в С. Ш. была последней ставкой. Надо отдать должное Скшинскому, он сделал все, что зависело от него: он распинался о «священных принципах демократии», носительницами которых является «великая Заатлантическая республика» и Польша, он не пожалел слов для описания огромной работы, проделанной польским правительством для восстановления финансового, промышленного и сельско-хозяйственного положения страны, он не поленился даже войти в соглашение с еврейскими буржуазными кругами, представленными в сейме, чтобы доказать еврейским банкирам Соед. Штатов истинную «демократичность» польской республики. Но оказалось, что факты сильнее слов. Падение злотого произвело на американские финансовые круги гораздо большее впечатление, чем «польская демократичность». Скшинский вернулся ни с чем. Погасла последняя надежда на получение займов, финансовый кризис увлек за собой еще одно польское правительство. Кабинет Грабского вынужден был выйти в отставку. Финансовый кризис грозной, неотвратимой тучей навис над Польшей.

Но финансовый крах повлек за собой и крах промышленный. Для борьбы с падением злотого польский банк поднял учетную ставку до 12%, а по ссудам до 14%. Крахи банков и острые кредитные затруднения вызвали банкротство крупнейших торгово-промышленных фирм. Необходимость, во что бы то ни стало установить активный баланс—толкнула Польшу на путь протекционизма. Начиная с 1922 г. вывоз катастрофически падал: в 1922 г. экспортно-импортный баланс был сведен с дефицитом в 202,5 млн. злотых, в 1923 г. экспорт хотя и превышал импорт, но на незначительную сумму в 33,4 млн. злотых, в 1924 г. дефицит составлял 54,4 млн. злотых, а в 1925 г.—417,3 млн. злотых. Искусственное установление курса польской валюты на ее официальном уровне приводило к высоким ценам в Польше и вызывало усиленный ввоз товаров из стран с более дешевой валютой (интересно отметить, что дефицит вызывался в значительной мере ввозом предметов роскоши); с целью установить активный торговый баланс польское правительство запретило перевод за границу без специального разрешения министра финансов сумм свыше 100 злотых, встало на путь протекционизма. Пошлины на ряд товаров, в том числе на муку, крупу, рыбу, икру, и пр. увеличены до 100%. Введена пошлина и на железную руду, ввозившуюся до сих пор беспошлинно. Правда, этим путем Польше удалось в сентябре этого года установить активный торговый баланс, но цифры экспорта и импорта достаточно красноречиво говорят о том, за счет чего он установлен: если экспорт увеличился на какие-нибудь 6 млн., то импорт, составлявший в мае 193 млн. злотых, упал в июле до 173 млн. злотых, а в сентябре до 72 млн. злотых. Одновременно Польша лишилась своего основного рынка сбыта—германского, поглощавшего до 42% ее экспорта. Дело в том, что 15 июня 1925 г. окончился срок свободного ввоза в Германию угля, чугуна, железа и др. товаров Верхней Силезии. Польше пришлось теперь вести переговоры с Германией, не как с побежденным врагом, а как с равной стороной. Она стремилась прежде всего сохранить за собой право беспошлинного ввоза в Германию 500.000 тонн угля ежемесячно. Германия в этом требовании отказала и в июне закрыла границы для польского угля. В ответ на это Польша запретила ввоз важнейших товаров германского экспорта. Кроме того, в виду высоких пошлин на ряд товаров, составляющих предмет польского экспорта, торговля между Польшей и Германией почти совсем прекратилась. При этом важно отметить тот факт, что если герм. вывоз в Польшу составляет 6,6% общего вывоза Германии, то ввоз из Германии составляет 34,2% всего польского ввоза, а вывоз из Польши в Германию—42,4% всего польского вывоза. Стремясь обеспечить себе сбыт угля в Чехо-Словакии, Австрии и др. странах, Польша, в обмен на установление твердого количества ввоза ее угля в Чехо-Словакию и на некоторые транспортные привилегии для своего угля, дала Чехо-Словакии льготы по 80 пунктам своего таможенного тарифа, в то время, как Чехо-Словакия пошла на уступки только по 20 пунктам.

Все это вместе взятое лишает Польшу возможности установить активный торговый баланс за счет экспорта, заставляет ее, как мы уже указали выше, итти по линии сокращения импорта.

Средняя месячная продукция польской промышленности падает из года в год. В тысячах тонн она составляла:

	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Каменный уголь	3.394	3.008	2.685	2.100
Нефть	92,8	67,4	64,2	64,3
Железная руда	38,6	38,3	20,5	12,2
Чугун	87,9	43,4	28,0	25,0
Сталь	135,6	94,3	56,2	76,3

Цифры за 1925 г. даны за июль. С тех пор положение промышленности резко ухудшилось. Протекционная система не может помочь польской промышленности. Вряд ли соседние с Польшей государства и даже Франция допустят длительное закрытие польского рынка для своих товаров. Нажим в этом отношении на Польшу неизбежен, и вряд ли она будет в состоянии сколько-нибудь серьезно ему противиться. Опыт таможенной войны с Германией достаточно ярко показывает, что наибольший ущерб от такой борьбы понесет сама Польша. Да и причины польского промышленного кризиса слишком глубоки, чтобы польская промышленность могла быть восстановлена проведением половинчатых мер. Прежде всего, как мы уже говорили выше, они

лежат в глубоком финансовом кризисе. Кроме того, об'единение трех частей Польши в один хозяйственный организм дало резкую встряску создавшейся раньше экономической связи между различными частями Польши и их бывшими метрополиями. Польской промышленности пришлось перестраиваться на новой базе, применяться к новым условиям, к новым требованиям. Такая встряска не могла, конечно, пройти безнаказанно.

Огромную, если не главную роль играет также отрыв польской промышленности от нашего рынка. Достаточно сказать, что до войны Польша экспортировала в Россию или транзитом через Россию на Дальний и Средний Восток промышленных изделий на сумму до 525 млн. рублей, в то время как ее экспорт во все другие страны достигал $1\frac{1}{2}$ млн. руб. Вся горнопромышленная и металлургическая индустрия работала нашим сырьем и на наш рынок, хлопчатобумажная промышленность экспортировала в Россию 70% всей своей продукции, шерстяная промышленность—75% и т. д. $^5/_6$ всего экспорта Польши в Россию составляли промышленные изделия и только $^1/_6$ состояла из сырья и пищевых продуктов. Россия же экспортировала в Польшу только $^1/_3$ промышленных изделий, $^2/_3$ состояли из сырья, хлеба, скота и пр. Эти цифры достаточно наглядно показывают, насколько русский рынок выгоден Польше. С присоединением к Польше Верхней Силезии и металлообрабатывающая промышленность настолько возросла, что она могла бы снабжать нас самыми различными изделиями, от полуфабрикатов до машин включительно. Между тем, до настоящего времени в силу ряда политических причин товарооборот между Польшей и СССР выражается в весьма скромных цифах.

Лишившись, таким образом, русского, а затем и германского рынка, польская промышленность находится в почти безвыходном положении. Конкурировать с высоко развитыми капиталистическими странами, также страдающими перепроизводством, она, конечно, не может. Если к этому прибавить кредитные и валютные затруднения, то становится ясным, что положение польской промышленности не многим лучше, чем положение польских финансов.

Промышленный кризис вызывает, конечно, страшный рост безработицы. В июле 1924 г. количество зарегистрированных безработных равнялось 149.097 человек.

В июле	1925 г.	. . . . .	174.997 чел.
» августе	»	. . . . .	184.910 »
» сентябре	»	. . . . .	195.040 »
» октябре	»	. . . . .	203.560 »

В настоящий момент, согласно данным Главного Статистического Управления Польши, количество безработных перевалило за $213\frac{1}{2}$ тыс. чел.

Из всего количества безработных только 83.881 человек пользуются субсидиями, при чем рабочий, имеющий 4 чел. семьи, получает 40% своего последнего заработка. Таким образом, рабочий получает в день 1 зл. 20 гр., в то время как официальный прожиточный минимум (конечно, очень низкий) составлял еще

в июле 6,75 зл. По данным больничной кассы в 1925 г. при прожиточном минимуме почти в 200 зл. в месяц.

47,7%	служащих	зарабатывает	меньше 100 злот.
36,3%	»	»	от 100 до 200 злот.
11,4%	»	»	» 200 » 300 »
4,6%	»	»	свыше 300 злот.

Положение рабочих еще отягчается колоссальным гнетом налогов: прямые налоги дали лишь 71,8% премированных (имущественный налог—59,9%, подоходный налог—52,1% и т. д.) в то время, как косвенных налогов собрано на 50% больше, чем было предусмотрено. Само собою разумеется, что при такой политике вся тяжесть налогов ложится на рабочих.

Общее число всех рабочих организованных в классовые союзы составляло на 31/XII—23 г.—377.775 чел., на 31/XII—24 г.—249.636 чел., в течение 1924 г. убыло 33,9% всех членов. В 1924 г. правительством был «временно» введен 10-часовой рабочий день (до 1/I—25 г.). Потом это «временное» положение было продлено еще на 6 месяцев, но еще и в настоящее время 8-час. рабочий день восстановлен только для 15% рабочих. Наступление промышленников на рабочих продолжается. Орган союза промышленников требует введения 12-часового рабочего дня. В результате растет волна забастовок, с одной стороны, локаутов, с другой. Эндеки ведут усиленную агитацию за увеличение рабочего дня. В этом вопросе капиталистическая Польша стоит накануне крупных событий.

Немного радостей сулит Польше и вопрос о нацменьшинствах. Для характеристики этой стороны польской государственности достаточно привести слово Ллойд-Джорджа (25/III—25 г.) во время прений в английском парламенте по поводу женевского протокола: «Реальная опасность для мира Европы заключается в том, что из 24 млн. польского населения, 9 млн. поставлено под власть Польши силою оружия, вопреки протестам Лиги Наций и Верховного Союзного Совета». И дальше: «Эльзас-Лотарингия вызвала войну в Европе. Но у Польши есть пять Эльзас-Лотарингий: это—Восточная Галиция, Белоруссия, Вильно, Данцигский коридор и Силезия. Теперь же Польша хочет получить еще шестую — Данциг». Конечно, цифры Ллойд-Джорджа сильно преуменьшены, потому что, по статистическим данным, 51% населения составляют нацменьшинства. Территории, населенные иноплеменниками, составляют добрую половину польского государства. Здесь не приходится особенно распространяться о том, каково экономическое, политическое и социальное положение этих нацменьшинств. Гонения на национальные школы, культуру, язык, религию, система террора, аресты, истязания и пр.,—все эти вопросы из жизни польских нацменьшинств достаточно освещались не только нашей, но даже и иностранной прессой. 51% своего населения (белоруссам, украинцам, немцам, евреям) польская государственность сумела достаточно ярко и наглядно показать все прелести «демократии».

Катастрофическое состояние польских финансов, очень тяжелое положение промышленности, безработица, вопрос о нацменьшинствах,—все это ставит пред правящими кругами Польши не-

разрешимые проблемы. И без того запутанное положение запутывается еще больше, тем, что Польша изобилует бесчисленным количеством различных политических партий и группировок, представленных в польском сейме. Ни одна из этих партий или группировок не имеет в сейме абсолютного большинства, а следовательно всякое правительство должно опираться на несколько различных партий и фракций, выражая собой разноречивые интересы. В польском сейме имеется 444 депутата. Самой крупной партией являются народовые демократы, представленные в сейме 99 депут., затем идут:

Группа Дубановича (крупные аграрии) . .	28 деп.
Христианские демократы	43 »
Пяст (кулацкая партия)	64 »
Народно-работы (ВПР)	18 »
Вызвол.	49 »
ППС.	41 »

Остальные места принадлежат евреям, украинцам, белоруссам, коммунистам и другим. Такой пестрый состав сейма указывает на различные групповые интересы, не дает возможности составить более или менее однородный кабинет. И, действительно, на всем протяжении существования Ржечи Посполитой почти не существовало парламентского кабинета, и приходилось довольствоваться «деловыми» или коалиционными кабинетами, которые сменялись как в калейдоскопе. Несомненно, народные демократы, представляющие интересы крупной буржуазии, пользуются преобладающим влиянием в сейме и во всех правительствах с момента ухода с политической сцены маршала Пилсудского. Но все же, если надвигающаяся финансовая и промышленная катастрофа вышибла из седла «деловое» правительство Грабского, то на смену ему пришло опять коалиционное правительство Скшинского.

Достаточно ясную характеристику нового правительства дает в своей премьерской докларации сам Скшинский: «Я имею честь, — начал свою речь премьер, — явиться в сейм с правительством, самое построение которого является уже его программой. Если программа правительства заключается в его построении, то я не могу в сегодняшней своей речи ее излагать подробно. Я не считаю программой одни лишь обещания. Я не понимаю ее, как слова, предназначенные для успокоения или для создания необоснованных надежд. Программа есть действие...»

Что же это за правительство, само построение которого есть уже программа? Прежде всего, это коалиция от эндеков до пепеэсовцев. Скшинский прав. Незачем эндекам, выражающим интересы крупного капитала, и эсдекам, выступающим в роли «защитников» пролетариата, подписываться под одной и той же программой, хотя мы, как и Скшинский, не сомневаемся в том, что и те и другие найдут общий язык там, где дело коснется «действий». Таким образом, кабинет, об'единенный не какой-нибудь политической программой, а стремящийся помирить партии включением в свой состав отдельных лидеров, должен будет, прежде всего, предоставить полную свободу этим лидерам. К чем может привести такой кабинет, достаточно наглядно

показали предыдущие кабинеты, при которых неизвестно куда уплывала четверть польского государственного бюджета. Но и во всем остальном нынешний кабинет является повторением кабинета Грабского. Достаточные доказательства дал этому и сам Скшинский в своей премьерской декларации. В вопросе о валюте «правительство сохранит то, что было достигнуто предшествующими усилиями». «Необходимость сохранения активного баланса заставляет отказаться от принципа свободной торговли и перейти на путь протекционизма», а о том, как сохраняется активность баланса, мы уже говорили выше. В отношении заграничных займов, правительство поддерживает лишь законопроект, уполномочивающий его заключать государственные займы, т.-е., другими словами, проект особых полномочий Грабского. По вопросу социального законодательства правительство обещает не отказываться от предыдущих «достижений». О нацменьшинствах: Скшинский надеется, «что тот дух, которым были оживлены беседы бывшего премьера Грабского с президиумом еврейской фракции, будет жизненным и достигнет намеченной цели». На вопрос украинцев и белоруссов о том, слышал ли премьер об их существовании, Скшинский ничего не ответил.

Итак, в то время, когда капиталистическая Польша переживает тяжелейший кризис, ее буржуазия выдвигает правительство, не имеющее программы и слово в слово повторяющее то, что уже было сказано его предшественниками.

Если политическое положение внутри страны являет собой безотрадную картину, то и внешнее положение Польши не лучше. В Локарно у Польши отнято то, что придавало известную устойчивость ее внутреннему положению и позволяло спокойно работать отечественному капиталу: уверенность в прочности государственных границ. До Локарнской конференции Польша опиралась на французские штыки, полагая, что при всяких покушениях на ее границы, она получит помощь Франции. Локарнская конференция, не касаясь военного союза Франции с Польшей, усилила международный вес самого опасного врага Польши — Германии. Одновременно сильно ослаблена реальная помощь, которую может оказать Франция своим восточным союзникам. Франции не дано права вступать в демилитаризованную зону на случай польско-германского конфликта, и центр тяжести от военного союза с Францией переносится на Лигу Наций. Правда, Польша состоит членом Лиги, но, как известно, преобладающее влияние в Лиге имеет Англия, и влияние это еще значительно усилится с вступлением Германии.

Англия не может в своей политике опираться на Германию и Польшу одновременно. Англия заинтересована в усилении Германии в противовес Франции. Усиление же Германии, вероятнее всего, пойдет за счет нынешних польских владений: Данцигского коридора и Верхней Силезии. Правда, Польша, вероятно, получит некоторую компенсацию, но компенсация эта может быть ей предоставлена только за счет Литвы или СССР и, прежде всего, означает новую войну на востоке Европы. Внутреннее положение Польши достаточно красноречиво говорит о том, может ли позволить себе Польша в настоящее время роскошь, какого-либо вооруженного конфликта. Но оно же лишает Польшу возможности выработать твердую и четкую линию внешней политики. Уверяя нас в наступлении новой эры в со-

ветско-польских отношениях, уверяя нас в своей неизменной дружественности, премьер Скшинский в своей премьерской декларации весьма недвусмысленно раскланивается в сторону господина Чемберлена. Скшинский выражает радость в том, что во время своего пребывания в Лондоне он будет иметь возможность беседовать об европейских проблемах с таким государственным деятелем, как Чемберлен. «Его (Чемберлена) ясная и твердая позиция по отношению к нам укрепляет веру, что мирные стремления будут и впредь осуществляться в том же направлении в атмосфере взаимного доверия».

И в вопросах международной политики новое правительство расписалось в своей несостоятельности: оно попрежнему намерено итти на поводу, если не у Франции, то у Англии.

Итак, капиталистическая Польша окончательно погрязла в неразрешимых проблемах фонансового и промышленного кризиса, назревающих социальных конфликтов, все увеличивающегося брожения среди нацменьшинств, составляющих 51% ее населения. Не менее безнадежно и международное положение Польши. Само собой разумеется, что не кабинет Скшинского может вывести Польшу из создавшегося тупика. Польша стоит накануне крупнейших политических передряг. Для капиталистической Польши нет выхода, польская буржуазия расписалась в своем политическом банкротстве, выход теперь может подсказать только польский пролетариат.

Н. Ангарский.

Заключительное слово о тов. Ваганяне.

Я думаю, что можно подвести некоторые итоги дискуссии. Я утверждал, что «две тактики в истории российской социалдемократии наметились еще в 90-х годах и приводил тому целый ряд доказательств. Ни одного из этих доказательств т. Ваганян не опровергнул и теперь пытается перенести спор совсем в другую плоскость, пытается уличить меня в том, что я, не найдя никаких разногласий у Плеханова с Лениным, пытаюсь «приравнять» Плеханова к Аксельроду, который (Аксельрод) «существенно расходился с Плехановым».

Оставим пока вопрос о «существенных расхождениях» Плеханова с Аксельродом и постараемся резюмировать сущность дискуссии.

Я утверждал, что разногласия между Лениным и Плехановым в первой русской революции по вопросу об отношении к либеральной буржуазии и крестьянству имеют свою давность, и что источники этих разногласий наметились еще в 90-х годах. Конечно, мы не имеем прямого свидетельства расхождений между Лениным и Плехановым в 90-х годах в виде, например, открытой полемики между ними; если бы такая полемика имела место, нечего было бы теперь, спустя 30 лет, вести по этому поводу дискуссию. Задача историка в том и заключается, чтобы путем изучения печатного материала, писем, сопоставлений, косвенных доказательств и т. д. восстановить и уяснить круг идей изучаемого писателя. Обратимся к таким материалам.

При свидании Ленина с Аксельродом в 1895 г. за границей, последний, по поводу статьи Ленина о Струве в марксистском сборнике заметил: «Вы отожествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе», тогда как «в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества».—«Знаете,—ответил улыбаясь Ленин,—Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы,—говорит,—поворачиваетесь к либералам спиной, а мы—лицом» (Переписка Плеханова и Аксельрода, т. I, стр. 270. М. 1925 г.).

О чем свидетельствует этот разговор Ленина с Аксельродом?

Прежде всего о том, что у Ленина в статье против Струве написанной в 1895 г. имелись существенные разногласия и с Аксельродом, и с Плехановым по вопросу об отношении к либералам; разногласия эти заключались в том, что Ленин не переоценивал значения либералов, а Плеханов и Аксельрод—считали их большой общественной силой. В этом все дело. По вопросу

об отношении к либералам и «оппозиции» у Плеханова и Аксельрода было полное единомыслие.

Имея такое существенное свидетельство Аксельрода, всякий исследователь вопроса неизбежно должен обратиться к изучению литературных источников. Я подробно разобрал эти источники и в своем ответе тов. А. Елизаровой в № 91 «Известий» за 1925 г. и в статье против тов. Ваганяна в № 19—20 «Большевика». Я пришел к выводу, что и в статье против Струве («Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве»), и в книге «Что такое «Друзья Народа», Ленин выдвигал совсем иную тактику, иную ориентацию, чем Аксельрод и Плеханов. Критикуя утопичность народнической теории, он выделял из нее революционно-демократическую часть и считал необходимым всемерно поддержать народников именно в этой части их программы. Рассматривая народничество, как идеологию мелкой буржуазии и, главным образом, крестьянства, Ленин, как бы предрешал уже вопрос о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». Разногласие было, действительно, существенно: Ленин ориентируется на революционную демократию, крестьянство, как раз в то время, когда Аксельрод и Плеханов считают необходимым «обернуться к либералам лицом» и вопрос о гегемонии пролетариата связывают с движением либералов. И хотя два года спустя (в 1897 г.) Ленин и выпускает с предисловием Аксельрода брошюру «Задачи русских социал-демократов», но в ней он лишь развивает, но отнюдь не отказывается от основных мыслей, изложенных в двух вышеназванных работах 94 и 95 г.г.

В подтверждение правильности своей точки зрения я сослался между прочим на свидетельство Ленина в предисловии к сборнику «За 12 лет» (СПБ. 1908 г.). В этом предисловии Ленин говорит, что в своей статье против Струве, напечатанной в 1895 г. дана «теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение... в «лево-блокистской тактике». Та часть меньшевиков, которая боролась на выборах во 2-й Думе против этой тактики, против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства «изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционных соц.-демократов».

Что возразил на это тов. Ваганян? «Ровно ничего, ибо вопрос, до очевидности ясен». Две тактики, несомненно, наметились еще в 90-х годах, но свое полное выражение получили лишь в первой русской революции. Говорить после всего этого, что никаких расхождений между Лениным и Плехановым в 90-х годах не было, может лишь тот, для которого полемика есть все, и который не дорожит научной истиной.

Ваганян не только замалчивает непосредственное свидетельство Ленина, но он проходит мимо и свидетельства Плеханова, который тоже подтверждает, что разногласия в тактике между ним и Лениным в 90-х годах, по отношению к либералам, действительно, существовали (Расхождение между Тулиным и Бельтовым. Письмо Мартова к Ленину 20-го марта 1902 г. «Ленинский Сборник», т. III, стр. 408).

Столь же безнадежна позиция тов. Ваганяна и по вопросу об отношении Плеханова к Струве и в частности по вопросу о

том, что Ленин, якобы, удерживал Плеханова от «стрельбы» по Струве. Что мог возразить тов. Ваганян против подлинного свидетельства самого Ленина в письме к Потресову от 27/VI 1899 г. (письмо это будет напечатано в IV «Ленинском Сборнике»). Ровно ничего. Таким образом, можно считать окончательно установленным тот факт, что Ленин не только не удерживал Плеханова от выступления в 1897 г. против Струве, но даже считал молчание Плеханова политической ошибкой. Точно так же совершенно не доказано, что Ленин в 1895 г. «приказывал» Плеханову не «стрелять» в Струве, и остается в силе мое предположение в том, что такие советы мог давать Плеханову лишь Потресов, находившийся в то время в переписке с Плехановым.

Что касается позиции Ленина, занятой им в конфликте между легальными марксистами и «самарцами», то в этом отношении ничего более не остается, как удовлетвориться обещанием тов. Ваганяна «рассеять все мои недоумения в другой статье и в другой связи». Нет, тов. Ваганян, и в этом отношении ваше положение безнадежно. Ведь, вы черным по белому так и написали, что потому-де Ленин в споре о хлебных ценах стал на сторону Струве-Тугана, что они эти «легальные» марксисты «защищали... явно либеральную, буржуазную позицию», а «беседы с Плехановым и Аксельродом значительно смягчили отношение Ленина к либералам».

Я думаю, что после этого раз'яснения позиции Ленина в споре с «самарцами» было бы уместнее совсем притихнуть, ибо тут уже никакие новые раз'яснения не помогут и никакие отступления не спасут. Кстати: в своей книге я высказал предположение о том, что автором письма в редакцию в № 56 «Самарского Вестника», за 1897 г., за подписью С. Т. А. был Ленин. Предположение это я основывал, главным образом, на анализе общих взглядов Ленина и сопоставлении этих взглядов с письмом к Мартову и другим.

В настоящее время может считаться установленным, что письмо это принадлежит действительно Ленину и войдет в первый том нового собрания сочинений. В письме этом Ленин со всей ясностью об'ясняет, почему именно точка зрения «легальных» марксистов в теоретическом вопросе о влиянии хлебных цен на все стороны нашего народного хозяйства правильна, а протест «самарцев» несостоятелен.

Таковы итоги дискуссии. На этом можно было бы и покончить, но тов. Ваганян в безнадежных попытках отстоять свою, весьма шаткую позицию, выдвинул новый вопрос... Он говорит, что, не найдя у Плеханова никаких разногласий с Лениным, я тщательно «подменяю» Плеханова Аксельродом, который существенно расходился с Плехановым.

Что и говорить, —преступление тяжкое. Шутка ли сказать— «подменить» «мудрую» тактику Плеханова оппортунистической тактикой Аксельрода. Но каюсь, когда я перечитывал статьи Плеханова и Аксельрода начала 90-х годов, —с трудом различал, где кончается Аксельрод и начинается Плеханов. Конечно, разногласия у Плеханова с Аксельродом возникали нередко, как возникали они и с другими членами группы «Освобождения Труда». Но не в этом дело, важно то, что в основном линия Плеханова и Аксельрода была едина.

В вопросе о гегемонии пролетариата в грядущей революции и отношении к либералам Плеханов и Аксельрод были вполне солидарны («повернулись к либералам лицом»).

В качестве одного из косвенных доказательств, имеющих для истории немаловажное значение, я привел свидетельство Б. Николаевского из «переписки Плеханова с Аксельродом» о том, что еще в 1893 г. Аксельрод во время Цюрихского Конгресса развивал Плеханову свою «концепцию» о гегемонии пролетариата в предстоящей революции в России. Вместо того, чтобы учесть, оценить это свидетельство Николаевского, записанное со слов Аксельрода, вместо того, чтобы критически сопоставить это свидетельство со взглядами самого Плеханова по этому важнейшему вопросу начала 90-х годов,—Ваганян просто отмахивается от факта и заявляет: Николаевский—меньшевик, а потому доверия не заслуживает; «он, всеми ему доступными методами, доказывает, что идея гегемонии пролетариата—есть изобретение Аксельрода», а отсюда, мол, само-собой уж напрашивается вывод, «что Ленин, а, следовательно, и весь большевизм, есть уклонение от марксизма, и что к меньшевизму перешло непосредственное наследство двадцати слишком лет развития марксизма в России».

Огорчение тов. Ваганяна усиливается еще тем, что он, ведь, «в своей книге в специальной главе пытается доказать, что «идея гегемонии пролетариата есть «излюбленная идея Плеханова с самого 1883 года».

Действительно, положение тяжелое: такое, можно сказать, невнимание к исследователю и его «монографии».

Человек доказывает, что взгляды Плеханова по вопросу о крестьянстве вошли целиком в большевистское построение, послужили «основой большевистского учения», а меньшевики из «Соц. Вестника» считают Плеханова «своим» и не отличают от Аксельрода.

Есть от чего в отчаяние притти.

Но все-таки приходить в уныние по поводу произведенной меньшевиками «экспроприации» Плеханова не следует. Меньшевики берут Плеханова **целиком**, так же, как и Аксельрода. Тактика Плеханова—меньшевистская тактика. Нас же Плеханов всего более интересует как теоретик революционного марксизма.

Ни меньшевики, никто другой, не отрицали того общеизвестного факта, что именно Плеханов первый выразил и обосновал ставшую давно уже бесспорной мысль о гегемонии пролетариата в русской революции. Разногласия начинаются там, когда возникает вопрос о тех общественных классах, руководство которыми составляет историческую миссию пролетариата, как гегемона движения. Именно по этому вопросу и наметились две линии, «две тактики» в русской соц. демократии еще в 90-х гг., а вовсе не по вопросу о гегемонии, как таковой. Аксельрод и Плеханов были вполне солидарны в том, что пролетариат в лице своего авангарда соц.-демократической партии должен ориентироваться на либеральную буржуазию, представляющую собой об'ективно прогрессивную силу,—Ленин же, уже в «Друзьях Народа», а затем и в статье против Струве выдвигает идею борьбы пролетариата во главе революционной демократии. Вот в чем вся суть вопроса. Именно по этому вопросу, т.-е. по вопросу о том, с кем итти пролетариату, какие классы поддерживать и возникли разногласия с особой силой между двумя частями партии в 1905 году.

Ваганян советует мне внимательно прочесть № 15—16 «Соц. Вестника», в котором меньшевики проводят знак равенства между Аксельродом и Плехановым. Я думаю, что ничего нового «Соц. Вестник» по этому, давно решенному вопросу, сказать не может, а решен этот вопрос именно в том смысле, что в вопросах тактики между Плехановым и Аксельродом, начиная с 90-х годов и до 1905 года включительно, никаких, сколько-нибудь существенных разногласий не было. Для доказательства этого общеизвестного положения вовсе нет необходимости обращаться к «Соц. Вестнику»—все это можно почерпнуть из «монографии» тов. Ваганяна, который не мало потрудился для подбора соответствующих цитат из Плеханова.

Приведем наиболее характерные из них.

«Уже теперь,—говорит Плеханов,—при всем разнообразии революционных взглядов, ясно, что только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое. Все остальные программы представляют собою лишь эклектическую смесь этих двух направлений и поэтому осуждены на исчезновение» [1]).

Такое утверждение даже тов. Ваганяна приводит в некоторое смущение, и он замечает, что «гораздо скорее либералы пережили свою оппозиционность, чем исчезла со сцены... партия соц.-революционеров (Ваганян, стр. 209).

«Опираясь на народ и преимущественно на рабочее население крупных центров, читаем там же у Плеханова, либеральные члены общества приобрели бы огромную силу; без поддержки же рабочего населения они—все равно, что несколько нулей без единицы».

Это может вызвать недоумение,—замечает тов. Ваганян: «Либералы без рабочих—ничто, а революция при оппозиции либералов становится «грозной силой». Однако, раз'яснение Ваганяна о том, что мысль эта равносильна тому, что только под руководством рабочего класса русское общество способно свергнуть самодержавие никуда не годится. Такое толкование лишь затемняет, а не раз'ясняет дело. Основная мысль о том, что «общество» борется с самодержавием, а рабочий класс это «общество» поддерживает,—остается; никакими «раз'яснениями» эту мысль не вытравишь. У наших либералов, скорбит Плеханов, даже нет помышления о распространении своих политических взглядов в народе, а между тем «буржуазия, наверное, сыграет роль уже во многих отношениях похожую на роль западной буржуазии. Рабочий же класс прямо не в состоянии будет найти иной роли, чем та, которую этот класс имел на Западе...» (Плеханов, т. III, стр. 238).

Ленин в 1894 г. говорил о пролетариате, который свалит абсолютизм, поднявшись во главе всех демократических элементов,—Плеханов в 1890 г. полагал, что борьбу с самодержавием поведет либеральная буржуазия, которая при «поддержке «рабочего населения» приобретает огромную силу».

---

[1]) **Плеханов**, Сочинения т. III, стр. 236. (Ваганян, стр. 209).

Никакой иной общественной силы на поверхности нашей жизни Плеханов не видел. Это и значит «повернуться к либералам лицом». Это и значит недооценивать крестьянство, как движущую силу нашей революции. Стоит ли говорить, что в этом отношении Плеханов целиком разделял взгляды Аксельрода.

Видимо, и сам Ваганян смущен Плехановским анализом сил революции. Вот, что он говорит по этому поводу на стр. 235 своей книги о Плеханове:

«Но если либеральная буржуазия занимала такое большое место в политических расчетах Плеханова, то крестьянство, наоборот, им не было дооценено. Во всяком случае, из всех общественных классов, которыми рабочему классу надлежало руководить и над которыми рабочий класс должен был быть гегемоном, крестьянство занимало в его расчетах незаслуженно малое место».

Весьма приятное признание; но далее Ваганян обнаруживает, уже, «влечение—род недуга». «Однако,—говорит он,—было бы большой ошибкой на этом основании утверждать, что компартия в огромном наследстве, которое она получила от Плеханова, не имела ничего по вопросу о крестьянстве... Мы от Плеханова получили много чрезвычайно ценных мыслей и суждений, которые в последующем ходе революции вошли целиком в наше большевистское построение, послужили *основой* нашего большевистского учения» (Ваганян, стр. 235).

Это открытие т. Ваганяна столь неожиданно, что об'яснить его можно лишь обилием того литературного наследства, которое взвалил на свои неокрепшие плечи наш почтенный «исследователь» Плеханова. По человечеству это можно, конечно, понять: «Всякая человеческая голова,—говорит Кузьма Прутков,—подобна желудку, одна переваривает входящую в оную пищу, а другая от нее засоряется».

Г. Сафаров.

Сердитая критика.

Тов. Марецкий написал довольно залихватский ответ на мой ответ в «Большевике». Но этого мало. Тов. Слепков в другой рецензии на другую мою брошюру в «Правде» популяризирует «основные положения» тов. Марецкого для более широких групп советского населения. Это свидетельствует не только о пользе дружбы, но и о выгодах персональной *унии*. Во французской палате депутатов очень часто принимается вместе с лозунгом доверия министерству постановление: оную речь расклеить для сведения всего населения республики. Хотя тов. Марецкий и не французский премьер, однако, обхождение с произведениями его пера,—по крайней мере у т. Слепкова,—в высшей степени министерское.

А теперь обратимся к существу дела.

Пункт критики № 1.

«Во-первых, я возражаю против утверждения г. Сафарова о том, что низшие формы движения совпадают с оборонительными методами борьбы пролетариата, а высшие формы с наступательными. Это есть первый пункт критики».

«...Вместо того, чтобы отказаться от совершенно недопустимого для марксиста-диалектика и практического политика отождествления высших форм борьбы с наступательными лозунгами борьбы, а низших форм с оборонительными, т. Сафаров, как это может увидеть читатель, сводит дело к нескольким частным примерам, в которых наступательная борьба *действительно* является более высшей формой, чем оборонительная».

Читатель видит, что т. Марецкого нельзя упрекнуть в излишней скромности в обращении с фактами.

В рецензии Марецкого, как нетрудно убедиться, заглянув в № 11—12 «Большевика», именно *частные* примеры были приведены в опровержение моего взгляда: Брест и нэп. Почему же право ссылаться на конкретный опыт революционного развития принадлежит только тов. Марецкому, а «прочим» полагается лишь отвечать «слушаюсь» и незамедлительно раскаиваться в пожарном темпе после первой же сердитой рецензии?!

«Частные примеры» так обидели тов. Марецкого потому, что он ничего возразить против убедительности этих примеров не мог, ибо *основное* деление низших и высших форм движения было сформулировано тов. Лениным. Я его привел в своей бро-

шире. Как раз этот переход от оборонительных форм борьбы к наступательным был и остается важнейшим и решающим для рабочего движения, переходным от низших форм движения к высшим.

В «Двух тактиках» Ильич писал: «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти беспрерывно со времен Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, не позволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий».

Читатель должен войти в наше положение,—мы не можем ловить за руку наших оппонентов каждую секунду, тем более, когда иные из них пару слов о гениальности Ильича считают достаточным основанием для амикошонского обхождения с его идейным наследием.

Ильич уже в 1905 г. выдвинул основное деление оборонительных форм борьбы и наступательных,—это, соответственно, или подготовка организации рабочих для конечной борьбы за пролетарскую диктатуру и социализм, или же переход к непосредственной борьбе за власть, к захвату власти, к сочетанию действия снизу с действием сверху.

Превращение низших форм борьбы в высшие в смысле превращения оборонительно-подготовительной борьбы против буржуазии в борьбу наступательную было исторической гранью, разделившей II и III Интернационалы.

В «Государстве и Революции» Ильич особо подчеркивал главную особенность оппортунизма: «Оппортунизм не доводит признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода перехода от капитализма к коммунизму, до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее» [1]).

Имели ли мы право выставлять на этом основании положение о том, что важнейшей исторической ступенью и формой революционного развития является переход от подготовительных форм борьбы к прямой борьбе за власть с буржуазией?

Напрасно тов. Марецкий застращивает нас развязной словесностью. Мы—стреляные воробьи и не считаем своей обязанностью бросаться в бегство от первого мановения «комученого» пера.

Опять «частные примеры»: Брест и нэп.

Однако, как обстоит дело со связью между высшими и наступательными, низшими и оборонительными формами борьбы после захвата власти пролетариатом?

На это дал ответ Ильич в своей замечательной работе «О значении золота теперь и после полной победы социализма».

[1]) Курсив Вл. Ильича.

«Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет до весны 1921 года. Это был революционный (наш курсив) подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом. С весны 1921 г. мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского (наш курсив): не ломать (курсив Вл. Ильича) старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять (курсив Вл. Ильича) торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру (курсив Вл. Ильича) их оживления. Совершенно иной подход к задаче. По сравнению с прежним, революционным, это—подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном (курсив наш), а не переделывает осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше).

Спрашивается: если, испытав революционные приемы, вы признали их неудачу и перешли к реформистским, то не доказывает ли это, что вы вообще революцию об'являете ошибкой? Не доказывает ли это, что не надо было вообще с революции начинать, а надо было начать с реформ и ограничиться реформами?

Такой вывод делают меньшевики и им подобные. Но этот вывод есть либо софизм и простое мошенничество со стороны тех, кто прошел в политике «огонь, воду и медные трубы», либо ребячество со стороны тех, кто «не прошел» настоящего искуса. Для настоящего революционера самой большой опасностью,—может быть, даже единственной опасностью,—является преувеличение революционности, забвение граней и условий успешного применения революционных приемов (курсив наш). Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому».

Тов. Ленин в совершенно ясной и бесспорной форме поставил вопрос о взаимоотношении наступательных и оборонительных, высших и низших форм борьбы. После решающего перехода от оборонительной борьбы против буржуазии к борьбе наступательной, после захвата власти пролетариатом возможно частичное возвращение к низшим формам борьбы и организации, поскольку обстоятельства вынуждают нас к отступлению.

А тов. Марецкий победоносно вопрошает: если нэп не «выше» военного коммунизма, то значит вы, имя рек, за «рабочую оппозицию»?

Ах, тов. Марецкий, зачем так «пугать» людей. Все эти бумажные драконы вы бы могли приберечь для детей младшего возраста, да и то неорганизованных: пионеры—народ более решительный и менее трусливого десятка.

Революционные методы всегда выше реформистских, но их не всегда можно применять. В этом и состоит суть диалектики.

Наш же почтенный оппонент представляет диалектику так, что у него всегда сегодняшний день «выше» вчерашнего. Никаких зигзагов! Одно сплошное равнение—«все вверх и выше»! «Оптимизм»—почти равный старомодной вере в «вечный и неизменный прогресс человечества»...

Почти что Гегель, одетый в мундир коллежского регистратора (ибо «все действительное разумно»)!

«Рабочая оппозиция», а раньше «левые коммунисты» потому и путали, что не понимали, что временно нужно помириться на меньшем размахе работы, только на подготовке к наступлению, только на использовании передышки.

Они забыли, что переход к новому наступлению на капитализм, к новым победам над ним должен быть подготовлен, что он не делается по «щучьему веленью, по моему хотенью», а обусловлен **соотношением классовых сил**. Или, может быть, тов. Марецкий просветит нас насчет того, что Парижская Коммуна была более низкой ступенью пролетарской классовой борьбы, чем выборы в германский рейхстаг в 1912 г.?

Не боясь прослыть сторонниками Прудона или Бланки, мы все же решаемся утверждать именно подобную ересь.

Отвечая «левым коммунистам», Владимир Ильич раз'яснял: «Всякое ли «сопротивление» германскому империализму помогает германской революции? Кто захочет немного подумать или хотя бы припомнить историю революционного движения в России, легко увидит, что только **целесообразное** (курсив Вл. Ильича) сопротивление реакции служит революции. Мы знаем и видели за полвека революционного движения в России массу примеров нецелесообразного сопротивления реакции. Мы, марксисты, гордились всегда тем, что **строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли нецелесообразность той или иной формы борьбы**. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра; очень часто мы осуждаем, как нецелесообразные и вредные с точки зрения революции, самые героические формы индивидуального сопротивления. В 1907 г. мы, на основании горького опыта, отвергли, как нецелесообразное, сопротивление участию в 3-й Думе и т. д., и т. п.

Чтобы помогать немецкой революции, надо либо ограничиться пропагандой, агитацией, братаньем, пока нет сил для твердого, серьезного решительного удара в открытом военном или повстанческом столкновении, или итти на это столкновение, **зная** (курсив Вл. Ильича), что не поможешь этим».

Брестский мир был **необходимым** спуском вниз Октябрьской революции, отступлением. Ноябрьская **революция** в Германии подняла нас снова на более высокую ступень в смысле

нашего влияния на ход международной революции, в смысле перехода к новому наступлению на мировой капитал. Мы сумели отсидеться в окопах до наступления решающих событий.

А тов. Марецкий, путаясь в трех соснах, обвиняет меня в «бессознательной попытке оправдать тактику путчизма». Это поистине какое-то парикмахерское обращение с историей классовой борьбы: все в ней оказывается приглаженным волосок к волоску; классовая борьба шагает со ступеньки на ступеньку так же исправно, неуклонно и без отказа, как усердный канцелярист по лестнице чиновничьей иерархии.

Тов. Марецкий слыхал, что в истории бывают зигзаги, а на зигзагах уклоны и, не задумываясь, подменил диалектику... неуклонным шествием истории. Не будет зигзагов от высшего к низшему, не будет и «уклонов»!

Пункт критики № 2.

«Третьей ступенью революционных превращений в процессе классовой борьбы т. Сафаров полагает «превращение революционного движения полупролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений, в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т. е. превращение промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское, в конечном счете—в единый процесс международной социалистической революции». На это я указал, что здесь налицо явное смешение понятий, что несмотря на об'ективное включение колониальных движений в общий процесс социалистической революции, эти движения, тем не менее, не являются пролетарскими. Против упрощенной, неверной мысли т. Сафарова я выдвинул положение т. Сталина, строго отличающего суб'ективную сторону движения от ее об'ективного смысла.

Если взять этот вопрос в плоскости социальных характеристик, а именно так этот вопрос надо рассматривать, то без особой опасности погрешить против истины можно сказать, что здесь идет речь о соотношении пролетарского и крестьянского движения.

Что движение крестьянства против империализма, возглавляемое пролетариатом, является необычайно важным элементом в системе сил, борющихся против капитализма; что обективно революционное движение вплетается в единый процесс социалистической революции,—это доказано теперь не только теоретически, но и самой практикой классовой борьбы.

Однако, только очень наивный политик и теоретик мог бы на этом основании заключить, что крестьянское движение превращается в пролетарское.

Апельсинной коркой, на которой поскользнулся т. Сафаров и здесь является диалектика».

Мы уже видели, что диалектика у тов. Марецкого имеет странный вид журнала входящих и исходящих.

Но интересно вот что.

Я не знаю, почему я должен быть именинником и на Антона и на Онуфрия.

Посудите. Когда я указываю, что кооперация является составной частью государственного капитализма, на меня обруши-

ваются за «ересь», очевидно, полагая, что через кооперацию крестьянство прямо и непосредственно врастает в социализм. Когда же я говорю об историческом процессе превращения крестьянских движений в пролетарские, меня казнят за явное сочувствие народничеству, хотя я и не воскрешаю почтенную русскую общину, как это делает тов. Варейкис, стараясь «ускорить» темп социалистического развития в нашей стране [1]).

Тут, очевидно, по неисповедимым причинам имеет силу завет христианской морали, и рука, писавшая рецензию в № 11—12 «Большевика», не знает, что делает рука из № 15.

Как может крестьянская революция перерастать в пролетарскую—об этом можно найти достаточно указаний в произведениях т. Ленина. Об этом было достаточно много сказано и во время последних двух «перманентных» дискуссий с тов. Троцким. Об'ективному содержанию этого процесса перерастания или превращения соответствует и известная суб'ективная форма. Степень проникновения пролетарского руководства в движение крестьянских масс, степень перерождения этих масс в революционной борьбе и в революционном строительстве определяет и степень суб'ективного их сближения с пролетарским движением. Как гегемония пролетариата в революционном движении может подвести—через ряд промежуточных ступеней—к пролетарской революции, это показано и доказано опытом нашей революции.

У товарища же Марецкого получается, таким образом, что об'ективно происходит сближение крестьянской революционной борьбы с борьбой пролетарской, подчинение первой второй, наконец, поглощение движения промежуточных слоев пролетарской борьбой за социализм, суб'ективно же все остается по старому, и крестьянская голова где-то болтается на отлете, не подвергаясь никакому развитию.

Но как же тогда об'яснить такое обстоятельство, что до Октября, а отчасти и после, крестьянами руководили представители мелкобуржуазной эсеровщины, а с победой Октября политическое руководство ими стало все больше и больше сосредоточиваться в руках пролетарской партии большевиков?

Не может быть полного превращения крестьянских и полупролетарских движений в пролетарское движение к коммунизму до полного уничтожения классов. Это—азбука. Но знание одной этой азбуки еще не дает основания... для жонглирования несуществующими «апельсинами».

Тов. Марецкий ссылкой на тов. Зиновьева хочет доказать, что только при благоприятных условиях происходит перерастание буржуазно-демократических движений в социалистические.

Это опять-таки образец его фокус-покусов с диалектикой. Без революционного вмешательства пролетариата в ход человеческой истории вообще был бы невозможен переход к социализму. «Благоприятные условия» создаются не господом богом и даже не статическим управлением, а революционной подготовкой их, борьбой за них. В России крестьянская революция

[1]) И. Варейкис. „Возможна ли победа социлизма в одной стране". Изд. „Молодая Гвардия".

превратилась в пролетарскую потому, что большевизм ясно наметил перед собой эту историческую возможность и неустанно боролся за ее осуществление, используя для этого об'ективную обстановку.

Герцен был прав:

«Много дренажа требуют наши черноземы ...

* * *

«По схеме т. Сафарова полагается сначала одно, потом другое, в действительности же дело происходит «совсем наоборот». Плоха же та схема, против которой кричит действительность».

Совсем напрасно мой уважаемый оппонент принимает свою собственную крикливость за «крик действительности».

От факта развития колониально-революционных движений еще до победы пролетариата в ряде решающих стран он пытается отговориться ссылкой на значение СССР как международного революционного фактора.

Это значение бесспорно. Но еще в 1916 году тов. Ленин указывал, что «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (Т. XIII. Стр. 369—370).

Гегемония пролетариата по отношению к промежуточным формам движения промежуточных слоев служит предварительным условием завоевания пролетарской диктатуры, эта же гегемония есть первая ступень превращения этих промежуточных движений в высшую, пролетарскую форму борьбы.

Тов. Марецкий, не возразив ни словом на мое указание о неизбежном сплетении и перекрещении низших и высших ступеней движения, продолжает возмущаться искусственностью «схемы», не учитывающей неравномерность развития. Он не может себе представить переход от низшей ступени к высшей в виде диалектического развития противоположных моментов, переплетения старого с новым и т. д.

И по этому случаю он сваливает все с больной головы да на здоровую. Ему нужен готовенький шиболет, который бы совершенно избавлял от необходимости пораздумать над сложностью и конкретным своеобразием революционного развития.

С канареечной легкостью он порхает... по этапам революционного развития и обижается, когда ему указывают, что его легкость несколько противоречит его довольно тяжеловесной претенциозности.

Это, разумеется, не мешает его друзьям почти канонизировать его почтенные «идеи».

Г. Марецкий.

„Углубление“ или „угробление“ ленинизма.

Второй ответ т. Сафарова на нашу рецензию отличается от первого тем, что в нем больше цитат, больше «негодующих характеристик», больше «сарказму» и всего больше визгливости. Но от этого второй ответ т. Сафарова не становится ни на вершок убедительнее.

В своем возражении тов. Сафарову мы указали, что он покидает почву марксизма и ленинизма, когда отождествляет высшие формы борьбы с методами наступления, а низшие формы борьбы с методами обороны. Мы отметили также, что опровержение этого положения т. Сафаровым несостоятельно; несколько частных примеров, в которых наступательная борьба действительно является более высшей формой, чем оборонительная, ни в коей степени не могут выручить т. Сафарова.

Возражая нам, что мы тоже пользуемся примерами, Сафаров тотчас же спешит принять добродетельную позу шекспировской Корделии и восклицает: «Почему же право ссылаться на конкретный опыт революционного развития принадлежит только тов. Марецкому, а «прочим» полагается лишь отвечать «слушаюсь» и незамедлительно раскаиваться в пожарном темпе после первой же сердитой рецензии?!»

«Прочие», как это мы сейчас увидим, горячатся несколько преждевременно.

Тов. Сафаров не понимает (мы готовы признать, что он только делает вид, что не понимает), почему наши «ссылки на конкретный опыт революционного развития» опровергают его тезис, а почему его «ссылки» на тот же опыт бьют мимо цели. Охотно поясним т. Сафарову, «почему» такая несправедливость царит на болем свете.

Тов. Сафаров выставляет положение, буквальный смысл которого состоит в том, что наступление есть всегда высшая форма борьбы, а отступление есть всегда низшая форма борьбы. Тов. Сафарову напоминают некоторые вещи, которые показывают, что наступление не всегда есть высшая форма борьбы, следовательно, доказывают неверность выставленного им категорического положения. Тов. Сафаров не теряется и приводит примеры, говорящие за то, что иногда наступление представляет высшую форму борьбы, т.-е. тов. Сафаров подтверждает неправильность своего собственного положения.

Тов. Сафаров, весьма возможно, и после такого об'яснения вздумает прикидываться «непонимающим». Тогда нам придется взять совсем простой пример, в котором поистине легко разберется любой «пионер».

Если бы, скажем, т. Сафаров выставил «тезис», в котором стал бы отождествлять всех блондинов с дураками, а всех брюнетов с умниками, то он был бы сугубо неправ, сколько бы ни «ссылался» на «конкретный опыт», когда те или иные брюнеты действительно оказывались умниками. Достаточно привести хоть один случай, в котором брюнет оказался бы дураком, чтобы подобного рода «конструкция» т. Сафарова рухнула до основания.

Точно так же нам вполне достаточно было привести хоть один пример, в котором «наступательная форма борьбы» не была «высшей», чтобы весь пресловутый—не ленинский, а махрово-сафаровский—«закон тождества» высших форм борьбы с наступательными, оказался высосанным из пальца. К сведению т. Сафарова добавим, что примеров, звучащих оплеухой его «закону тождества», примеров, в которых «наступательные» методы сафаровско-суворовского «натиска» являются сугубо никудышными и в последней степени «низшими» формами борьбы,—очень и очень много.

Если же после всего сказанного т. Сафаров «всё-таки» будет «вертеться» на своем и «диалектически» твердить, что наступательные и высшие формы—одно и то же, и никаких гвоздей!—и это выдавать за последнюю мудрость ленинизма, то мы ничего не поделаем с т. Сафаровым. Употребляя его собственный красивый термин, мы можем лишь сказать, что на всякое «амикошонское» чихание на здравый смысл не наздравствуешься.

Тов. Сафаров называет целый отдел своей статьи «Опять частные примеры: Брест и нэп». У нас вспыхнула надежда. Видно решился человек дать ответ, который мы напрасно искали в прошлой его статье. Наконец-то мы узнаем от тов. Сафарова, какую же форму борьбы партия применяла во время Бреста и при переходе к нэпу.

Но маститый автор «Основ» опять (опять!) остался верен себе. Он походил вокруг да около. Рассказал о некоторых очень полезных вещах, а спорный вопрос оставил без ответа.

Совершенно очевидно, что подобную форму полемики тов. Сафаров считает «наступательной» и потому ее предпочитает, но позволительно усомниться, чтобы эту «форму» т. Сафарова можно было квалифицировать, как «высшую».

Тов. Сафаров просветил нас насчет того, что, «Рабочая оппозиция», а раньше «левые коммунисты» потому и путали, что не понимали, что временно нужно примириться на меньшем размахе работы, только на подготовке к наступлению, только на использовании передышки.

«Они забыли, что переход к новому наступлению на капитализм, к новым победам над ним должен быть подготовлен, что он не делается по «щучьему велению, по моему хотению» и обусловлен соотношением классовых сил».

И дальше: «Брестский мир был необходимым спуском вниз Октябрьской революции, отступлением». Вот и все. Больше ничего не соблаговолил нам поведать т. Сафаров.

Зато т. Сафаров осчастливил мир таким изобретением в области диалектики.

«Революционные методы,—пишет он,—всегда выше реформистских, но их не всегда можно применять».

Если «революционные методы» нельзя применить в данный момент, то они никуда не годны именно для данного момента и вовсе не высшие, а тов. Сафаров твердит свое «всегда выше».

Тов. Ленин не раз нарекал тех, которые пытались нецелесообразно применить революционные, наступательные методы, авантюристами.

Тов. Ленин специальную книжку написал против сторонников теории «всегда выше».

Тов. Ленин подчеркивал: «Для настоящего революционера самой большой,—может быть, даже единственной опасностью,—является преувеличение революционности, забвение граней и условий успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить революцию в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае—но погибнут наверняка в том случае,—если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная «мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 411).

Тов. Сафаров тоже привел только что цитированное место, но продумать замечание Ленина о «гранях и условиях успешного применения революционных приемов не удосужился. Иначе он не написал бы, что «революционные методы всегда выше».

Возьмем опять пример с Брестом. Как известно, т. Ленин еще в январе 1918 г. настаивал на подписании мира с германским империализмом. Благодаря напору левых, попытка т. Ленина была сорвана. Еще пару месяцев революционные методы «находились в действии». Ровно два месяца революция «терпела» от «левой» тактики. И только в марте т. Ленину при поддержке громадного большинства в нашей партии удалось провести заключение мира. Заключение мира было отступлением. Но это отступление, несомненно, было высшей формой борьбы, поскольку оно при данных условиях было единственным путем, который укреплял силы революции, обеспечивая в дальнейшем возможность вновь перейти в наступление. Тогда как двухмесячная «революционно-наступательная» работа левых явилась замечательным образчиком низших форм борьбы.

Вернемся к нэпу. Введение нэпа означало, что партия переходит к реформистской тактике. Теперь мы уже убедились достаточно, что строить социалистическую экономику мы будем реформистскими методами. Коминтерн в своих постановлениях отметил, что в других странах пролетариату после завоевания

власти придется проходить полосу хозяйственного строительства, аналогичную нашему нэпу.

Таким образом, «нэповская», реформистская тактика есть основная дорога к социализму, поскольку пролетариату приходится втягивать в социалистическое строительство миллионы распыленных крестьянских хозяйств.

Здесь появляется на сцену т. Сафаров и с попугайским упорством изрекает: нэп есть низшая форма борьбы. «Революционные методы всегда выше».

Мы обращаем внимание нашего знатока «доктрины ленинизма» на следующие слова т. Ленина, которые не допускают никаких кривотолков относительно того, считал ли т. Ленин нэп высшей формой борьбы. В августе 1921 г. т. Ленин писал: «После периода невиданных еще миром достижений в области пролетарского творчества военного, административного, общеполитического наступил не случайно, а неизбежно, не по вине лиц или партий, а в силу об'ективных причин, период гораздо более медленного нарастания новых сил. В хозяйственной работе неизбежно строительство более трудное, более медленное, более постепенное; это вытекает из существа этой работы по сравнению с военной, административной, общеполитической. Это вытекает из ее особой трудности и более глубокой, если можно так выразиться, почвенности. Поэтому с величайшей, тройной осторожностью постараемся определить свои задачи на этом новом, **высшем этапе борьбы** (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 358, подчеркнуто нами. *Г. М.*).

Наверно, и т. Сафаров догадается теперь, какую форму борьбы т. Ленин видел в переходе к нэпу.

Ну, как же, тов. Сафаров? Согласны вы с т. Лениным или нет? Правильно или неправильно определял т. Ленин переход к нэпу, как переход к «**высшему** этапу борьбы?» И найдете ли вы в себе достаточно мужества, чтобы честно сознаться в путчистском ополчении ленинизма? Боимся, что нет. Боимся, что вместо прямого ответа на вопрос, вы, даже будучи по вашей собственной скромной аттестации зело «стреляным воробьем», предпочтете тихохонько улизнуть в кусты.

Вывод, который мы сделали в прошлый раз, остается непоколебимым. Отождествление наступательных форм борьбы с высшими формами, а оборонительных с низшими—ничего общего с ленинской диалектикой не имеет. «Это положение исключает анализ конкретного сочетания условий в определенный исторический момент, оно исключает понимание диалектического характера борьбы, в которой отступление умелое, своевременное, хорошо проведенное, является для пролетариата в известных условиях новым шагом вперед».

Политический же смысл теории тов. Сафарова состоит в том, что он протягивает руку ультра-левым. Его новая теория есть модернизированное, ухудшенное издание «теории наступления», которую осудил третий конгресс Коминтерна.

Следующим вопросом, в котором тов. Сафаров вновь напоролся на скандальный конфликт с диалектикой, был вопрос о характеристике промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального). Тов. Сафаров «превратил» движения промежуточных слоев—крестьянские и полупролетарские—в движения пролетарские.

Мы по поводу этого говорили: «Несмотря на об'ективное включение колониальных движений в общий процесс социалистической революции, эти движения тем не менее не являются пролетарскими... что нужно строго отмечать суб'ективную сторону движений от их об'ективного смысла.

Если взять этот вопрос в плоскости социальных характеристик, а именно, так этот вопрос надо рассматривать, то без особой опасности погрешить против истины можно сказать, что здесь идет речь о соотношении пролетарского движения и крестьянского движения.

Что движение крестьянства против империализма, возглавляемое пролетариатом, является необычайно важным элементом в системе сил, борющихся против капитализма, что об'ективно революционное движение крестьянства вплетается в единый процесс социалистической революции,—это доказано теперь не только теоретически, но и самой практикой классовой борьбы.

Однако, только очень и очень наивный политик и теоретик мог бы на этом основании заключить, что крестьянское движение превращается в движение пролетарское.

В своем новом ответе тов. Сафаров паки и паки настаивает на необходимости верить в его столь же чудесное, сколько и чудовищное, «пресуществление» движения крестьянства в движение пролетариата.

Поведав читателю свою горькую обиду в том, что его «казнят» за явное сочувствие народничеству, тов. Сафаров продолжает: «У тов. Марецкого получается таким образом, что об'ективно происходит сближение крестьянской борьбы с пролетарской... суб'ективно же все остается по-старому, и крестьянская голова где-то болтается на отлете, не подвергаясь никакому развитию».

Что тов. Сафаров действительно соскользнул с ленинских рельс на народнические—это несомненно, и за это он должен пенять на себя самого. С л и ш к о м в о л ь н о е обращение с диалектикой мстит за себя жестоко. Что же касается цитированного замечания т. Сафарова насчет крестьянской «головы» «на отлете», то вопреки очевидному намерению т. Сафарова, в нем «ехидства» гораздо меньше, чем убожества перспектив. В «голове» т. Сафарова умещаются лишь две возможности: либо «крестьянская голова» должна болтаться где-то на «отлете» и «не подвергаться никаким изменениям», либо «крестьянская голова» должна превращаться в голову пролетарскую. Третьего—«голова» т. Сафарова не допускает ни под каким видом. Между тем оба каррикатурных члена каррикатурной сафаровской дилеммы (либо крестьянское движение превращается в пролетарское, либо крестьянская голова замирает на отлете) противоречат как жизни, так и учению Ленина. Тов. Ленин видел другую, совсем не сафаровскую перспективу. Тов. Ленин писал: «Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и отражает ее контр-революционные попытки—неразвитые и угнетенные народы не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией, совсем маленьким кризисом, кризисом империалистической буржуазии, как война 1915—16 г.г. для восстаний (колонии, Ирландия) то не подлежит сомнению, что великим кризисом гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний.

Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, **с о е д и н я ю щ е й** гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд **д е м о к р а т и ч е с к и х и р е в о л ю ц и о н н ы х**, в том числе и **н а ц и о н а л ь н о-о с в о б о д и т е л ь н ы х д в и ж е н и й в н е р а з в и т ы х, о т с т а л ы х и у г н е т е н н ы х н а ц и я х**. (Ленин, т. XIII, стр. 370. Подчеркнуто нами. *Г. М.*).

Всякий заметит «маленькую разницу» между тем, что есть у Ленина и тем, что изобретает Сафаров.

П о Л е н и н у социальная революция мыслится «не иначе, как эпоха, в которой с о е д и н я е т с я гражданская война п р о л е т а р и а т а с демократическими и революционными движениями... отсталых и угнетенных наций».

П о С а ф а р о в у социальная революция мыслится «иначе»: она мыслится им как п р е в р а щ е н и е движений отсталых, промежуточных, крестьянских слоев в движение пролетарское.

Л е н и н ы м процесс социальной революции берется во всей его многогранности, учитывается вся сложность и пестрота соединения пролетарского движения с демократическими революциями.

С а ф а р о в ы м вместо этого социальная революция изображается как балаганный трюк прямехонького превращения движения крестьянства в движение пролетариата.

Самое замечательное однако то,—и это можно приписать разве только совершенно невероятной беспардонной «смелости» нашего «стреляного воробья»—то, что т. Сафаров приведенное место из Ленина читает и «цитирует» сам в качестве п о д к р е п л е н и я для своей теории «превращения». Увы, приходится признать, что степень понимания ленинизма т. Сафаровым обратно пропорциональна количеству, приводимых им из Ленина цитат. И по ленинским цитатам т. Сафаров не «порхает» даже «с канареечной легкостью»: в лучшем случае он «порхает» по ним с унылой грацией гиппопотама.

Весьма характерно, что та же самая народническая струйка дает о себе знать и в определении т. Сафаровым ленинизма, как идеологии. У т. Сафарова черным по белому написано в его «капитальном труде»: «Ленинизм есть истинная (!) идеология (!!) бесчисленных миллионов трудящихся масс, пришедших в движение под руководством революционного пролетарского авангарда». (Г. С а ф а р о в. Основы Ленинизма. 4-е изд., стр. 229).

Стоит ли опровергать такое диковинное определение ленинизма? Известно ли т. Сафарову, к примеру скажем, что наш крестьянин-середняк был и остается «центральной фигурой в нашем земледелии»? Известно ли т. Сафарову, что «миллионы середняков» пришли в движение под руководством пролетарского авангарда»? И осмелится ли т. Сафаров утверждать, что «истинной идеологией» нашего середняка был и является ленинизм? Или, может быть, т. Сафаров, полагает, что если ленинская партия бросает лозунги, приемлемые и подхватываемые крестьянством, то это и будет означать, что наше крестьянство проникнуто ленинизмом, как его «истинной идеологией»?

Все эти и масса аналогичных неудобных вопросов, неминуемо встают перед т. Сафаровым, как результат определения им ленинской идеологии. А ведь все это естественный плод легкомысленных «превращений» крестьянских движений в пролетарские.

Тов. Сафаров делает жест самого непосредственного изумления, когда ему указывают, с одной стороны, на народнические нотки в его писаниях, а с другой стороны, обращают внимание на умолчание им о роли кооперации в строительстве и борьбе за социализм в деревне. Как это он, бедный Сафаров, оказался именинником и на Антона, и на Онуфрия: то пересолил по части социализма в деревне (крестьянское движение превращается в пролетарское, ленинизм—идеология крестьянства), то не доглядел социалистических перспектив в деревне (не понял роли кооперации).

Действительно, т. Сафаров и впрямь именинник и на Антона, и на Онуфрия. Едва ли кто-нибудь станет выдавать т. Сафарову свидетельство о теоретической выдержанности и принципиальности. Порода эклектиков еще не исчезла под луной и тов. Сафаров, к сожалению, верный кандидат, если уже не действительный экземпляр этой породы. Его «самостоятельные» теоретические рассуждения и отклонения от Ленина, на которые мы обратили внимание, в сумме составляют эклектическое рагу из путчистских «заскоков», формально-логического упрощенства и кое-каких народнических пошлостей.

На мое повторное указание на недопустимость квалифицировать перечисленные им моменты революционного развития как ступени, наш постоянно наступающий маэстро не находит, что возразить. Он становится нем, как рыба, и тут же бросает нам обратно упрек в непонимании «сложности и конкретного своеобразия революционного развития».

Насколько тов. Сафаров действительно «своеобразен» в своих поучительных открытиях по части ленинизма, можно судить по следующему варианту сафаровской схемы. На стр. 40 своей брошюры «Ленинизм, как теория развития пролетарской революции» он изрекает:

«Последовательные этапы революционных переходов (подчеркнуто нами. *Г. М.*), революционных преобразований массового движения следующие: 1) превращение стихийности в сознательность; 2) превращение мирных организационных форм движения в революционно-наступательные; 3) превращение движения промежуточных слоев—крестьянских и полупролетарских—в движения пролетарские; 4) превращение пролетариата в господствующий класс в форме установления власти советов; 5) превращение пролетариата в господствующий класс в области управления, в области военного дела, в области культурного руководства; 6) превращение пролетариата в господствующий класс в хозяйственной области; поиски и создание тех командных высот, которые необходимы для того, чтобы осуществлять пролетарскую диктатуру в мелко-крестьянской стране и в той обстановке, которая создана международным империализмом после Версальского мира; 7) превращение революции отдельной страны в международную революцию и международную диктатуру пролетариата; 8) превращение общества, разделенного на классы, в поголовно организованную трудовую коммуну».

«Последовательные этапы революционных преобразований...» Прямо-таки дивишься сверх-обязательной любезности нашего «разносителя», выдумавшего такую «самоубийственную» формулировку.

Разве мы не правы, что процессы, перечисленные тов. Сафаровым, сплошь да рядом протекают одновременно, являясь различными сторонами одного и того же процесса, а не этапами и ступенями?

Разве восьмиэтажное сооружение тов. Сафарова имеет хотя бы самое отдаленное отношение к ленинизму?

Разве наш горе-строитель не учиняет грубейшее насилие над диалектикой?

* * *

Плохо и досадно, конечно, совершать ошибки и промахи в таком ответственном деле, как «основы ленинизма». Но в тысячу раз хуже эти ошибки замазывать и на них настаивать.

А между тем, тов. Сафаров обнаружил тенденцию настаивать на своих теоретических ошибках в самой «высшей», самой «наступательной» форме.

Вместо того, чтобы разобраться в своих промахах и получше поучиться у Ленина, тов. Сафаров занялся комчванским «разносом» рецензента, пустился в «язвительный» пляс на его счет, стал прищелкивать по-клоунски зубами по поводу «личной дружбы», «унии», проницательно гадать на тему: кто к кому ходит пить чай и т. п. высокой материи, едва ли к «основам ленинизма», имеющей логическое отношение.

Вот до какой «последней» черты довело тов. Сафарова стремление, повидимому, «стихийное», «углубить» ленинизм и желание свои «углубительные» потуги защитить во что бы то ни стало.

Введение [1].

Статья «В лакейской» задумана и начата Владимиром Ильичем в июле 1919 года, по получении им упоминаемых в статье меньшевистско-эсеровских изданий и резолюций IX совета партии с.-р., состоявшегося 18—21 июня 1919 г. Статья осталась незаконченной, но сохранившийся при ней план и набросок конца дают представление о намеченных Владимиром Ильичем размерах ее и приблизительном содержании ненаписанных глав.

Вся статья должна была состоять из семи глав, из которых написаны только две, озаглавленные в плане «Лакеи» и «Гражданская война». Часть вопросов, затронутых в остальных главах, а также в главе о гражданской войне, развиты Владимиром Ильичем в его статьях «О задачах III Интернационала» (14 июля 1919 г.) и «Как буржуазия использует ренегатов» (30 сентября 1919 г.— см. Собр. соч., т. XVI). Конец статьи, набросок которого мы даем в приложении, направлен, главным образом, против решений IX Совета партии социалистов-революционеров.

Статья пойдет в одном из ближайших «Ленинских Сборников».

---

[1]) Статья т. Ленина с введением и примечаниями Института Ленина предоставлена редакции Институтом.

В лакейской.

(Незаконченная статья).

Товарищи привезли с юга несколько меньшевистских, эсеровских и т. п. изданий, позволяющих бросить взгляд на «идейную жизнь» по ту сторону баррикады, в том лагере. Харьковская «Мысль» Базарова и Мартова, «Грядущий День» Мякотина и Пешехонова, Бунакова и Вишняка, Потресова и Гроссмана, «Южное Дело», «Об'единение» Балабанова и Ст. Ивановича, Мякотина и Пешехонова—таковы имена этих изданий и некоторых из выдающихся их сотрудников.

Даже немногие, разрозненные номера названных изданий дают такой цельный и сильный аромат, что сразу чувствуешь себя как в лакейской. Образованные интеллигенты, мнящие и называющие себя социалистами, насквозь пропитанные буржуазными предрассудками и лакействующие перед буржуазией,—такова, в сущности, вся эта писательская компания. Оттенков среди этой публики очень много, но они никакого серьезного значения, с политической точки зрения, не имеют, ибо сводятся к тому, насколько лицемерно или искренно, грубо или тонко, аляповато или искусно исполняют они свои лакейские обязанности по отношению к буржуазии.

I.

Лакею полагается по должности фрачный костюм, цивилизованная внешность и соответственные манеры, белые перчатки. Лакею разрешается известное народолюбие: с одной стороны, это неизбежно, ибо среда, поставляющая лакеев, должна быть сильно нуждающейся; с другой стороны, это даже выгодно для барина, ибо дает возможность ему «упражнять» свою благотворительность—в первую голову, разумеется, по отношению к «послушным» представителям тех слоев, из которых берутся прислуга, приказчики, рабочие. Чем умнее и образованнее те классы, которые держат лакеев, тем систематичнее и обдуманнее проводят они свою политику, используя лакеев для того, чтобы шпионить среди трудящихся, чтобы раз'единить их уступками известной их части, чтобы укрепить свое положение, заинтересовать «услу-

жающего» в увеличении богатства барина, в надежде получить подачку и прочее и тому подобное.

Народолюбие разрешается лакею, конечно, лишь в очень скромной мере и под обязательным условием выражения чувств покорности и послушания наряду с готовностью «утешать» трудящихся и эксплуатируемых. В скобках сказать, Фейербах очень метко ответил тем, кто защищает религию, как источник «утешения» для людей, что утешать раба есть занятие выгодное для рабовладельца, а настоящий сторонник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига, а вовсе не «утешает» их. Лакей прикрашивает, прихорашивает фальшивые цветы, служащие для «утешения» наемных рабов в том, что они скованы цепями наемного рабства. Сторонник освобождения людей от наемного рабства срывает с цепей фальшивые, украшающие их цветы, чтобы рабы научились сознательнее и сильнее ненавидеть свои цепи, скорее сбросили их и протянули руку за живыми цветами.

Свойственная лакейскому положению необходимость соединять очень умеренную дозу народолюбия с очень высокой дозой послушания и отстаивания интересов барина неизбежно порождает характерное для лакея, как социального типа, лицемерие. Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц. Лакей может быть честнейшим человеком, образцовым членом своей семьи, превосходным гражданином, но он неминуемо осужден на то, чтобы лицемерить, поскольку основной чертой его профессии является соединение интересов барина, которому он «обязался» служить «верой и правдой», с интересами той среды, из которой рекрутируется прислуга. И поэтому, если рассматривать вопрос с точки зрения политика, т.-е. с точки зрения миллионов людей и отношений между миллионами, то нельзя не притти к выводу, что главные свойства лакея, как социального типа, суть лицемерие и трусость. Именно эти свойства воспитывает лакейская профессия. Именно эти свойства являются самыми существенными, с точки зрения наемных рабов и всей массы трудящихся в любом капиталистическом обществе.

II.

Образованные интеллигенты, называющие себя меньшевиками, социал-демократами, социалистами-революционерами и т. п., хотят учить народ политике. Поэтому они не могли не затронуть и коренного вопроса всей переживаемой нами эпохи, превращения империалистской войны в войну гражданскую. Посмотрите, как они об этом вопросе рассуждают.

В «Об'единении» г. П. Юшкевич посвящает целую статью «Революции и гражданской войне». К какого рода литературе — с позволения сказать, литературе — относится эта статья, видно будет хотя бы из двух следующих рассуждений автора:

... „Ставя себе целью революцию, преследующую интересы большинства и осуществляемую этим большинством, социализм не имеет оснований (!!) обращаться к методам (!!!) гражданской войны, на которые бывают фатально обречены захватывающие власть меньшинства"... „И наиболее передовой класс современного общества, когда он созреет для полного понимания своей всемирно-освободительной миссии и связанных с нею задач, должен будет откинуть ее (гражданскую войну) вместе с прочим наследием исторического варварства"...

Неправда ли, перл?

Русская буржуазия, тотчас же после большевистского переворота, стала искать соглашения и заключать соглашения с буржуазией иностранной против рабочих и трудящихся своей страны. Поддерживали буржуазию меньшевики и эсеры. Так было в Финляндии в начале 1918 года. Так было и на севере России и на юге в начале 1918 г., когда и кадеты, и меньшевики, и эсеры в союзе с немцами душили большевиков. Тоже в Грузии. Немцы давали деньги и оружие Краснову. Потом буржуазия Антанты подкупала чехо-словаков, Деникина, высаживала войска на Мурмане, в Архангельске, в Сибири, в Баку, в Асхабаде.

Международная буржуазия, сначала германская, потом англо-французская (неоднократно и обе вместе) пошла войной на победивший в России пролетариат. И является человек, называющий себя социалистом, который, переходя на сторону буржуазии, советует рабочим «откинуть» «методы гражданской войны»! Разве это не Иудушка Головлев самой новейшей капиталистической формации?

Мне, может быть, скажут, что Юшкевич просто рядовой чернильный кули буржуазии, что для каких-либо партий он вовсе не характерен, и они за него не отвечают. Но это было бы неверно. Во 1-х, состав сотрудников и все направление «Об'единения» показывает нам типичность именно такого лакейства для всей меньшевистски-эсеровской братии. А, во-вторых, возьмите Л. Мартова. Сей суб'ект—самый видный (и едва ли не самый «левый») меньшевик, притом же почтеннейший член бернского Интернационала, солидарный с идейным его вождем, К. Каутским.

Посмотрите на рассуждения Мартова. Он пишет в апрельской, 1919 года, книжке «Мысли» про «мировой большевизм». Он знает литературу большевизма и о большевизме досконально. И этот писатель о гражданской войне пишет вот как:

... „В первые же недели войны мне приходилось писать о том, что вызванный ею кризис рабочего движения есть прежде всего „моральный кризис", кризис утраты взаимного доверия различными частями пролетариата и веры пролетарских масс в старые морально-политические ценности. Я не представлял себе еще тогда возможности, что эта утрата взаимного доверия, это уничтожение идейных скреп, которые в течение последних десятилетий связывали между собой не только реформистов и революционеров, но в известные моменты об'единяли и социалистов

с анархистами, и тех и других с либеральными и христианскими рабочими,—что это уничтожение приведет к *гражданской войне* среди пролетариев"...

Курсив принадлежит господину Мартову. Он сам подчеркивает, что дает здесь оценку именно гражданской войны. Может быть даже, он подчеркивает свое полнейшее согласие с Каутским, который во всяком случае именно так рассуждает о гражданской войне.

А в этом рассуждении столько самой утонченной подлости, такая бездна лжи и обмана рабочих, такое низкое предательство их интересов, такое лицемерие и ренегатство по отношению к социализму, что диву даешься, сколько лакейства накопили десятилетия «игры» с оппортунизмом в Каутских и Мартовых!

Во 1-х, когда Каутский и Мартов фарисейски проливают слезы по поводу «гражданской войны *среди пролетариев*», то этим пытаются прикрыть свой переход на сторону буржуазии. Ибо на деле гражданская война идет между пролетариатом и буржуазией. Никогда не бывало в истории и не может быть в классовом обществе гражданской войны эксплуатируемой массы с эксплуататорским меньшинством без того, чтобы часть эксплуатируемых шла за эксплуататорами, вместе с ними, против своих братьев. Всякий грамотный человек признает, что француз, который бы во время восстания крестьян в Вандее за монархию и за помещиков, стал оплакивать «гражданскую войну *среди крестьян*», был бы отвратительным по своему лицемерию лакеем монархии. Такие же лакеи капиталистов господа Каутские и Мартовы.

Международная буржуазия, всемирно могущественная, душит победивших рабочих одной страны за свержение капитала, ведя за собой часть обманутых, неосведомленных, забитых рабочих, а мерзавцы Каутские и Мартовы проливают слезы по поводу «гражданской войны среди пролетариев». Этим суб'ектам приходится прибегать к этому омерзительному лицемерию, ибо нельзя же признаться открыто в том, что они в гражданской войне пролетариата с буржуазией оказались на стороне буржуазии!

Во 2-х, Мартов, как и Каутский, как и весь Бернский Интернационал, превосходно знают, что они пользовались среди рабочих сочувствием как социалисты, ибо проповедывали необходимость революции пролетариата. В 1902 г. Каутский писал о возможной связи революции с войной и о том, что грядущая революция пролетариата будет, вероятно, больше совпадать с гражданской войной, чем предыдущие. В 1912 г. в Базельском манифесте весь II Интернационал торжественно заявляет, что грядущая война связана с грядущей пролетарской революцией. А когда эта война разразилась, «революционеры» II Интернационала оказались лакеями буржуазии!

Большевики в ноябре 1914 года заявили, что империалистская война несет с собой превращение в гражданскую войну. Это оказалось правдой. Это теперь факт в мировом масштабе. Говоря о «мировом большевизме», Мартов вынужден признать этот факт. Но вместо того, чтобы честно признаться в своем полном идейном крахе, в провале взглядов всех тех, кто с пренебрежительной гримасой мещанина отвергал мысль о превращении войны империалистской в войну гражданскую, вместо этого Мартов лицемерит и «кивает» на «пролетарские массы», что они-де «утратили веру в старые морально-политические ценности»!!

Ренегаты сваливают свое ренегатство на массы. Массы сочувствуют большевикам, вступая повсюду на путь революции. В этом, оказывается, вина масс, по «теории» людей, которые всю жизнь распинались в верности революции, чтобы оказаться в лагере буржуазии против пролетариата, когда революция пришла.

В 3-х, две разные теории перед войной насчет внутренней борьбы в социализме были следующие. Каутский и Мартов, а равно большинство оппортунистов, видели в реформистах и революционерах два законных оттенка, необходимых крыла одного движения одного класса. Разрыв этих оттенков осуждался. Их сближение и слияние в каждый серьезный момент пролетарской классовой борьбы признавалось неизбежным. В близорукости обвиняли сторонников раскола.

Другой взгляд, большевистский, в реформистах видел проводников буржуазного влияния на пролетариат, союз с ними допускал как временное зло в обстановке заведомо не революционной, разрыв и раскол с ними считал неизбежным при всяком серьезном обострении борьбы, а тем более при начале революции.

Кто оказался прав?

Большевики.

Во всем мире война принесла раскол рабочего движения, переход социал-патриотов к буржуазии. После России всего нагляднее показала это передовая капиталистическая страна, Германия. И теперь защищать «идейные скрепы» реформистов и революционеров, это значит поддерживать тех палачей из рабочих, вроде Носке и Шейдемана, которые помогали буржуазии убивать Р. Люксембург и Карла Либкнехта, убивать тысячи рабочих за революционную борьбу их против буржуазии.

Набросок конца статьи.

Конец статьи «В лакейской» надо бы, приблизительно, изложить так:

a) Претензия Мартова встать «выше» обоих крайностей: буржуазии и пролетариата, обоих диктатур.

b) Суть этой претензии = мелкобуржуазность.

1848 жалки и смешны (1793 велики)
1918 отвратительны, омерзительны [1]).

c)) Резолюции IX Совета партии социалистов-революционеров 18—21. VI. 1919 [2])
idem
выше обоих крайностей, против обоих диктатур etc. а на деле?

d) Отношение к гражданской войне? Как и у Мартова: тупик, безысходность, мириться на всеобщем избирательном праве. (=лакеи буржуазии)

e) «обмен», «индустрия»
(за капитализм)

f) «развитие в направлении социализма—через демократию» (=реформизм).

ff) **Крестьяне и рабочие.**

g) Реформизм против начавшейся революции=лакеи буржуазии.

h) За бернский Интернационал. (Опять реформистские лозунги)

i) «свобода» против диктатуры

k) мелкие буржуа, реакционеры, колеблющиеся

l) делающие (Либеры, Алексинские, Авксентьевы etc.) и болтающие (Мартов, Чернов etc.)

m) ΣΣ = **реакционные мелкие буржуа.**

План статьи „В лакейской".

«**В лакейской**». 1) Литература с юга.—2) Лакеи при крайнем обострении борьбы.—3) Лакейский фрак.—4) Лакейское лицемерие. — 5) Лакейская трусость.—6) «Гражданская война». — 7). Формы ее.—8) Гражданская война и жестокость etc.—9) «Гражданская война среди пролетариата». — 10) 1793 versus 1919 [3]).— 11) Поражение первой революции. — 12) Мировой большевизм и советы.—13) II и III Интернационал.—14) (α) Реформы и революция, (β) реформисты и революционеры.—15) Питерский заговор VI. 1919 (ad § 7). — 16) Labor lieutenants of the capitalist class [4]) (ad 2—5) = Бернский Интернационал. — 17) «Анархо-бланкизм» = § 14 β. — 18) «Одна реакционная масса». — 19) Рабочие и крестьяне. — 20) «Потребительская» точка зрения. — 21) «Солдатчина» (ad § 7). — 22) Лакейское понятие «свободы печати» + + «парламентаризм». — 23) Мх 1848 и 1914—9. — 24) Грузинские социал-демократы и союз с Антантой. — 25) Оттенки от Мартова до Потресова.

Введение.

I.
I. Лакеи 2 — 5
II. Гражданская война — «Выше крайностей» Мартов
6 — 9
III. 20 — 21 — 22
их доводы
+ 19
IV. Отношение к Антанте.
(Базель)
+ 24.
V. Уроки. 23
16 25
17
13 + 14 + 17 + 18
VI. Питерский заговор 15
VII.
22
10.11.12

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Ср.: „О продовольственном налоге". «В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917—1921 годах они—отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 230).

2) О IX совете партии социалистов-революционеров см. примеч. 230 к XVI тому собр. соч. В. И. Ленина (стр. 532). Дальнейшие пункты представляют собой замечания к резолюциям, принятым IX советом партии с.-р.

3) Versus — по отношению к. Владимир Ильич имеет в виду здесь в корне изменившуюся роль мелкой буржуазии (см. выше, прим. 1).

4) Labor lieutenants of the capitalist class—„рабочие-офицеры на службе у класса капиталистов", агенты буржуазии в рабочем движении.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

П. ЗАЛУЦКИЙ. Звеновые организаторы и их задачи. 23 стр. Ленинград. Изд. «Прибой». 1925 г. Тираж 6.000.

Тов. Залуцкий в своей брошюре: «Звеновые организаторы и их задачи», сделал попытку обосновать и, так сказать, политически доказать, во-первых, необходимость для партии института звеновых организаторов и, во-вторых, установить основные задачи этого института.

Рост партии поставил целый ряд новых организационно-воспитательных задач, и среди них не последнее место занимает воспитание в духе ленинизма низового партийного актива. С этой точки зрения, всякую попытку, в той или иной мере способствующую разрешению этой большой, сугубо важной задачи, несомненно, должно приветствовать.

Однако, столь же очевидно, что партия со всей категоричностью должна осуждать малейшие поползновения, вольные и невольные, с чьей бы со стороны они ни шли, под какими бы флагами они ни делались, к извращению ленинизма. Наша партия должна решительно отметать всяческие попытки неправильного освещения ее насущнейших политических задач.

К сожалению, брошюра т. Залуцкого страдает в этом отношении существенными недостатками.

Тов. Залуцкий, вполне справедливо пытается «вывести» конкретные задачи звеновых организаторов из общеполитических задач, стоящих теперь перед партией. Но беда т. Залуцкого состоит в том, что он общие задачи партии истолковывает неправильно и местами их извращает. Совершенно ясно поэтому, что ничего путного предложить звеновым организаторам он не может.

Первое, что сразу же бросается в глаза—это в корне неверное об'яснение т. Залуцким социального существа нашей госпромышленности.

«Одним из более ощутительных выражений этой формы рабочего движения за производство социализма (?) являются производственные рабочие совещания»... Этим мы преследуем не только задачу хозяйственную, производственную и экономическую, но и большой важности задачу социально-политическую, а именно: мы здесь преследуем задачу постепенного превращения вольно-наемного рабочего в коллективного (по-своему производственно-кооперированного) не собственника, а хозяина (?) предприятия и промышленности (очевидно, здесь пропущен предлог—«в»), т.-е. делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия «социалистического типа», но работающего еще на началах «государственного капитализма» в подлинно социалистическое предприятие.

«Без этого нет и не может быть социализма. Мы имеем сейчас в основном то, что В. И. Ленин назвал государственным капитализмом» (подчеркнуто всюду нами. *В. М.*).

Обратимся к трактовке социального существа советской государственной промышленности, которую преподносит звеновым организаторам т. Залуцкий.

Путаница, имеющая место в брошюре т. Залуцкого, находит отправную точку в неправильном, в корне противоречащем взглядам т. Ленина

определении нашей госпромышленности, как промышленности государственно-капиталистической.

Правда, т. Залуцкий вынужден вспомнить о ленинском определении госпредприятий, как предприятий «социалистического типа», но он спешит «тут же подправить Ленина», определяя нашу государственную промышленность «государственным капитализмом» (стр. 7).

В доказательство своего злополучного «тезиса» т. Залуцкий приводит только один аргумент. Наша «государственная промышленность» работает еще на капиталистических началах»! (Там же).

Но вся беда этого аргумента в том, что и он ничего не доказывает, потому что по своему существу он не верен.

Неправда, что наша госпромышленность «работает на капиталистических началах». Чудовищным извращением фактов является утверждение, будто начала, на которых покоится работа наших госпредприятий, есть начала капиталистические.

Что должно означать и что фактически означает цитированное нами выше положение т. Залуцкого?

Это положение означает, что основой нашей госпромышленности, является эксплоатация рабочего класса.

Но тов. Залуцкий не сможет этого доказать, ибо не будет же он в доказательство приводить рассуждения меньшевиков из «Социалистического Вестника».

Если бы мы вслед за тов. Залуцким признали нашу промышленность госкапиталистической, а не социалистической, мы вынуждены были бы признать диктатуру пролетариата—выражающей интересы капиталистов, а рабочий класс—наемными рабочими, эксплоатируемыми этим государством.

Но, к счастью, нас избавляет от таких признаний два обстоятельства.

Во-первых, мы твердо помним, что пролетариат осуществляет в советских республиках свою классовую диктатуру, что эта диктатура покоится в первую голову на том, что пролетариат удерживает и укрепляет в своих руках основную экономическую командную высоту,—крупную промышленность, что он, следовательно, является ее коллективным собственником и хозяином и организатором.

Во-вторых, не кто иной, как тов. Ленин, определил нашу госпромышленность как промышленность не госкапиталистическую, а социалистическую.

Эти два соображения удерживают нас на позициях ленинизма.

Нам, правда, могут сказать, что пролетариат еще плохо хозяйствует, что его руководство аппаратом промышленности гибко, что вследствие этого наша промышленность не работает так, как нужно, что во имя укрепления смычки между рабочим классом и крестьянством необходимо это руководство уточнять, хозяйствование пролетариата постоянно улучшать.

Если бы только это утверждал т. Залуцкий, все было бы верно.

Но тов. Залуцкий говорит другие речи. Он безнадежно запутался в центральном вопросе о классовой сущности госпромышленности.

В непосредственной связи с ложным анализом социального существа нашей госпромышленности стоит и его предложение о материальной заинтересованности рабочих в производстве: «Этот вопрос также выдвигает задачу еще больше заинтересовать рабочие массы предприятия в производственных успехах последнего не только морально, но и материально» (стр. 8).

Необходимо на эти темы говорить конкретнее. Не имеется ли здесь в виду та *форма* материальной заинтересованности, которую справедливо осудила Московская Конференция нашей партии в своей резолюции по докладу ЦК?

Напутав в вопросе об отношении рабочего класса к промышленности, тов. Залуцкий продолжает путаницу и в рассуждениях об отношении рабочего класса к его государству.

Послушаем, что говорит об этом тов. Залуцкий.

«Нашей задачей является непрерывная работа над поднятием классового сознания рабочего класса, что он все более и более вырастал, *как класс политически управляющий страной и организованный в самом себе в руководящую силу*, чтобы он все сильней вел на своем пролетарски-революционном поводу государственный аппарат» (стр. 12). (Подчеркнуто нами. *В. М.*).

«Рабочий класс должен быть организован» в самом себе «и в этой организованности должен постоянно противопоставляться даже хорошему госаппарату, как силе стоящей вне его»! Вот это называется «договориться».

Можно ли, и должно ли критиковать наш госаппарат?

Каждый ленинец скажет, что эта критика есть прямая обязанность пролетарской партии; но можно ли *противопоставлять* государственный аппарат рабочему классу? Опять-таки каждый ленинец скажет, что такое *противопоставление—нелепость*. А между тем, тов. Залуцкий *противопоставляет* госмашину рабочему классу. Иначе, к сожалению, нельзя понять мудрых рассуждений т. Залуцкого об организованности пролетариата «в самом себе».

Для укрепления своей теоретической позиции тов. Залуцкий сравнивает наш госаппарат с германской социал-демократией, сделавшейся оплотом буржуазии.

В подкрепление своей по существу анархо-синдикалистской теории т. Залуцкий «махнул» так далеко, что вывел его отражением даже крупно-капиталистических тенденций!

«Государственный аппарат,—пишет т. Залуцкий,—это—фокус, в котором преломляются всевозможные классовые тенденции различных современных общественных групп нашей страны». «Государственный аппарат—это *та призма, через которую преломляются пролетарские, мелко-буржуазные и даже буржуазно-капиталистические стремления*» (стр. 10).

Но ставя вопрос только так, видя в государственном аппарате *только призму*, в которой преломляются различные классовые тенденции, тов. Залуцкий совсем не ставит правильно вопроса о социальном существе этого госаппарата. В виду этого неизбежно складывается впечатление, что он считает наш госаппарат орудием всех классов нашего общества. А раз это так, то пролетариат действительно должен организоваться изнутри себя «в самом себе» (какими способами, тов. Залуцкий?) в силу, способную противостоять чужеродному ему государственному аппарату.

Не нужно доказывать, что в ошибках т. Залуцкого есть своя логика. Но эта логика, не логика марксиста.

Право, лучше было бы, если бы тов. Залуцкий не задавался бы целью теоретически ориентировать нашу партию, ибо это, по сути дела, есть покушение на ее дезориентирование.

В. Матусевич.

В. НЕВСКИЙ. История РКП(б). *Краткий очерк.* Стр. 462.

Лежащая перед нами книга—«Краткий учебник», представляющий «элементарное изложение нашей истории и предназначенный для учащихся» и обращена к «молодой аудитории, для которой часто даже события вчерашнего дня являются далеким историческим прошлым».

Книга открывается «Введением», цель которого дать самое общее представление об условиях экономического и социально-политического развития России до 80-х годов XIX века. На странице 8-й мы наталкиваемся на такое об'яснение эволюции помещичьего хозяйства: «Уже в конце XVIII века, когда русский помещик стал отправлять свой хлеб за границу, ему выгодно было усовершенствовать свое хозяйство, делать большие запашки и, таким образом, все больше и больше стеснять крестьян. Крестьянин, стесненный в земле, искал выхода в отхожем промысле, а помещик... охотно отпускал крестьянина на оброк, предпочитая иметь деньги, чем раба крепостного... Правда, в первой четверти XIX века, когда мировой кризис затронул и Россию, понизившиеся цены на хлеб приостановили отпуск крестьян на оброк: при низких ценах на хлеб... помещик предпочитал опять пользоваться дешевой рабочей силой барщинного крестьянина...».

Не вдаваясь в излишние подробности, отметим, что для тов. Невского оставалась совершенно скрытой разница,—кстати сказать, определившая внутренне-противоречивый характер реформы,—между двумя типами помещичьего хозяйства: барщинным и оброчным. Но даже эволюция барщинного хозяйства об'яснена тов. Невским неправильно и это приводит его, в дальнейшем, к ряду неверных выводов о причинах восстания декабристов и о характере борьбы внутри дворянства вокруг крепостного права.

К чему, в действительности, привел рост хлебных цен в конце XVIII века? Стоит только подумать над этим вопросом, чтобы понять всю «странность» утверждения тов. Невского, об усилении крестьянского отхода на промыслы. Тов. Невский усиленно рекомендует своим читателям исторические работы т. Покровского. Посмотрим же, что говорит последний: «К концу XVIII века «избыточное население», от которого за сорок лет раньше помещик не знал как избавиться, становится необходимо нужно в самом имении,—и помещик начинает находить, что у него не только нет «лишних» людей, а даже едва хватает тех, которые есть». (Русская история, том III, стр. 110).

Не усиленный отход на промыслы, а интенсификация барщины, а кое-где, как наиболее законченное выражение этой тенденции, даже плантационное хозяйство — таковы следствия роста хлебных цен в конце XVIII века.

Еще более непонятно второе утверждение автора о том, что в первой четверти XIX века цены на хлеб пали, и помещик «предпочитал опять пользоваться дешевой рабочей силой барщинного крестьянина». Но тогда чем же об'яснить целую полосу тайных дворянских обществ, закончившуюся восстанием декабристов? Тов. Невский вынужден об'яснить это сознанием, что «развивающаяся промышленность и торговля требовали применения вольно-наемного труда». Но куда в таком случае исчезло это «сознание», во второй четверти XIX века, когда наша промышленность особенно бурно и лихорадочно развивалась? Тов. Невский отвечает и на этот вопрос: если крепостное право так долго удержалось, то это потому, «что крупные помещики, обладая огромными количествами земли, до известной поры могли еще жить и крепостным трудом»... Мы согласны, что это об'яснение популярно и легко

может быть усвоено, но, к сожалению, оно не соответствует действительности.

Суть же в том, что и восстание декабристов и последовавший за ним 35-летний антракт до реформы вызывались глубокими экономическими причинами, коренившимися не только в условиях общекапиталистического развития России, но и, главным образом, в условиях самого помещичьего хозяйства. Первые десятилетия XIX века ознаменовались бурным ростом хлебных цен, а не их падением. Политическим эквивалентом той революции, какую этот рост производил в помещичьем хозяйстве, и явилось восстание декабристов. И точно также аграрный кризис с 20-х по 40-е годы сделал снова всех помещиков крепостниками. А новый под'ем хлебных цен с середины 40-х годов, выводивший помещичье хозяйство из тупика, заставил недавних крепостников вспомнить о декабристах.

Первые бои, которые пришлось вести марксизму на русской почве, были боями с эпигонами народничества. Ожесточенная схватка теоретических взглядов и идей отражала собою глубинные процессы межевания и дифференциации классов. Но наряду с решительным разоблачением реакционности квази-социалистических утопий народничества, революционный марксизм, в лице Ленина, четко вскрывал и другую сторону двуликого Януса—мелкой буржуазии: ее прогрессивный характер, поскольку она борется за общедемократические требования. Ставя вопрос о том, «как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам», Ленин отвечал: «Эти две стороны мелко-буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционной стороны, не следует забывать об их демократической части» (Том I, стр. 199—200).

Уже в этих словах, конечно, в зародышевой форме, дан ключ к ленинскому, глубоко диалектическому пониманию народничества. «Ошибка некоторых марксистов (речь идет о меньшевиках) состоит в том, что, критикуя теорию народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют, и справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелко-буржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой революционный мелко-буржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России» (том IX, стр. 458. Курсив наш).

Это та же мысль, что и в 1894 году, только более отчеканенная на основе опыта первой революции.

К сожалению, именно эту, сугубо важную сторону вопроса совершенно не освещает тов. Невский, излагая борьбу марксизма с народничеством. Такая работа, как «Друзья народа» Ленина, в этой связи, им только упоминается (стр. 82).

Вообще мелко-буржуазной демократии в книге т. Невского решительно не повезло. Никакой сколько-нибудь четкой социально-политической характеристики партии эсеров в ней не найти. Отсутствует и анализ трудовических фракций в Гос. Думах.

Слишком поверхностно и недостаточно освещен автором и вопрос о «полицейском социализме». В частности, совершенно не отмечена связь между идеями экономизма и «идеологией» зубатовских организаций.

Перейдем к рассмотрению того, как освещает тов. Невский революцию 1905 года. «В промышленном кризисе начала столетия и в кризисе 1904 года, особенно ухудшившем положение народных масс, в этом снижении заработной платы до уровня девяностых годов, а иногда еще ниже, в этом обнищании народа и нужно видеть ближайшие причины взрыва 1905 года» (стр. 239). И далее еще более общие и отдаленные причины революции: «несоответствие базиса с надстройкой развивающиеся производительные силы упирались в узкие рамки феодально-крепостнического самодержавия».

Приходится констатировать, что анализ ближайших причин революции далеко не полон, не полон потому, что среди «ближайших причин революции» имелась и такая, не последняя по важности, как крестьянская аграрная революция «...Гвоздь русской революции—аграрный (земельный) вопрос». (Ленин. Том VIII, стр. 53).

Рассказав о событиях 1902—1903 г.г., тов. Невский заключает: «Экономические стачки, студенческие демонстрации, политические демонстрации рабочих, террористические акты и, наконец, всеобщие политические забастовки на юге России—все это говорило о том, что Россия живет накануне революции» (стр. 236). Все это абсолютно верно. Но ведь в эти же года происходили и крестьянские восстания, не на шутку пугавшие правительство. Почти ничего не узнаем мы у тов. Невского о мощном крестьянском движении 1905—1906 г.

Невнимание к крестьянскому движению приводит тов. Невского в дальнейшем к следующему ошибочному положению. Рассказывая, совершенно верно, о разногласиях между меньшевиками и большевиками по вопросу о движущих силах революции, тов. Невский неожиданно заявляет: «В то время, как большевики видели две главные революционные силы революции—пролетариат и беднейшие слои крестьянства, меньшевики полагали, что пролетариат и крестьянство без буржуазии революции не совершат» (стр. 268). Это положение способно сбить с толку читателей, так как путает два принципиально различных вопроса о тактике пролетариата в эпоху буржуазно-демократической и в эпоху социалистической революции. «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»—такова классическая, тактическая формула большевизма в революции 1905—07 г.г.» (Н. Ленин, собр. соч., т. VI, стр. 371). В непоминании этого, кстати сказать, Ленин видел коренную ошибку меньшевизма.

Совершенно невыясненным остается у тов. Невского и столь интересный вопрос, как вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Это тем более непонятно, что, освещая революцию 1917 года и указывая на разногласия по этому вопросу между Лениным и Каменевым, тов. Невский считает возможным ограничиться следующим заявлением: «Ленин подробно остановился на этих разногласиях в своих «Письмах о тактике», к которым мы и отсылаем (?) читателей» (стр. 419).

Не останавливаясь на ряде других вопросов, возникающих в связи с книгой тов. Невского, отметим лишь наиболее бросающиеся фактические неточности.

На стр. 16 тов. Невский следующим образом излагает взгляды Бакунина: «Крестьянин носил в себе три основные свойства коммунизма:

веру, что земля ничья, принадлежит всем, ненависть к царю и ко всякой власти и атеизм (крестьянин не верит, а только формально исполняет обрядовую сторону религии)». Как известно, Бакунин различал три положительные и три отрицательные особенности русского идеализма. Положительные: земля принадлежит народу; право на пользование ею принадлежит не лицу, а общине; общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение к государству. Отрицательные черты, с которыми следует бороться: патриархальность; поглощение лица миром; вера в царя. «Можно было бы прибавить, в виде четвертой черты... христианскую веру, но... у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе». (Цит. по Плеханову, том II, стр. 135). Как видит читатель, это не совсем совпадает с тем, что говорит тов. Невский.

На стр. 332 читаем: «Вторая общероссийская конференция собралась по вопросу об участии в избирательной думской кампании... Большевики разделились, и часть из них была против участия в выборах, стояла за бойкот (Богданов, Каменев). Ленин и большинство большевиков высказывались против бойкота. Чтобы не разрывать большевистского фронта на общероссийской конференции, большевики явились с единой тактической линией». Чтобы не тратить время на излишние комментарии, предоставим слово участнику конференции, тогдашнему руководителю бойкотистского течения в нашей партии, тов. Каменеву: «На июльской (1907 г.) конференции... Ленин один голосовал за участие (в выборах), в то время как все остальные делегаты-большевики голосовали против участия». («Между двумя революциями», стр. 229).

Читатель помнит, что тов. Невский рассматривает свою книгу как «учебник». С этой точки зрения ее несомненным недостатком является преобладание описательной стороны над аналитической.

Отдельные места в книге подчас выходят из рамок «учебника», делая ее интересной и для более «квалифицированного» читателя. К таким местам следует отнести, в первую голову, проработанные на основе недавно опубликованных материалов, вопросы об отношении «Искры» к Струве, о выработке программы партии и ценные описания работы и жизни провинциальных организаций партии в различные периоды ее истории.

Методически верным и целесообразным следует признать подход автора к построению книги: история партии увязана с историей рабочего движения, последняя излагается в связи с основными фактами экономического развития.

В общем, несмотря на указанные недостатки, можно только приветствовать появление в свет книги тов. Невского. На фоне почти полного отсутствия подобной литературы, она является значительным и ценным достижением. Если к этому прибавить, что книга, несомненно, станет одним из основных пособий в нашей партийной учебе, станет понятным, какое большое и нужное дело сделано ее автором. Изложение истории партии, в настоящей книге, являющейся первой частью, доведено до кануна Октября.

Эм. Газ.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
Л. Каменев.
А. Слепков.
Е. Ярославский.

Указатель статей, напечатанных в „Большевике“ за 1924—1925 г.г.

I. Статьи и заметки т. В. И. Ленина.

II. О Ленине и ленинизме.

Троцкизм.

III. Вопросы внутрипартийной политики.

IV. Экономическая политика диктатуры пролетариата и советское строительство.

Партийная политика в деревне.

Рабоче-крестьянский блок.

Вопросы промышленности, торговли и финансов.

Расслоение деревни.

Советское строительство и др.

Экономика переходного периода.

V. Вопросы литературной политики.

Астров, В.—О «скептицизме», «критике» и собачьей старости. (О ежемесячнике «Октябрь Мысли», № 3—4). (1924 г., № 5—6, стр. 63).

Ревизия ленинской теории культурной революции. (По поводу статьи тов. Яковлева в № 11—12 «Большевика»). От редакции «На посту». (1925 г., № 15, стр. 66).

Слепков, А.—Об одном политическом вывихе. (Ответ «злому гению» рабселькоровского движения т. Вардину). (1925 г., № 13—14, стр. 65).

Его же.—Заметки читателя о литературных теоретиках. (1925 г., № 16, № 16, стр. 58).

Яковлев, Я.—О диалектике культурного развития и Вардинском переложении А. Богданова. (1925 г., № 11—12, стр. 9).

VI. Международное положение.

(Международная политика и экономика).

Американец.—Нефтяной скандал в Америке. (1924 г., № 2, стр. 54).

Беннет.—После Скарборо и Ливерпуля. (1925 г., № 19—20, стр. 72).

Брандт, Э.—Экономический кризис в Польше. (1924 г., № 2, стр. 61).

Бухарин, Н.—Противоречия современного капитализма. (1924 г. № 10, стр. 7).

Бухарцев, Дм. — Сотрудничество и противоречия англо-американского капитализма в плане Дауэса. (1925 г., № 1 (17), стр. 78).

Его же.—О «пафосе» восстановления мирового хозяйства. (1925 г., № 8, стр. 95).

Его же.—О «новой фазе» и стабилизуемых «революционерах». (1925 г., № 13—14, стр. 102).

Валецкий, Г.—Война, мир и II Интернационал. (1925 г., № 15, стр. 11).

Войтинский, Г.—Сун-Ят-Сен и освободительное движение в Китае. (1925 г., № 5—6, стр. 44).

Его же.—Углубление классовых противоречий в Японии и борьба с абсолютизмом. (1925 г., № 7, стр. 54).

Его же.—Интервенция в Китае. (1924 г., № 12—13, стр. 49).

Гарантийный пакт и СССР. Передовая. (1925 г., № 19—20, стр. 3).

Десятилетие мировой войны. (1924 г., № 9, стр. 3).

Иоффе, А.—Советско-Британские договоры. (1924 г., № 14, стр. 68).

Лапинский, П.—О двух Аяксах и о «революционном консерватизме». (1925 г., № 11—12, стр. 82).

Левин, Макс.—Новый курс германской компартии. (1924 г., № 1, стр. 104).

Марков, И. Д.—Положение в Польше. (1925 г., № 23—24, стр. 68).

Мировая политика. (1924 г., № 7—8, стр. 82, № 9, стр. 90).

М. Т.—Брешь в англо-американском блоке. (1925 г., № 3—4, стр. 98).

Новый поход против СССР. Передовая. (1925 г., № 15, стр. 3).

Петров, Н.—Возврат к аграрному протекционизму. (1924 г., № 12—13, стр. 61).

Проект экспертов. (1924 г., № 7—8, стр. 101).

Реммеле.—Итоги с'езда германской коммунистической партии. (1924 г., № 5—6, стр. 124).

Рой, М. Н.—Индия и английское рабочее правительство. (1924 г., № 2, стр. 47).

Рубинштейн, М.—Колонизация Европы, американским капитализмом. (1924 г., № 12—13, стр. 28).

Семич, М.—К национальному вопросу в Юго-Славии. (1925 г., № 13—14, стр. 97).

Спектатор.—Стабилизация капитализма или шатание мысли. (Критика антикритики т. Лапинского). (1925 г., № 13—14, стр. 97).

Сталин, И.—К международному положению. (1924 г., № 11, стр. 8).

Его же.—К национальному вопросу в Юго-Славии. (1925 г., № 7, стр. 20).

Его же.—Еще раз к национальному вопросу. (1925 г., № 11—12, стр. 23).

Стецкий, А.—«Оздоровление» Германии. (1924 г., № 2, стр. 56).

Его же.—Экономические пружины американского «наступления». (1924 г., № 15—16, стр. 84).

Тальгеймер, А.—Заметки о Форде. (1924 г., № 11, стр. 34).

Танин, М.—Советский союз и буржуазные государства. (1924 г., № 1, стр. 81).

Его же.—Международная политика. (1924 г., № 2, стр. 6).

Его же.—«Пан-Европа». (1925 г., № 11—12, стр. 72).

Его же.—«Дауэсизация» Франции? (1925 г., № 21—22, стр. 39).

Тимов, С.—Финансовый кризис и национально-освободительная и классовая борьба в Румынии. (1924 г., № 12—13, стр. 55).

Его же. — МССР, бессарабская проблема и румынская буржуазия. (1924 г., № 14, стр. 78).

Его же.—Противоречия империализма и национальный вопрос на Балканах. (1925 г., № 5—6, стр. 53).

Его же.—Под знаком войны. (1925 г., № 9—10, стр. 65).

Т. К.—Советский союз и буржуазные государства. (1924 г., № 2, стр. 77).

Трен, Альбер.—Выборы во французский парламент и революционные перспективы. (1924 г., № 5—6, стр. 112).

Федоров, Р.—Провал Макдональда. (1924 г., № 14, стр. 58).

Его же.—К событиям в Египте. (1924 г., № 15—16, стр. 97).

Фрейлих, П.—Политические партии в Германии и выборы в рейхстаг. (1924 г., № 5—6, стр. 102).

Штейн, Б.—Гарантийный договор. (История и политика переговоров). (1925 г., № 13—14, стр. 85).

Его же.—Наступление англо-американского капитала. (1924 г., № 12—13, стр. 38).

VII. Международное рев. движение.

(Коминтерн, Профинтерн, Профсоюзы, борьба в колониях).

Войтинский.—Партия Гоминдан и китайская революция. (1924 г., № 1, стр. 119).

Зеликман.—Рабочее движение в капиталистических странах. (1924 г., № 1, стр. 128).

Зиновьев, Г.—К итогам конгресса Коминтерна. Передовая. (1924 г., № 7—8, стр. 3).

Китайгородский, П. — Французские колонии в огне восстаний. (1925 г., № 16, стр. 51).

К сессии расширенного Исполкома Коминтерна. (1925 г., № 5—6, стр. 3).

Лозовский, А. — Международное рабочее движение и III конгресс Профинтерна. (1924 г., № 5—6, стр. 26).

VIII. Критика оппортунизма.

IX. О белой эмиграции.

X. Красная армия.

XI. Философия.

XII. История.

XIII. Письма в редакцию.

Критика и библиография.

СОДЕРЖАНИЕ.